

№8

Август 2011

ТАССОВСКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

КОНКУРС МОЛОДЫХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПОЭТОВ ЗАКАВКАЗЬЯ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»
ПРИ ПОДДЕРЖКЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ФОНДА ГУМАНИТАРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
ОБЪЯВЛЯЕТ КОНКУРС МОЛОДЫХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПОЭТОВ ЗАКАВКАЗЬЯ

ПОЛОЖЕНИЕ О КОНКУРСЕ

1. Общие положения.

Цели конкурса:

Конкурс проводится с целью укрепления межнациональных литературных связей, формирования ценностного отношения молодежи к русскому языку и культуре России, развития творческих инициатив и поддержки поэтически одаренной молодежи.

Задачи конкурса:

- возрождение и укрепление интереса к русскому слову, к культуре русской речи, популяризация русской речи среди молодежи;
- развитие интереса к национальной и русской истории, культуре, языку через осмысление исторических традиций и актуальности культурно-литературных связей;
- возрождение литературных традиций общения между интеллектуально-творческими кругами стран Закавказья;
- творческое стимулирование и реальная поддержка одаренной молодежи стран Закавказья.

2. Участники конкурса

К участию в конкурсе приглашаются молодые поэты Азербайджана, Армении, Грузии в возрасте от 17 до 30 лет, пишущие на русском языке.

3. Сроки и этапы проведения конкурса:

Конкурс проводится в пять этапов с 1 июля по 1 декабря 2011 года.

1 этап – информационно-оповестительный (1 июля – 15 сентября 2011 года);

2 этап – подача заявок и работ для участия в конкурсе (16 июля – 15 сентября 2011 года);

3 этап – оценка региональными жюри (Азербайджан, Армения, Грузия) представленных на конкурс работ (15 сентября – 1 ноября 2011 года);

4 этап – оценка единым международным жюри работ, прошедших региональный отбор (1 ноября – 15 декабря 2011 года);

5 этап – приезд и пребывание лауреатов конкурса в Тбилиси. Награждение победителей конкурса (декабрь 2011 года).

4. Содержание и формат представляемых на конкурс работ

Форма и тематика представляемых произведений являются творческой авторской прерогативой.

Объем работ – не более 15 тысяч печатных знаков (20 000 знаков – для крупных поэтических жанров и форм).

Работа должна быть выполнена на листе формата А4, шрифт Times New Roman, 14 кегль, интервал – одинарный.

5. Подача работ на конкурс

Подача заявок и работ для участия в конкурсе осуществляется с 16 июля по 15 сентября по электронной почте: rusculture@mail.ru

РУССКИЙ КЛУБ

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕТИЦКИЙ

Главный редактор
Александр Сватиков

Заместитель главного редактора
Арсен Еремян

Редакционная коллегия:
Вера Церетели, Алла Беженцева,
Донара Канделаки, Нина Зардалишвили

Художник-дизайнер
Ираклий Кипиани

Технический редактор
Давид Абуладзе

Компьютерная графика и верстка
Давид Элбакидзе-Мачавариани

Допечатная подготовка
Алена Деняга, Нино Цитландадзе

№8 (70)
Август 2011

Адрес редакции:
Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru

www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

СОДЕРЖАНИЕ

КАЛЕНДАРЬ	ОТ А ДО Я	4
ФЕСТИВАЛЬ	ПОЭЗИЯ – ПРЕЖДЕ ВСЕГО?	6
	СТИХИ КАК ОБРАЩЕНИЕ К БОГУ	10
	ЖИЗНЬ ПО ЛЮБВИ	14
	СНЫ О ГРУЗИИ НА ФОНЕ ПОЭТИЧЕСКОЙ ЯВИ	18
	МОЛИТВЫ СОТВОРЕНА ПОЭТАМИ	19
	ПРЕОДОЛЕНИЕ ГЕОГРАФИИ	22
ЮБИЛЕЙ	БЕССМЕРТИЕ	24
О, СПОРТ!	ЕГО НАЗЫВАЛИ БАСКЕТБОЛЬНЫМ ЭВЕРЕСТОМ	28
НАСЛЕДИЕ	«ЗАВЛЕКАЮТ В СОЛОЛАКИ СТЕРТЫЕ ПОРОГИ...»	32
ЛЕНТА ПАМЯТИ	ДОМИНАНТА	36
ДАТА	ЕГО ПЕСНИ ОСТАЛИСЬ	40
АРХИВ	ПОЛНАЯ ЖИЗНИ ФАНТАЗИЯ	42
ТВОРЧЕСТВО	«ПО ЛЕПЕСТКУ ЖИЗНЬ СОСТОЯЛАСЬ»	44
МУЗЫКАЛЬНЫЕ ОТКРОВЕНИЯ	ПУТЬ НА БОЛЬШУЮ СЦЕНУ	48
ПРЕЗЕНТАЦИЯ	ИЗ ГЛУБИНЫ	49
ПАЛИТРА	ПРИРОДА ТАЛАНТА	52
ПРОЩАНИЕ	«МЫ ПРИШЛИ НА ЗЕМЛЮ НА ОДИН МИГ...»	54

На обложке - Жарко!
Фото Александра СВАТИКОВА

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА
В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»:

Зураб Абашидзе, Гига Лордкипанидзе, Роин Метревели, Нани Брегвалде, Джансуг Чарквиани, Гулбат Торалде, Важа Азарашвили, Отар Мегвинетуахуцеси, Ирма Сохадзе, Гоги Кагарадзе, Гуджа Бубутеишвили (Грузия), Александр Эбаноидзе (Россия), Олег Воловик (Венгрия), Давид Маркиш (Израиль), Валентина Полканина (Белоруссия), Алексей Цветков (СПА), граф Петр Шереметев (Франция), Евгений Табачников (Россия), князь Никита Лобанов-Ростовский (Великобритания), Михаил Багдасаров (Армения), Михаил Носов (Россия)

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

ЮБИЛЕЙ ЗАХАРИЯ ПАЛИАШВИЛИ

16 августа - 140-летний юбилей великого грузинского композитора, педагога и музыкального просветителя Захария Петровича Палиашвили. Этот уроженец города Кутаиси, происходивший из семьи скромного певчего церковного хора, еще с юности проявлял блестящие музыкальные способности. Начальное музыкальное образование ему давал как отец, так и друг отца - органист католического костела по соседству. Когда семья переехала в Тбилиси, обучение Палиашвили продолжил известный дирижер и композитор Николай Кленовский. А завершил формирование молодого грузинского музыканта знаменитый Сергей Танеев в Московской консерватории. Автор «Иоанна Дамаскина» считал Палиашвили своим лучшим учеником и продолжателем традиции сочинения произведений для мужского хора.

По окончании консерватории Захарий Палиашвили вернулся на Родину, где стал одним из основателей Грузинского филармонического общества, а также возглавил хор, оркестр и музыкальную школу. В истории музыкальной культуры Захарий Палиашвили прославился как создатель опер и один из родоначальников грузинского национального оперного искусства. Особое место в его просветительской деятельности заняло собирание грузинских народных песен. Палиашвили записал их около 300.

Так, согласно литературной легенде, ворчливо отозвался Лев Толстой о «Рассказе о семи повешенных» Леонида Андреева. «Зеркало нашей революции» вообще не очень любил всевозможные «измы», а Леонида Андреева по праву считают одним из основоположников русского экспрессионизма. Его творчество действительно мрачно. Кто-то из современников даже назвал его «наш По». А истоки абсолютного пессимизма и неверия в человеческую доброту и волю стоит искать в трудной юности Андреева. Этот романтический и красивый человек – типичный представитель провинциального русского интеллигента. Родился он в Орле, в семье инженера-землемера. Андреев был меланхоличен и очень экзальтирован, увлекался, как все приличные интеллигентные юноши, Шопенгауэром и часто совершал экспрессивные поступки. Дабы испытать себя, однажды он улегся между рельсов, и над ним проехал поезд. Стрелялся от несчастной любви и всю оставшуюся жизнь мучался сердечной болью. Студентом голодал, но сумел закончить юридический факультет Московского университета и занялся адвокатской деятельностью. Впрочем, недолго – начиная примерно с 1902-1903 стал профессиональным писателем. Вскоре Андреева заметил Максим Горький и поспособствовал выпуску первого большого тиража его сочинений.

Революцию 1905 г. Андреев встретил с большим энтузиазмом и даже был ненадолго арестован полицией за то, что укрывал у себя участников восстания. Его выкупил Савва Морозов, известный промышленник и меценат. После этого пришлось ненадолго уехать за границу – Андреев жил у Горького на Капри, но вскорости отошел от революционных идей и, напротив, занял позицию осуждающую. Начиная с 1908 г. он возвращается в Россию и под Петербургом, в русской Финляндии, строит знаменитую дачу под названием «Аванс»

на средства, как раз и полученные, как литературный аванс. Во время Первой мировой войны он много работал и как журналист, и как писатель. А Октябрьскую революцию не принял и не понял. А когда Финляндия отделилась от России, он автоматически оказался в эмиграции, где и умер в 1919 г. 21 августа мы отмечаем 140 лет со дня рождения этого выдающегося писателя.

О ПОЛЬЗЕ ГРЯЗНОЙ ПОСУДЫ

Многие знаменитые изобретения появились случайно, и это касается, в первую очередь, пенициллина. Не помыл лабораторную посуду профессор Александр Флеминг, и на тебе – появилось на свет лекарство из плесени, которое спасло, по самым скромным подсчетам, 300 миллионов человек по всему земному шару. И, к слову, продолжает спасать до сих пор. Двадцатый век был богат на научных гениев – чего только люди не изобретали! От самолетов и атомных бомб до ракет и Интернета. Но изобретение пенициллина, по мнению многих, возымело значение настоящего эволюционного скачка.

Кем же был этот благодетель человечества, Александр Флеминг родившийся 130 лет назад? Был он сыном беднейшего шотландского фермера из таких скудных и болотистых пустошей, что прокормиться там могли разве что несколько человек из традиционно огромных семей. Остальные должны были искать хлеб насущный вдали от дома. Но если верить легенде, то Алексу повезло. Его отец выудил из болота попавшего в трясину графского сыночка из соседнего поместья. За что граф решил немножечко помочь сыну гордого фермера, отказавшегося от вознаграждения за спасение его мальчика. Граф оплатил расходы на образование, и Алекс Флеминг в итоге стал врачом-бактериологом лондонской клиники Святой Марии, где он и проработал всю жизнь. Именно в подвалах этой больницы и была знаменитая лаборатория, где Флеминг заметил, как плесень убивает куль-

туры опасных микробов. Кстати, согласно той же легенде, жизнь вновь свела Алекса Флеминга с графским сыном – тот заболел воспалением легких, и лечили его пенициллином. Звали этого графского сына Уинстон Черчилль. «Сколько можно тебя спасать?!» - мог бы воскликнуть почтенный профессор... Но сам знаменитый Нобелевский лауреат иронично относился к этим «сказочкам» из истории своего детства, говоря, что это выдумки журналистов. Флеминг был возведен за свои заслуги в рыцарский сан, и его портрет ныне украшает пятифунтовую купюру. Но самый трогательный памятник создателю пенициллина установлен в Мадриде благодарными матадорами, смертность которых значительно уменьшилась с изобретением легендарного антибиотика.

ЛАВРОВЫЙ ВЕНОК ЧЕМПИОНА

Ровно 100 лет назад, 17 августа, родился выдающийся шахматист, чемпион мира, гроссмейстер Михаил Ботвинник. Это был второй чемпион мира по шахматам, говоривший на русском языке (первым, как известно, был Алехин). Эти два гения так и не встретились за шахматным столом - Алехин скончался, не дожив до матча за шахматную корону. Ботвинник стал чемпионом, выиграв матч-турнир 1948г. Этот незаурядный человек в течение долгого времени был непобедимым, а если и проигрывал, как Василию Смыслову и Михаилу Талю, то неизбежно брал реванш. Но наступил такой момент, когда пришлось уйти из больших шахмат, и Михаил Моисеевич создал детскую школу, где учились знаменитые шахматисты последующих десятилетий, включая Гарри Каспарова. В последние годы доктор технических наук Ботвинник занимался искусственным интеллектом.

ЭТО СЛУЧИЛОСЬ В ЕЛАБУГЕ

70 лет назад, знойным августом 1941 г. к Москве неумолимо катился фронт – шли первые месяцы страшной войны. Среди интеллигенции шепотом передавали друг другу весть о том, что в Елабуге покончила с собой не так давно вернувшаяся в Россию знаменитая поэтесса Марина Ивановна Цветаева. И все безо всяких разъяснений понимали, в чем тут было дело. Несчастливая женщина вкусила горького эмигрантского хлеба, рискнула вернуться на родину, муж, Сергей Эфрон, был арестован и расстрелян, дочь сидела в Гулаге. Печатать саму Марину Ивановну никто не собирался, и жить было не на что. А тут еще и война. Соседи, бывшие свидетелями многочисленных ссор поэтессы с любимым сыном Муром, и без перевода (мать с сыном говорили по-французски) понимали, в чем упрекал Георгий мать: «Зачем ты меня привезла сюда?» Сохранился ее последний автограф, и это было не стихотворение, а заявление с просьбой принять на работу судомойкой в столовую Литфонда. В чем ей было отказано.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ МАЭСТРО КАНЧЕЛИ

10 августа отмечает 76-ой день рождения выдающийся грузинский композитор Гия Канчели. Мы его знаем не только как автора симфонической и камерной музыки, но и как создателя уникальных «саундтреков», как бы сейчас сказали, ко многим спектаклям Георгия Товстоногова (например, к «Хануме»), так и к популярным кинофильмам (например, «Мимино» и «Кин-дза-дза»). С днем рождения, дорогой автор любимой песенки «Читогврито».

ШПИОН, ВЫЙДИ ВОН!

Август – урожайный месяц на дни рождения знаменитых разведчиков. Но в нынешнем году мы отмечаем 135-летие выдающегося представителя, а точнее, представительницы, этой древнейшей профессии. Можно только представить себе, какой роскошный банкет закатали бы 7 августа многочисленные почитатели знаменитой шпионки и танцовщицы Маты Хари. Почему-то высшей добродетелью шпиона считается его умение не выделяться из толпы. С Матой Хари с точностью до наоборот – ее знали все, ее наряды, а точнее, их отсутствие, обсуждались всеми, о ее романах судачили во всех парижских салонах. И многие богатые люди и коронованные особы соревновались между собой в размерах бриллиантов, которыми они хотели бы одарить прекрасную разведчицу. А на самом деле... никакая она не Мата и не Хари, а очень даже Гертруда Целле из голландской глубинки. Ну не хотелось ей жизни провинциальной клуши, а захотелось чего-то шикарного. И вскорости Париж и другие европейские столицы были обклеены афишами – Гертруда объявила себя исполнительницей малайско-индийско-бирманских храмовых танцев, которые, к слову, были откровенно эротическими. А Европа в ту пору увлекалась ориенталистикой, то есть, всем восточным, и приняла загадочную жрицу «на ура». Какой же красивой стала ее жизнь! Сколько мужчин добивалось ее расположения. И все бы хорошо, но тут случилась Первая Мировая война. Исчезли гастролы, выступления на публике, аплодисменты, цветы и шампанское. А жить на что-то было надо. Ну как тут не податься в шпионы! Об этой стороне деятельности Маты Хари существуют только легенды, но, судя по всему, шпионкой она была никудашной. Запуталась в заказчиках, запуталась в своих мужчинах, среди которых было немало пожилых генералов, много болтающих в постели... Закончилась эта история плохо – ее арестовали. Французский военный трибунал приговорил Мату Хари к смерти.

Роб АВАДЯЕВ

ГАЛАКТИОН ТАБИДЗЕ ОСТАВИЛ
НАМ СТАВШУЮ ЗАВЕТНОЙ
ФОРМУЛУ:

О ДРУЗЬЯ, ЛИШЬ ПОЭЗИЯ —
ПРЕЖДЕ, ЧЕМ ВЫ,
ПРЕЖДЕ ВРЕМЕНИ, ПРЕЖДЕ
МЕНЯ САМОГО,
ПРЕЖДЕ ПЕРВОЙ ЛЮБВИ,
ПРЕЖДЕ ПЕРВОЙ ТРАВЫ,
ПРЕЖДЕ ПЕРВОГО СНЕГА И
ПРЕЖДЕ ВСЕГО...

(ПЕРЕВОД БЕЛЛЫ АХМАДУЛИНОЙ)

ПОЭЗИЯ – ПРЕЖДЕ ВСЕГО?

Сергей Чупринин

Оставаясь для самого поэта делом жизни, сегодня поэзия становится элитарным занятием для избранных и представляет интерес лишь для узкого круга ценителей. Так ли это? Организаторы V Международного русско-грузинского поэтического фестиваля «Сны о Грузии» решили подвергнуть известный тезис нарочитому сомнению и в качестве темы предложили для «круглого стола» вопрос - «Поэзия – прежде всего?». Ведущим дискуссии стал литературный критик, главный редактор журнала «Знамя» Сергей Чупринин.

Сергей Чупринин. Фестиваль – это, в первую очередь, праздник, и дух праздности, который витает над этим фестивалем, мне очень нравится. Но все-таки, чтобы все было, как полагается, необходимо что-то вроде передвижной творческой лаборатории, где обсуждаются существенные вопросы. Тема «Поэзия – прежде всего?» позволяет развернуть наш разговор в любую сторону. Разумеется, все привилегии – у модератора, то есть у меня. Меня тут спрашивали, как на фестивале поэты относятся друг к другу. Я ответил, что с потрясающим миролюбием, каждый встречает друг друга не надменной улыбкой, а вполне приятной. Но это можно попробовать немного разрушить. Не сильно. Если разрушать сильно, то надо переходить на личности... Я попробую говорить о том, что в современном фольклоре называется «общей температурой по больнице» - о вещах, связанных с современной литературой.

Я знаю, с кем имею дело. Поэты – такого рода существа, что они все равно будут говорить о своем. Если поэта спросить, сколько будет дважды два, он никогда

не скажет «четыре», он, скорее всего, даже не скажет «пять», а скажет «дважды два – сиреневый туман», например. Поэтому я не льщу себя надеждой, что разговор пойдет по тому пути, на который я постараюсь вас направить. Я скажу, что волнует меня как редактора литературного журнала и как человека, который последние 15 лет занимается обзором литературы, стремясь осмотреть всю местность. В современной литературе, или, если говорить конкретно, в современной русской поэзии, меня больше всего занимает то, чего в ней не достает, традиции, которые утеряны, пропущены, забыты. Я знаю три традиции, три мощных мотива, которые не представлены в современной поэзии. Первая из них – это, разумеется, космизм, традиция, которая была заложена Державиным, бунтарским, богоборческим образом проявилась у Маяковского, затем исчезла из русской поэзии и была представлена в 50-70-е годы, скорее всего, переводами. Я назову Назыма Хикмета и Эдуардаса Межелайтиса. Поскольку переводы были часто очень хороши, то эти иностранцы заменили в русской поэзии то, чего в русской поэзии не было, – разговор с мирозданием. Я знаю только один пример русского космиста – это Арсений Тарковский.

Я человек, я посередине мира,
За мною мириады инфузорий,
Передо мною мириады звезд.
Я между ними лег во весь свой рост –
Два берега связующее море,
Два космоса соединивший мост.

Этого нет, это ушло, поэзия стала частным делом. Вторая традиция, нехватку которой я ощущаю, – почти никто не пишет стихи о любви. Любовь мужчины и жен-

щины исчезла из современной литературы. Как сказала одна славная девушка, «любовь – это же не главное в жизни». Когда такое говорит 24-летняя девушка, я думаю, не начало ли это антропологической катастрофы? Все-таки в 24 года любовь должна быть главным, а не государство, культура, карьера... На открытии фестиваля было прочитано около ста стихотворений. Из них только одно каким-то образом касалось любви. Одно! Возьмите любую антологию русской поэзии 19 века – треть стихотворений, как минимум, будет вызвана этим роскошным, замечательным чувством. Любовь ушла из жизни? Неинтересно? Или, может быть, поэзия постарела?

Культура есть филиация, то есть разделение, расщепление на части. Скажем, поэт испытывает какое-то непосредственное чувство – голода, жажды, похоти, любви, стыда, откуда я знаю, какое еще... Но поэт – существо, сложно организованное, и он расщепляет чувство на части, оно становится все тоньше, все незаметнее и отходит все дальше и дальше от простого и, как я обычно выражаюсь, ни в чем не повинного читателя. Скучновато это все читателю. Давайте попробуем найти у тех поэтов, которые присылают стихи в редакции, простые и ясные строчки, написанные обычными словами, без сложнейших духовных и душевных трансформаций и желаний. Например: «Пароход белый-беленький, дым над красной трубой. Мы по палубе бегали, целовались с тобой. Пахнет палуба клевером...» и так далее. По-моему, замечательные стихи. А мне отвечают, это Шпаликов, это как-то мелко для современных стихотворцев. Хорошо, тогда так: «Подъезжая под Ижоры, я взглянул на небеса...» Неплохой ориентир, не правда ли? Или:

Нам свежесть слов и чувства простоту
Терять не то ль, что живописцу - зренью
Или актеру - голос и движенье,
А женщине прекрасной - красоту?

Мне кажется, что в этой пропущенной, забытой, оставленной простоте и прозрачности – один из мощных ресурсов дальнейшего поэтического развития. Все не только сложно, но, на самом деле, еще и просто. Любовь, космос, простые вещи... Может быть, допускаю я, прохладное отношение широкой публики к современной поэзии в известной степени объясняется еще и этим дефицитом? Я предлагаю вам высказаться. Буду очень рад, если кто-то меня опровергнет и прочтет свое или чужое, но написанное в наше время стихотворение о любви.

*Владимир Саришвили (Грузия). Разрешите?
Что зависть Париса, что боль Менелая,
Что ложе из листьев и мхов?
Я бранные ласки охотно сменяю
На вечные ритмы стихов.
Но плоть похитрее прожженного лиса,
В любви – начинанье корней.
И боль Менелая, и зависть Париса
Поэзии высшей сильней.*

С.Ч. Спасибо. Но, по-моему, это не про женщину.

*Олеся Рудягина (Молдова).
Знаешь, милый, - ничья вина.
Только стужа все ближе, ближе.
Я в тебя еще влюблена,
Но уже почти ненавижу.*

Борис Херсонский (Украина). Есть попса, которая берет на себя все эти темы. Как она с этим справляется, я не знаю. Но вот про любовь – пожалуйста: родится у меня ребенок от тебя, похожий на тебя, я не хочу, чтобы ребенок рос без отца. И, в общем-то, это звучит во всех маршрутках. К сожалению, навязчивая тема любви,

восходящая к стихам капитана Лебядкина, наполняет пространство. Это простые стихи, написанные ясным языком. Что может быть яснее? «Муси-пуси, миленький мой» – чувство во всей полноте. Я всегда говорил, что это универсальный припев к любому стихотворению. «Отвори потихоньку калитку и войди в темный сад, словно тень» - и можно продолжить – уси-муси-пуси. Мне кажется, что огромный удар по поэзии нанесла массовая культура, которую мы просто не можем контролировать.

С.Ч. Почему же так маломощна и труслива современная культура, что она бежит быстрее лани от массовой культуры в свой заповедный уголок?

Алина Талыбова (Азербайджан). Возможно, настоящая поэзия именно эту свою часть отдала на откуп...

С.Ч. Сдала без боя.

А.Т. ...массовой культуре. Мы с читателем не говорим об этом, а природа пустоты не терпит.

Евгений Абдуллаев (Узбекистан). Я согласен с тем, что сказал Борис Херсонский относительно массовой культуры, но хотел бы добавить, что в языке и литературе тоже существует понятие «усталость металла». Большое количество любовной лирики в предыдущие десятилетия, столетия привело к выработке, обветшанию поэтического словаря, старению жанра. Слова и фразы во многом обесценились. То же самое можно сказать и о простоте. Простая, доступная массовому читателю поэзия, на которую делалась очень сильная идеологическая ставка, начиная с 30-х годов, вызвала то, что этот подход себя не то что дискредитировал, но повторить его будет эпигонством. Хотя я считаю то, что сейчас происходит в поэзии, - это движение в сторону простоты после периода постмодернистских поисков, периода сложного языка, избыточной метафоричности поэтов поколения середины 80-х - начала 90-х. Как раз сейчас я вижу тенденцию даже к прозаизации стиха, стремление к минимализму и кларизму.

Равиль Бухараев (Великобритания). Все три позиции, заявленные Сергеем Чуприниным, чрезвычайно провокативны. Тем более, что на каждую из них мы ответ-то знаем – «неслыханная простота», которая «всего нужнее людям, но сложное понятней им». Простота – это высшая степень поэзии, это то счастье, тот последний вздох восторга, к которому я всегда стремился. Ибо сказать просто – невероятно трудно, для этого нужно иметь абсолютную подлинность. Когда мы говорим, что любви не хватает, имеется в виду, что не хватает подлинности. Пласт накладывается на пласт, и подлинное найти невозможно. Поэтому и любви мало в стихах, что она – крайняя подлинность. Но я хочу сказать о космизме. В 1996 году я сделал перевод поэта, беженца с Кипра, который жил в Англии. Это замечательный турецкий поэт Осман Тюркай. Книга называется «Вселенские странствия». Это поэт, который мысленно всю жизнь соперничал с Назымом Хикметом, но Назым был коммунистом, а он был беженцем во времена «черных полковников», всю жизнь прожил в Лондоне, в Сохо, там мы с ним познакомились и подружились. Если позволите, я вам прочту один фрагмент. Это совершенно чистый космизм. Назы-

Олег Воловик

вается «Азиатская роза».

Кто станет противиться речениям неба,
Которым бог научил свое космическое потомство?
Эти слова – постоянный источник
Для поколения пространства,
Сталактивный шепот воды,
Под который я пил теплое молоко
Из сверкающей сталагмитовой груди космической
матери...

О, капли падающие, капли падающие!
Экстатическое питье из небесных сосудов.
Ночь. Это азиатская роза хмельная,
Влажная насквозь.

Или ночь – это мак, чью мистерию не постичь земными глазами, мак...

Мы испили,
раскаленного добела восторга мы испили из небесных сосудов...

Теперь далеко, в такой далекой дали,
на вершинах альпийских холмов,
соскальзывая с горы времени,
мои ладони влажные сверкают,
мои ладони сбегаются
в звенящие звуки рассвета
и несколько горных озер.

Алексей Цветков(США). Любой графоман начинает с того, что пишет о любви, и именно о любви мальчика и девочки. Считать это подтверждением или опровержением – невозможно. Был поэт, которого убили. Я думаю, что он не уступит ни Турции, ни Молдове. Наверное, эти строчки многие знают:

Осматривая гор вершины,
их бесконечные аршины,
вином налитые кувшины,
весь мир, как снег, прекрасный,
я видел горные потоки,
я видел бури взор жестокий,
и ветер мирный и высокий,
и смерти час напрасный.

(Стихи Александра Введенского, поэта, основателя – вместе с Д.Хармсом – объединения обэриутов. – Н.З.)

Мы говорили о космизме. Есть космизм декларативный - дать с десяток названий звезд, и уже космизм. А этот человек пишет: «Так сочинилась мною элегия, Покуда ехал на телеге я». Эта традиция очень важна для русской поэзии. К сожалению, она была прервана. Большего космиста, чем Заболоцкий, в русской поэзии не было, но этих людей уничтожили либо физически, либо нравственно. Какие-то следы остались, но их немного.

Алина Тальбова. В прошлом году вышел сборник – я его редактировала – десяты бакинских поэтов под названием «Я вас любила».

С.Ч. Название все-таки в прошедшем времени.

А.Т. Александр Сергеевич одолжил нам строчку. Любовь, никуда не девалась, но надо, наверное, уметь любить, испытывать такие чувства, за которые не будет стыдно, а затем на них найдутся и слова, за которые не придется краснеть.

Олег Воловик. Мы говорим о возвышенном и о простоте. Но что должно быть мерилем - жизнь или смерть? Поэзия может умереть вместе с автором, а может жить в веках. Я хочу привести вам очень показательный пример. Три года назад был жив наш товарищ Нико Гомелаури. И когда он выходил на сцену – в кепочке, очках, небритый, эпатажный – и хрипел: «Выпью, выпью море», в некоторых кругах люди говорили: «Ну, это примитив»... А когда его не стало, и весь Тбилиси вышел его хоронить, и до сих пор везде читают его стихи, те, кто говорили, что это примитивно, начали слагать о нем

стихи, в том числе, и в своем витиеватом, непонятном стиле. Сколько бы мы здесь ни спорили, либо жизнь, либо смерть будет тем главным судьей, который будет самым справедливым.

Евгений Степанов(Россия). Во-первых, хочу процитировать Николая Глазкова: «Не все простое – пустое, не все сложное – ложное». Во-вторых, в 2010 году вышла очень хорошая книга – «Свойства страсти». Это антология лирической поэзии, составленная Сергеем Кузнецихиным, который живет в Красноярске. Тираж – 50 экземпляров.

С.Ч. Антология чего?

Е.С. Не только современной поэзии. Стихи Есенина...

С.Ч. Ну, конечно...

Е.С. Плюс современная поэзия.

С.Ч. Ну, например. Имя просто назовите.

Е.С. Прокошин, Чечик... Много самых разных авторов.

С.Ч. Понятно.

Е.С. Мне кажется, что во многом это проблема редакций и литературного общества, которое не готово лирическую поэзию воспринимать.

С.Ч. Рекомендую вашему вниманию ноябрьский номер журнала «Знамя» за этот год, который сейчас составляется. Мы решили весь номер целиком посвятить любви. Центральное произведение – нон-фикшн, начало большой книги Бориса Мессерера об Ахмадулиной. В номер войдут необыкновенно интересные мемуары киносценариста Натальи Рязанцевой о ее незаконной любви с Мерабом Мамардашвили и большая, сложная, конфликтная история любви Евгения Симонова и его жены. Но мы не смогли найти стихов, чтобы сделать в этом номере журнала нормальный поэтический раздел. Была даже идея объявить конкурс на любовное стихотворение. Но мы тут же себя остудили – конкурс на стихи о любви? В этом есть что-то аморальное.

Юрий Юрченко(Франция). Елена Исаева здесь? Как можно при ней говорить, что нет стихов о любви? В ее стихах - такая любовь, открытый, мощный монолог. Правда, иногда Лена срывается и пишет о России. Мне кажется, что вы, Сергей Иванович, и вообще ваш отряд редакторов, очень сильно лукавите, когда говорите, что нет стихов о любви. Я много лет в прекрасных отношениях с Александром Эбаноидзе, Андрей Василевский – мой сосеминарник по семинару у Винокурова, мы в добрых отношениях с вами. Но у меня даже мысли не было прислать им и вам свои стихи. Я понимаю изначально – это обречено. Потому что там – свой отряд. Вы говорите – где простые стихи? А кому вы даете премию «Поэт»? Я слушал некоторых обладателей этой премии, которую дает журнал «Знамя»...

С.Ч. Премию присуждает не «Знамя».

Ю.Ю. Ну хорошо. Но вы к этому причастны. И что мы слышим? Мы услышали стихи о любви? О космосе? Что-то простое, понятное? Нет. Но вы даете премии, а потом спрашиваете, а где у нас стихи о любви и космосе? Вы их не видите. И когда говорят «ах, общество...» Да не надо! Между поэтом и обществом стоят издатели и главные редакторы.

Евгений Абдуллаев. На мой взгляд, очень сильно упростился любовный...

С.Ч. Процесс.

Е.А. Язык. То, что раньше сильно табуировалось, чувства, которые под воздействием каких-то традиционных механизмов считались неприличным открыто выражать, сублимировались в ту самую любовную лирику. Не знаю, может, я человек устаревший, но я, когда ухаживал, своим девушкам читал любовные стихи.

С.Ч. Sic!

Е.А. А сейчас зачем стихи читать? Можно своими именами назвать что хочешь. Мне кажется, что это упрощение символического языка ухаживания, любовного ритуала, обеднило любовную лирику.

С.Ч. Вчера я случайно узнал, что отец Евгения Абдулаева того же года рождения, что и я. Оказывается, что Женя тоже читал девушкам стихи, а мне казалось, что это ушло вместе с нашим поколением. Когда мы были молоды, мы, не только филологи, но и другие молодые люди, отягощенные высшим образованием, непременно читали девушкам стихи. Я спрашивал у молодых женщин – читали ли вам стихи? Водораздел, оказывается, приходится лет на сорок. Тем, кому сорок, когда-то еще читали стихи. А тем, кто помоложе, уже нет. Кстати, стихи о любви носили и утилитарный, прикладной характер – ими вполне можно было охмурить доверчивую барышню. Помните, у Ходасевича: «Что верно, то верно! Нельзя же силком/Девчонку тащить на кровать!/Ей нужно сначала стихи почитать,/Потом угостить вином...» Следующее за мной поколение ухаживания начинает с угостения вином.

Олег Воловик. Мы видим падение нравов. Период ухаживания куда-то делся. Ухаживание – это растянутый путь, который сам по себе удовольствие. В любви, укоротив этот путь, молодые люди удовольствие урезали. И в языке, и в нравственности происходит одно и то же – возникает какое-то приспособленчество. Но что первично – стихи, которые воспитывают, или потребность, которая укорачивает путь к этой кровати, в конце концов?

Лидия Григорьева (Великобритания). Тираж в 50 экземпляров – это ваша вина. Хорошие стихи читают не только высоколбые люди, они нужны всем. Дело не в отсутствии стихов, а в отсутствии шедевров. Что до космизма, то все к нему стремятся, и поэтическое набарматывание тоже ведет в дебри космизма, хотя космизм – это всего-навсего вопрос веры в бога. Только. Но слова «бог» стесняются очень многие люди. Что касается лирических героя и героини, то еще восемь лет назад я подготовила для Международной конференции в Дели доклад «Мужчина в женском зазеркалье». Я перелопатила сотни публикаций, книг и не нашла в профессиональной, интенсивно работающей женской поэзии лирического героя. Его просто нет. Женщина разговаривает сама с собой. Естественно, следующей темой для меня стала тема о лирической героине – «Лаура 21 века, или метаморфозы идеальной возлюбленной». И в женской, и в мужской поэзии главное – автопортрет. Никто не говорит «передо мной явилась ты». Раньше говорили – «перед тобой явился я». А теперь – «перед собой явился я». Этот поэтический онанизм – он и есть главный в современной поэзии.

С.Ч. Градус разговора крепчает.

Елена Скульская (Эстония). Мальчики читают девочкам стихи. Гамлет тоже читал Офелии стихи, очень плохие, может быть, отсюда вся его трагедия. Provocativity заявления Сергея Ивановича не в том, что он задал эти три темы, а в том, что он выступает в роли Остапа Бендера, приехавшего в Нью-Васюки, и мы все – одноглазые любители. (Смех, аплодисменты). А не худо было бы вспомнить Ахмадулину, которая спросила: «Скажите, одаренных богом кто одаряет? И каким путем?» Если мы согласимся с тем, что поэт в той или иной степени одаряет бог, то этот провокативный разговор становится бессмысленным, потому что есть хорошие поэты и не очень хорошие поэты. Сейчас в нашей американской демократизации искусства возникло такое ощущение, как в американском кино, – если я захочу быть поэтом, я им стану, и напишу не хуже кого-

нибудь другого. А ложатся они в постель через 40 минут после знакомства или через три дня, сказывается только на демографической ситуации, и больше ни на чем.

Владимир Сарисвили. Как автор-составитель малой антологии переводов грузинской поэзии на русский язык я могу засвидетельствовать, что в современной грузинской поэзии очень высок удельный вес любовной лирики. И в женской поэзии, например, у Маквалы Гонашвили, лирический герой присутствует, он разнообразный, многоликий – герой юности, герой взрослой женщины, у которой есть опыт и грустный, и радостный...

Из зала. Еще бы – чтобы в Грузии не было любви! Под таким-то солнцем!

С.Ч. Есть такая формула – «заграница нам поможет». С любовью нам помогут грузины.

Юрий Ряшенцев (Россия). Эта аудитория состоит из людей, мне глубоко симпатичных. Но я хочу, чтобы все понимали – перед нами противник, который не собирается открывать нам объятия, за исключением отдельных истеричек, сидящих в зале. И надо понимать, что обращаясь к серьезным вещам – таким, как верлибр, который тоже имеет противника в лице классического русского стиха, нужно семь пядей во лбу иметь и в тридцать раз больше работать. В моем поколении говорили: есть четыре уровня стихов – простые и плохие, сложные и плохие, сложные и хорошие, и высший, идеальный уровень – хорошие и простые. Для того, чтобы добраться не скажу до четвертой, но до третьей ступени, нужно пролить массу пота. Я рискую вызвать неудовольствие аудитории, но я хочу, чтобы каждый из вас посмотрел на то, что он делает. Мне очень не хватает на нашем фестивале перфекционизма, стремления сделать лучше, истребить любые невнятности, неточности. Я слушаю людей, безусловно, большей частью способных, но они идут в зал с открытой душой: «Ну, стихами я говорю – что вы меня не понимаете, что ли?» Предполагается, что аудитория ахнет – да, мы понимаем, принимаем, завтра будем внукам своим читать! Не будут. Потому что пробить эту толщу непонимания, которая, не знаю, возникла ли в последнее время или существовала испокон веков, не-воз-мож-но без того, чтобы с горечью не посмотреть на то, что ты написал. Я думаю, что Сергей Иванович поставил перед нами три проблемы, и ни одна из них не может быть решена при нашем сегодняшнем отношении к делу. Я обвиняю нас всех в крайней наивности, в том, что мы представляем людей, которые нас слушают, как безумно любящих поэзию. Даже тот, кто ее любит, не готов воспринимать полуфабрикат. Когда я пишу лирические стихи, то чувствую себя совершенно одиноким человеком и думаю, что у меня аудитории либо нет, либо она крошечная. Я завидую вашей убежденности, что вы окружены друзьями. Нужно очень много попотеть для того, чтобы они были. (Аплодисменты).

Сергей Чупринин. Вот видите – надо было сидеть полтора часа, чтобы сказать то, что нужно сказать. Я сошлюсь на самого себя – приятно себя цитировать, хорошо помнишь слова – хорошо та дискуссия, которая продолжается и потом. Я думаю, что это как раз такая дискуссия. Спасибо!

Подготовила Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

Участники дискуссии

СТИХИ КАК ОБРАЩЕНИЕ К БОГУ

Участницей Пятого Международного русско-грузинского поэтического фестиваля «Сны о Грузии» стала поэт и прозаик, историк культуры, представительница золотого века самиздата Елена Алексеевна Игнатова, ныне проживающая в Израиле.

- Стихи, я в этом совершенно уверена, пишутся как обращение к Богу. Так утверждал Александр Блок. Они приходят сверху. Прозу можно научиться писать, стихи - нет. Я написала сценарии для многих фильмов, в частности, для картины о Блоке, видела его рукописи. В них много правок. Исключение - поэма «Двенадцать». На меня это произвело странное впечатление. Два листа в клеточку, на которых каллиграфическим почерком, без единой помарки, написан текст «Двенадцати». Поэт выбросил только одну строфу... И написал в своем дневнике: «Страшный шум, возрастающий во мне и вокруг. Этот шум слышал Гоголь. Сегодня я гений!» Потом Блок сам с трудом объяснял, почему он это написал. Это должно было быть сказано, и сказано через него! Вот так на самом деле пишутся стихи...

- Елена Алексеевна, были такие моменты, когда вам хотелось произнести в свой адрес эти слова: «Я гений!»?

- Да нет. Я думаю, это нескромно. Есть стихи, которыми я горжусь. Многие из них вошли в антологии, энциклопедии. Меня много переводят, пару лет назад в Америке вышла книга переводов моих стихов. Но, пожалуй, слова «сегодня я гений!» я сказала бы в свой адрес, выпустив книгу прозы - «Записки о Петербурге». Это жизнеописание города со времени его основания до 40-х годов XX века. Она была названа лучшей книгой о Петербурге второй половины прошлого столетия. Прозу можно научиться писать, и я это умею делать. Но когда приходят стихи, это ни с чем невозможно сравнить. Абсолютное счастье! Тут нет слов «гений - не гений». Просто посетило тебя высшее счастье.

- Хотела бы затронуть тему «Поэт и город». Вы плоть от плоти Петербурга. В то же время сегодня живете в Иерусалиме, а на момент нашей беседы находитесь в Тбилиси. Как пространство, в котором вы пишете стихи, влияет на ваше творчество?

- Нужна маленькая поправка. Дело в том, что первые пять лет своей жизни я прожила в деревне под Смоленском, у дедушки с бабушкой. Это мой импринтинг (психофизиологический механизм, в соответствии с которым впечатление или образ, воспринятые в определенный период развития, прочно запечатлеваются

Елена Игнатова

в мозге, превращаясь в устойчивую поведенческую программу - И. Б.). Самый главный свет и самая большая радость - эта деревенская Россия. Конечно, мое детство пришлось на послевоенное время, деревня была разоренная, но для меня это был период благоденствия, исполнения всех желаний. Что касается города, то Петербург - это, конечно, замечательно. Но я петербурженка только в первом поколении. Мои родители приехали в этот город после войны, и жили мы на рабочей окраине. Так что Петербург я, собственно, впервые увидела лет в пять. А до этого - заводы, огороды вдоль Невы. О Петербурге я написала сценарий фильма. Был такой проект - «Культурные столицы Европы», в рамках которого сняли полнометражный художественно-документальный фильм «На берегах пленительных Невы». И я оказалась певцом Петербурга, будучи внутренне к нему не особенно привязанной. Петербург - странный город. Там действительно могла быть написана «Шинель», родиться разные фантазмагории. Потому что каждый район имеет свое лицо и, надо сказать, я очень рада, что жила на окраинах. Этот город формирует душу человека и даже, можно сказать, деформирует ее. А Иерусалим - это счастье. При том, что кроме старого города, там почти все - новодел. Иерусалим - Святая земля, которая очень помогает реально. Мы, живущие там, открыли для себя

такой закон: если к концу месяца у тебя в кармане завалялся шекель, ты немедленно получаешь счет на шекель тридцать. Но если у тебя остается всего несколько копеек, тебе откуда-то приходят денюжки. Словом, там человеку не дают пропасть. Иерусалим – человечески теплый город. И Тбилиси всегда был теплым и замечательным. Здесь у меня прекрасные друзья...

- А как Святая земля повлияла на вашу поэзию?

- Появилось больше света, гармонии. Ностальгия для меня – вещь реальная, но она светлая.

- Душа этого хотела, искала - больше света, гармонии?

- Мы уезжали в 1990 году. Это было время всеобщего разброда. Я счастлива, что уехала в Иерусалим. Потому что на родине были такая злоба дня, такие страсти, такие дикие распри, что писать было невозможно! А сейчас мы далеки и в то же время рядом. Поэтому, например, сохранился прежний русский язык без нынешних жаргонов. Издатель журнала «Сибирские огни» мне как-то сказал: «Так не говорят и не пишут». Нет, так говорят и пишут! Потому что мы еще сохранили чистый язык – такой, какой он был двадцать лет назад. В Иерусалиме в моих стихах появилось больше света, ощущения, для чего ты в мире, осознания своего места в нем. Мы находимся в центре земли, в храме Гроба Господня находится так называемый пуп земли – мистический центр Вселенной. Здесь действительно можно осознать свое место, место России, Грузии и т.д. в мире. А у Грузии ведь вообще огромные связи с Иерусалимом...

- Поэт - человек мира? Вы так себя ощущаете?

- Нет, ощущаю себя человеком России. Человек России – это есть и человек мира, Иерусалима и всего христианского мира. И Тбилиси. В этом смысле. Россия – это то, на чем я замешана, при этом душа открыта для всего остального мира. Потому что я поняла, что если нет озлобления, какого-то безумия, можно найти общий язык всегда, в любой ситуации. У нас общие ценности, общая система морали. Я человек мира в том смысле, что исповедую те же ценности, что и, например, люди в Грузии.

- Как относитесь к тому, что поэт сегодня уже не

властитель дум?

- Мы часто вспоминаем шестидесятников XX века, собиравших стадионы, огромные залы. Это замечательно. Но мне кажется, это всегда связано с политической, с каким-то брожением в обществе. В этом смысле, когда поэт собирает стадионы, это дурной признак. Что касается отношения читателей к поэзии – было так: приехали в Израиль интеллигентные люди из России, прочитавшие определенное количество книг, и попали в другой мир. В Иерусалиме молодежь вообще не знает русский. Так что наша аудитория – это люди, как правило, немолодые. А те, кто там родились, порусски уже не читают. Но и в России было время, когда стихов не понимал никто. До сих пор книжные магазины не принимают стихов – их не покупают. Но в то же время в залах Москвы, Санкт-Петербурга появились слушатели, причем молодые. Так что на самом деле все восстанавливается.

- Бахыт Кенжеев сказал, что поэт на Западе никому не нужен.

- К нам однажды пришел в гости американский поэт. Каждый год, во время отпуска, он пишет книгу стихов. А когда возвращается на работу, то уже ничего не пишет. Вот такое отношение к поэзии! Бродский говорил о том, какое большое счастье быть поэтом в России. Потому что ты скажешь слово, и тебя услышат все. А на Западе тебя никто не услышит. Так что судьба поэта драматична. Я в основном печаталась за границей и в самиздате. Моя первая книга стихов вышла в Париже в 1976 году. До этого был «Континент», в котором я постоянно печаталась. Конечно, в России были страхи... Но это гораздо лучше, чем ватная стена, когда ты можешь делать все, что угодно, но это никого не интересует.

- Это тревожит вас или не имеет отношения к тому, что вы делаете – потому что вы просто не можете не писать?

- Конечно. Оказывается, вы пишете не для кого-то, а ... для себя. Известна фраза: «Делай, что должно, и будь, что будет». Мы делаем то, что должны. А все остальное уже не от нас зависит.

- Достаточно ли обладать стихотворным даром, чтобы быть поэтом?

- Изначально – да. Достаточно. Потому что есть поэты, написавшие одно стихотворение, которое осталось навсегда. Например, авторы «Гори, гори, моя звезда», «С любимыми не расставайтесь» остались в истории литературы. Конечно, нужно работать. Марина Цветаева, Борис Пастернак с утра садились за письменный стол и начинали писать. Мы этой роскоши не знали. Как правило, жилье было достаточно тесное. Я всю жизнь пишу по ночам, потому что по ночам все спят. Эта привычка укоренилась. Теперь у меня большое пространство, но все равно я пишу по ночам. Да, главное, что Господь наградил тебя даром. У меня никогда не было письменного стола. За ним всегда мой муж сидел – он ученый. А я на диване... Так что отворачивания к письменному столу у меня не могло возникнуть

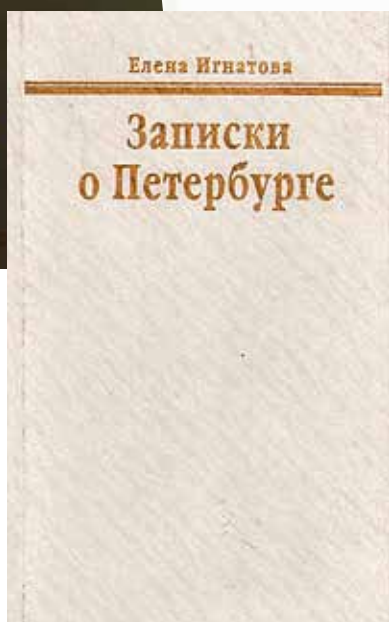
– за неимением.

- Но были моменты, когда вы охладевали к своему делу?

- К этому охладеть невозможно. Кто испытал это счастье – писать стихи... Другое дело, что бывают периоды, когда не пишется. Бог его знает, с чем это связано. Когда не пишется, возникает депрессия, жить не хочется. Это много раз описано – например, Блоком. Когда поэт молчит, подступает смерть. Жизнь как бы кончается. И какое счастье, когда способность писать возвращается! Да, поэзия – дело волшебное. Это твоё дыхание, кровь. Иногда говорят: ты сядь и попробуй писать. Я сажусь, пробую, но ничего не получается. Я не могу писать по заказу. В начале 70-х годов прошлого века у меня должна была выйти в Баку книжка. Мой друг был главным редактором какого-то издательства. Для этого нужно было написать так называемый «паровоз» – стихотворение по заказу. Он попросил сочинить что-нибудь про Кирова, который был связан с Азербайджаном. Я к Кирову относилась неплохо, но не могла придумать рифму. Кроме Киров – миров, ничего! Словом, я не смогла этого сделать. Прозу я пишу, когда меня просят, а стихи – нет.

- Стихи на порядок выше прозы?

- Как явление духовное – да. Когда не пишется, ты всякий раз как «голый человек на голой земле». Это именно ощущение голого человека на голой земле! В этом есть опасность. Непонятно, от чего умер Блок. Думаю, он умер... от немоты. А перед этим создал «Двенадцать» и «Скифы». Я написала целый ряд сценариев для фильмов о культуре – о Блоке, о Петербурге Андрея Бе-

лого, об Академии наук России, об Анне Андреевне – «Личное дело Анны Ахматовой». Поэтому я хорошо знаю материал. Да это и у Пушкина было! Последние годы он уже почти не писал стихов. Поэтический дар таит в себе соблазн... Но когда не пишутся стихи, можно сесть за прозу.

- Это какое-то спасение?

- Да-да. И в последнее время я больше пишу прозу. Перестала писать стихи несколько лет назад, когда умерла моя мама, с которой мы были невероятно свя-

заны. И я как-то испугалась на всю жизнь. Зощенко однажды сказал: «Поэт с перепуганной душой – это уже потеря квалификации». Так вот, когда испугалась душа, я долгое время вообще не писала стихов. А сейчас, кажется, все возвращается.

- На каких литературных впечатлениях вы выросли?

- Я, так сказать, вышла в жизнь в середине 60-х годов. Тогда появился маленький сборник Марины Цветаевой. Мы узнали Ахматову, Пастернака, Мандельштама, Ходасевича, стихи которых переписывали. Эти впечатления формировали судьбу. Потому что рядом с посредственностью советской литературы оказалось такое сокровище! И у нас не было сомнений, что выбирать – официальную поэзию или, так сказать, вольную. Мы выбрали вольную поэзию и заплатили за это дорого. Потому что не печатались в течение десятилетий. Мне повезло больше, чем другим. Начиная с 70-х годов я начала публиковаться за границей – по-

могли друзья. Но многие умирали, спивались. И все-таки другой выбор мы сделать не могли. Иначе просто разрушились бы. Сейчас нас относят к неофициальной ленинградской культуре, и это уже история. Стихи печатаются в антологиях, энциклопедиях. Пишутся какие-то литературоведческие работы. Это так странно. Ведь в принципе мы еще не старые люди, а уже вошли в историю. Видимо, заполнив какое-то место советской литературы. Возможно, все определялось за меня, заранее. Сегодня я могу писать, работать и дальше. Потому что чернота и серость не впустили в душу ни я, ни мои друзья.

- Вы производите впечатление человека внутренне абсолютно свободного...

- Да, это так. За исключением того, что у меня есть сын и муж. И тут я не свободна. Потому что присутствует тревога за них. Главное для меня – чтобы они были живы и здоровы, а с остальным я справлюсь. Что касается свободы вообще, то это понятие относительное. Когда мы жили в Советском Союзе, то считали, что достаточно выехать за границу, и тут начнется свобода. Но вот мы оказались за границей, и выяснилось, что свобода – это когда ты можешь путешествовать по миру. А если нет денег? Но это тоже несвобода! Появляются деньги – но у тебя, допустим, нет здоровья. Так что свобода – понятие действительно условное.

- Что вас вдохновляет?

- Любовь. Любовь к родине, к Святой земле. Я пишу о том, чему говорю «Да!». Потому что наступили времена, когда поэзия может смягчить ужас, разрушения и преступления, которые творятся в мире. Может быть, она остановит? Я думаю, что это так, потому что вижу, как стихи появляются в самых разных контекстах, на самых разных сайтах. Когда меня как-то спросили, какова цель моего творчества, я ответила: «Послужить Богу и Отечеству!» Вот эта формула. Насколько могу, насколько удастся, насколько повезет.

- Человек со временем становится лучше или хуже?

- Я вообще не верю в идею прогресса. Думаю, что ничего особенно не меняется. В моменты какого-то кризиса возникают самые архаичные вещи. Так было во времена революций, террора, когда вдруг самые жестокие, древние казни возникали. Так что прогресса нет. Стали ли люди лучше? Я не знаю. Думаю, с появлением христианства сформировалась новая мораль. Поэтому стало лучше. Но сейчас на улице похристианская эпоха, так что не знаю, стало ли человечество лучше. Хорошо бы. В Европе церкви уже сдают под клубы, однако в России христианство, кажется, возрождается. А вообще нынешняя жестокость имеет глубокие традиции. Все происходит всегда. Именно поэтому я не верю в прогресс. Но христианская мораль все-таки изменила человеческое бытие. К примеру, мы не смотрим гладиаторские бои... Была такая книга - «Гражданская война на Дальнем Востоке». Там описаны самые изощренные формы жестокости. Но лучше об этом не думать. И все-таки поворотный момент – христианство с его этическими заповедями.

- Служение Богу и Отечеству. Как это реально осуществлять?

- Я поэт, писатель. У меня есть свое орудие производства - слово. Я все пишу для родины. Что касается Бога, то это вещи очевидные.

- Родина – Россия?

- Конечно, Россия. Но и шире. Когда ты служишь честно своему Отечеству, то это касается всего мира. К примеру, император Марк Аврелий писал свои записки для римлян, а мы читаем их уже две тысячи лет. Так что служение Отечеству может пониматься в самом широком контексте.

- Назовите художественные произведения, которые вам ближе всего.

- Скажу так. Мои любимые поэты – Манделштам и Заболоцкий. Я всю жизнь читаю Диккенса. Когда у меня депрессия, это замечательное терапевтическое средство. Можно бесконечно перечитывать Толстого, Чехова. Всю жизнь интересуюсь исторической литературой – античность, история России...

- Как вам пишется в состоянии влюбленности?

- В состоянии, скорее, несчастной влюбленности. Я всегда была несчастно влюблена. И при том, что главная моя удача – мой муж. Моя подруга лет в 40 была несчастно влюблена. Это было в 70-е годы. Она так извелась, что пошла к психоаналитику. Я осталась ее ждать. Когда подруга вернулась, я спросила: «Ну что тебе сказали?» - «Он сказал: «Свинья грязи всегда найдется!» Человек всегда выбирает вариант, который способствует творчеству! Я всегда тоже выбирала такой вариант и потому могла писать. Но любовь – не единственное, что помогает писать. Есть еще и понятие родины, корней. Писатели, литераторы делятся на две категории. Одни своим словом мир разрушают, а другие купол небесный пытаются как-то сомкнуть. Я принадлежу ко второму типу. Во всяком случае, хотелось бы так думать. Я полагаю, что мир так хрупок, что задача всякого творца – сомкнуть этот купол, а не разрушать его. Как Маяковский. Бодлер. Нам талант дан на служение. Так что ты сам решаешь, кому и чему служишь.

- Получается, вы гармоничный человек?

- Нет. Кто-то написал обо мне – кроткая. Нет. Склонная к депрессии. Вспыльчивая. В кротости меня никто не может заподозрить. Я бросаюсь в битву как лев. Сергей Довлатов сказал, что спорить можно в двух случаях: если вы во всем согласны и нужно уточнить детали и если не можете смолчать. В остальных случаях спорить бессмысленно. Я вступаю в битву каждый раз, когда дело касается коренных вещей. Честно говоря, я не знаю в мире кротких поэтов. Поэт по сути своей не кроток, даже если кажется с виду таковым. Ведь поэзия - стихия, которую в нас вдохнули. Мы этим и живем.

- А как относитесь к термину «женская поэзия»?

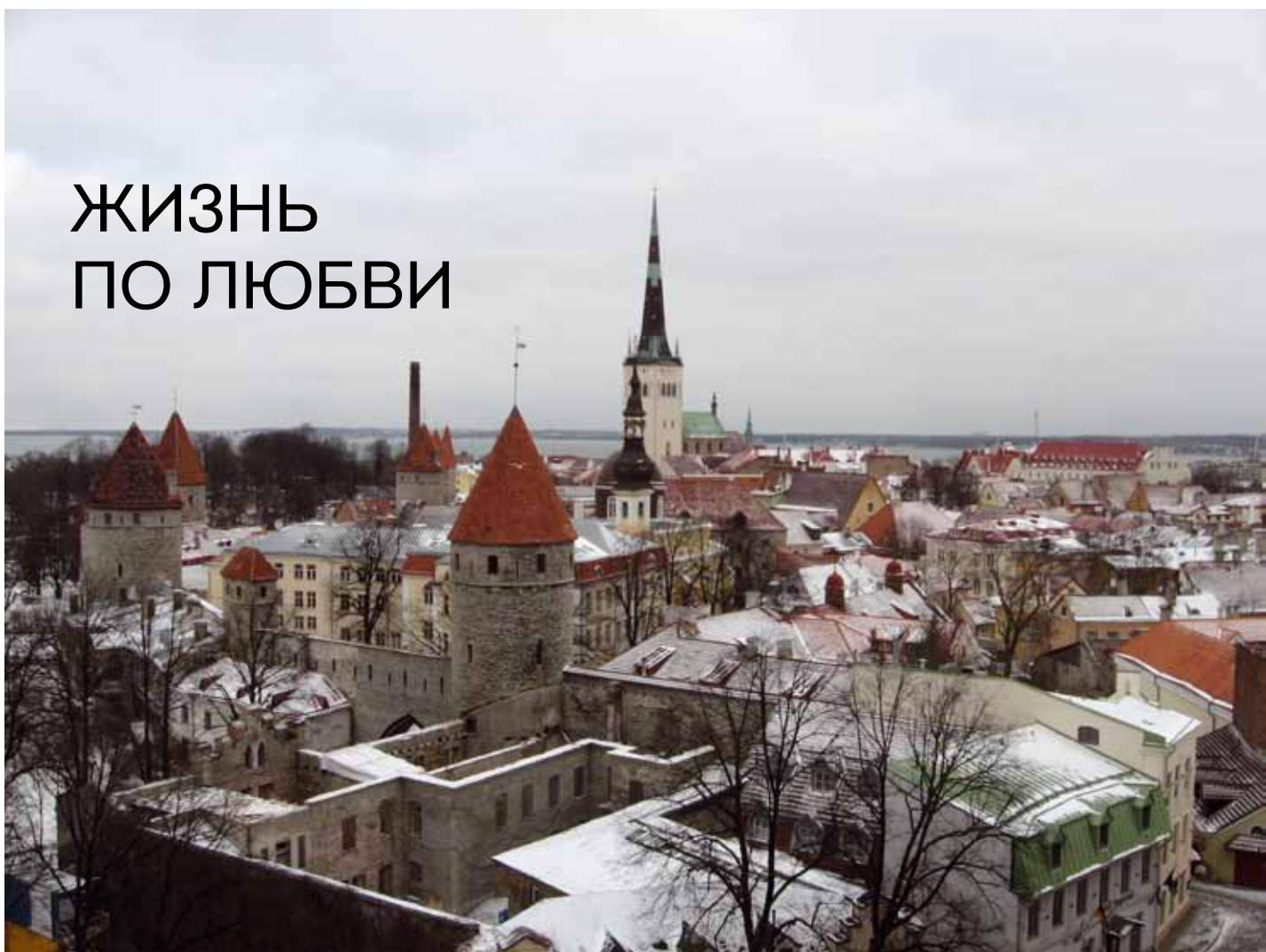
- Женской поэзии в высоком смысле не существует. Ахматова, Цветаева – поэты мощи мужской. Про меня сказал Евгений Рейн: тонкий лирический поэт. Это я-то тонкий лирический поэт? Я гражданственный поэт.

- Каким вам показался сегодняшний Тбилиси?

- В последний раз я была в Тбилиси в 1989 году. У меня было тогда очень горькое чувство, ведь я очень люблю Грузию. Мне объясняли, что русские - негодяи. Я не стала спорить. По совету друзей я тогда собрала детей, их родителей и рассказала историю России, тесно связанной с православием. Меня замечательно слушали. И лица были просветленные. А через день снова стали обвинять... Я не думала, что когда-нибудь снова окажусь в Грузии. И вот – я здесь. Сегодня, мне кажется, в Грузии присутствует какой-то оптимизм. Когда это огромное тело под названием Советский Союз было разорвано на части, то все стало бесформенным. А сейчас, во всяком случае, в Грузии, оформились какие-то границы самосознания... Вчера мы сидели в старом городе, пили замечательный кофе и любовались крепостью на вершине, луной огромной - просто какая-то необыкновенная красота, почти как декорация волшебной оперы. Так все гармонично!.. Я сужу по своим друзьям. Они давно перестали безумствовать, они умны, деятельны, и на таких людях обычно начинается замес чего-то нового. Так что я верю, что все в Грузии получится.

Инна БЕЗИРГАНОВА

ЖИЗНЬ ПО ЛЮБВИ

Елена Скульская – поэт, переводчик, прозаик, драматург. Член Союза писателей Эстонии. Лауреат международной Русской премии (2007). Кавалер Государственного Ордена Белой Звезды (2011). Автор четырнадцати книг.

- У вас, как у каждого начитанного и пишущего человека, наверное, есть какие-то литературные ассоциации с Грузией. Но вас с Грузией связывают и личные отношения. Расскажите об этом.

- Мой отец, писатель Григорий Скульский дружил с широким кругом литераторов. Литератор, критик, переводчик Эдуард Елигулашвили был его другом. Каждый год мы встречались в Пицунде, в Доме творчества писателей. Собиралась чудеснейшая компания, в которой, в частности, был и Натан Эйдельман, который обожал Грузию, Тбилиси. Я страшно горжусь тем, что в дневнике Эйдельмана, который опубликован, есть маленькая заметка о том, как мы гуляли по Тбилиси. В нашей компании было много грузин, но рассказывал Эйдельман. Натан Яковлевич объяснял нам, что здесь интересного, что нужно знать и понимать. Я тогда подумала о том, что иногда интересное снаружи видней, а изнутри не всегда все видно... Я познакомилась с Эдиком, заглянув в компанию к моим родителям, а сама, скорее, больше общалась с его сыновьями, которые моложе меня всего на десять лет. Эдик был необыкновенно изысканным

джентльменом. Я очень долго не понимала, что он за мной ухаживает. Но однажды он сказал моему отцу, сидя за шахматами: «Я безумно влюблен в вашу дочь». А у меня есть сестра, которая старше меня на 11 лет, папа решил, что речь идет о ней, и сказал: «Вы же оба свободны, зачем медлить?» Жена Эдика, Донара, которую он обожал, к тому времени трагически умерла... Эдик ответил, что влюблен в младшую. Но я тогда как раз была не свободна... После того разговора прошло много лет. Мы поженились в 1990 году, после почти пятнадцати лет знакомства. И началась упоительная история, когда каждый месяц, иногда и чаще, я прилетала в Тбилиси или Эдик прилетал ко мне в Таллинн... Иногда у нас было слишком мало времени для пересадок, и мы встречались в Киеве, Москве, Петербурге – там, где были прямые рейсы из Таллинна и Тбилиси. Кстати, Эдик был тогда корреспондентом «Литературной газеты» в Грузии, его обслуживала машина, а водителем был очень мрачный человек по имени Азиз, всегда всем недовольный, который считал, что Эдик совершил чудовищную ошибку, женившись на мне, потому что был убежден, что я все делала неправильно. А делала я вот что. Например, у нас была традиция – по приезде в Тбилиси, после всех пересадок, когда самолет приземлялся, испытания и волнения были позади, из аэропорта мы непременно ехали в центр города, в хинкальную недалеко от памятника Горгасала, ели обожаемые мною хинкали, запивали пивом и только потом ехали домой.

Елена Скульская

Была жива тетя Нина, помогавшая Эдику растить сыновей, и был мужской быт, куда я пыталась внести минимальное женское начало... Когда Эдик уходил на работу в корпункт «Литгазеты», за ним приезжала машина, я просила высадить меня в начале проспекта Руставели, и хотя Азиз был категорически против, я одна гуляла по проспекту, заходила в храмы, картинные галереи, магазинчики, смотрела на людей, и это доставляло мне неизъяснимое наслаждение. Начиналось хождение по Тбилиси, мы много ездили и по всей Грузии... Эдик потрясающе рассказывал, я во все влюблялась, и это становилось частью моей жизни.

- Вы приезжали в Тбилиси по любви...

- Все было прекрасно. Хотя какие-то вещи мне были для меня по-человечески безумно сложны. Скажем, во дворе все здоровались, а в Эстонии совершенно немислимо, чтобы посторонние люди здоровались или проявляли бы какой-то личный интерес.

- А здесь это в порядке вещей.

- Да-да. Но как-то я пришла домой с победным выражением лица и с торжеством заявила Эдику, что из третьего подъезда со мной никто не здоровается, на что он ответил: «Это неудивительно, потому что в третьем подъезде у нас стоматологическая клиника». А в эстонской журналистской среде, например, никто никогда не звонит друг другу со словами «у тебя вышел очень хороший материал или интересная статья» - не принято, нет

такой традиции. Эдика это удивляло.

- А если на улице упадет человек, подойдет? Или издалека вызовут скорую?

- Подойдут, конечно, и протянут руку, и помогут встать, но ровно в тех границах, которые необходимы для данного случая. И не останутся узнать, что там будет дальше... По сути я не прижилась бы в Тбилиси - здесь жизнь очень на виду. У тебя нет закутка, в котором ты сам по себе. Такой закуток надо себе выстраивать, выкраивать специально. А в Эстонии ты всегда сам по себе. Я могу прийти в театр, ресторан, на любое мероприятие одна, неважно замужем я или нет, и это абсолютно нормально. В Грузии, если женщина одна, далеко не всегда она может пойти куда угодно. И еще - в Грузии очень строгий ритуал взаимоотношений. Это все знакомо - как вы поцеловались при встрече, как вы посмотрели, как вы пошутили, позволили ли вы себе рискованную шутку даже в своей компании... И Эдику были очень тяжелы какие-то мои европейские привычки - я могла рассказать смелый анекдот, что было принято у нас в кругу журналистов, я курила, я могла с удовольствием выпить. Это его ужасно травмировало, и я прекратила все это делать... В Таллинне поначалу Эдику казались странными и фривольность тостов, и свобода обращения. Когда мы начали работать вместе в одной редакции, я - в отделе культуры, а он - в отделе международной жизни, его страшно раздражало, что его жену кто-то на ходу может запросто приобнять, поцеловать. Но у нас так принято. И тогда он перенес рабочий стол из своего кабинета в мой. Завотделом его спрашивает: «Эдуард Вениаминович, почему вы сидите в отделе культуры?» Эдик ответил: «Мне так спокойнее». Или, например, мы идем по улице, с кем-то здороваемся и идем дальше. Эдик все время спрашивал: «А почему вы не останавливаетесь?» У нас не принято прерывать течение чужой жизни. И я должна вам признаться, что мне соприродна моя эстонская жизнь - там у человека есть право пережить и радость, и несчастье так, как ему хочется. У меня однажды в Тбилиси заболел зуб, так человек тридцать взяли мне помочь - мне вызывали врачей, к кому-то мы поехали домой, кто-то повез на рентген, а потом в течение трех дней все звонили и спрашивали, как мой зуб. Я была в совершенном изумлении - для меня это невероятно, и я бы к этому не привыкла, это так противоречит моему самоощущению... Я, например, всегда в хорошем настроении. Но я видела в Грузии, что если в компании кто-то грустит, все у него спрашивают, что случилось, и очень часто человек объяснял, отчего он грустный, и все пытались найти решение его проблемы. С одной стороны, это колоссальная защищенность - ты словноходишь в большую семью. Кстати, меня тепло приняли родственники и подруги первой жены Эдика - для меня тоже это было странно, такая душевная щедрость... Помню, мы праздновали в Таллинне мой день рождения, ожидалось много гостей, и я позвонила сестре, которая живет на другом конце города, и попросила ее захватить табуретки, положить в багажник машины...

- А почему не попросить у соседей?

- Именно это и поразило Эдика: «Я не понимаю, как это - не обратиться к соседям?» А у нас так не принято - стучать, звонить, просить, интересоваться чужой жизнью... Эдик, допустим, меня спрашивает, как поживает такой-то эстонский писатель, как устроена его жизнь, женат ли он. Я говорю, что знаю этого человека двадцать лет, но никогда не задам ему такого вопроса - это кажется жутким вмешательством в личную жизнь.

Масса моих близких друзей не знают, как устроена моя жизнь, мой быт. А для Эдика это было потрясением и казалось чудовищным равнодушием... И все-таки, поначалу все было прекрасно. А потом наступили сложные времена... Я даже немного подкалывала Эдика, что выходила за богатого, известного человека, а прожила в таком статусе меньше года. Когда начался первый грузино-абхазский конфликт, мы отдыхали в нашей любимой Пицунде, и весь этот ужас нас коснулся впрямую. Август 92-го, ужасная жара. У меня было какое-то тяжелое предчувствие, и я почему-то все время просила его уехать, но мы не успели. Все это началось, и надо было как-то выбираться. Мы отдали все деньги, какие у нас были, какому-то человеку, который обещал нас вывезти из Пицунды. Он исчез, мы остались без денег... Было ясно, что мне нужно пробираться в сторону Адлера, а ему туда ни в коем случае нельзя было ехать. Я уезжала в автобусе, который постоянно останавливали вооруженные люди и приказывали всем грузинам выйти. 14-летнего мальчика, украинца, заподозрили в том, что он грузин, требовали, чтобы он вышел, но женщины заголосили, и мы не пустили его всем автобусом... А Эдик должен был пробираться морем. Он плыл на небольшом судне, которое вмещало 50 человек, но на него набилось 200. Люди стояли впритык, и несколько человек от жары и ужаса умерли. Так и доехали – мертвые, стоя... Когда мы добрались до Адлера, без денег, без всего, то, я никогда не забуду, проводница сажала в поезд только тех, кто знал содержание предыдущей серии какого-то сериала, который тогда шел. «Просто Мария», что ли... Проводница была в рейсе и пропустила серию... И только, когда наконец добрались - я до Москвы, а он – до Тбилиси - мы узнали, что оба живы...

- А что делали с теми грузинами, которым приказывали выйти из автобусов?

- Я не знаю... Из нашего автобуса мы не выпустили никого. У меня на коленях сидела трехлетняя девочка... Когда входили с автоматами, она прижималась ко мне и все время повторяла: «Нас убьют? Нас убьют?» Вот так наша веселая жизнь переломилась надвое. Потом я вновь неоднократно приезжала в Тбилиси, у нас было много счастливых и веселых моментов... Но - на трагическом фоне. Однажды мы шли по проспекту Руставели, было тревожное положение в городе, на проспекте - автоматчики, а на другой стороне был сувенирный магазин. Я обожаю керамику, у меня ею забит весь дом... И я перебежала на другую сторону, вхожу в магазин, а несчастные продавщицы сидят под прилавком, у них там свой быт, кофе себе варят на полу. Я попросила вазочку, которая мне очень понравилась, и они ее отдали мне бесплатно. Ну кому было до сувениров в тот момент? В Тбилиси были перебои со светом, с водой, не ходил транспорт, но театры давали спектакли, и я захотела посмотреть «Ричарда III». Выходить из дома надо было за полтора часа, потому что не на чем было добраться. Когда мы пришли в театр, Эдик представил меня кому-то из администрации театра, ради меня одной вызвали синхронного переводчика с грузинского, и мне в наушники переводили спектакль на русский язык. Подобные вещи производили на меня очень сильное впечатление.

- Сюрреализм... Холод, разруха, военное положение – и «Ричард III»...

- Но так и было... Эдик очень дружил с Резо Габриадзе, мы встречались с ним, были у него в театре. Вообще, яркая жизнь искусства – это самое острое воспоминание и ощущение от всего того, что происходило в Тбилиси. Хотя по утрам мы вставали в пять утра, чтобы занять

очередь за хлебом. Из еды иногда был только подсохший хлеб... Но приходил мрачный Азиз, доставал где-то мясо. И по-прежнему всегда делал мне замечания – ты неправильно готовишь, накрываешь, подаешь... Хотя он и любил меня, и жалел... Кстати, сыновья Эдика всегда за меня заступались. У нас были очень добрые отношения, они были рады, что отец, наконец, устроил свою личную жизнь... Но становилось ясно, что все-таки надо переехать в спокойный Таллинн, другого выхода нет. Последние пять лет своей жизни Эдик безвыездно прожил в Таллинне. Постепенно он привык, многое ему стало нравиться, но замкнутость жизни, отстраненность, отсутствие ярко выраженной дружбы, симпатии по-прежнему ему были тяжелы... Поразительно, но эстонская пресса заинтересовалась его творчеством. Его переводили на эстонский, и незадолго до смерти он стал яркой фигурой в культурном пространстве Эстонии, одним из очень видных политических обозревателей – не помешало ни незнание языка, ни другой менталитет. Но, к сожалению, все пережитое легло страшным грузом на его сердце, которое, в конце концов, не выдержало...

- Что ждет вас на вашем письменном столе по возвращении домой?

- Я родилась и всю жизнь прожила в Эстонии, знаю эстонский язык, люблю его. Только что я перевела лучшего поэта моего поколения Юхана Вийдинга, он был эстонским Высоцким – артистом, бардом, сочинителем пьес, режиссером. Он покончил с собой в 1995 году. Он никогда не переводился на русский язык – я перевела его впервые. Он был моим другом, у нас были планы сделать взаимные переводы, и вот я перевела 50 его стихотворений. К моей огромной радости презентация книги была и в Петербурге, есть предложения провести презентации и в других городах России. Это моя последняя работа. А вообще я начинала как поэт, всю жизнь пишу стихи, у меня вышло много книг. Потом я стала писать и прозу, и мой роман «Однокрылый рояль» как раз посвящен Эдику. Он удивлялся этому посвящению, потому что в романе нет ничего ни про Эдика, ни про Грузию. А я отвечала: «Для того, чтобы писать стихи, нужна несчастная любовь, а чтобы писать прозу, нужна любовь счастливая». Писать прозу – это долгий процесс, и он требует счастливых отношений. Роман был опубликован в «Дружбе народов», вышел отдельной книгой. Свой следующий роман «Рыбы спят с открытым ртом» я заканчивала, когда Эдика уже не стало, а в повести «Наши мамы покупали вещи, чтобы не было войны» и в некоторых других документальных повестях есть несколько историй, которые мне рассказал Эдик. После смерти Эдика я не приезжала в Грузию, я даже не приехала на открытие мемориальной доски – мне казалось, что мне будет безумно больно, а оказалось – прекрасно, потому что жизнь продолжается, и чем больше проходит времени, тем больше радостного вспоминается, а не трагического и печального. И, кроме того, конечно, я всю жизнь любила грузинскую литературу, хорошо знала грузинскую поэзию в потрясающих переводах... К одному из самых ранних своих стихотворений я взяла эпиграф из Тициана Табидзе: «Не я пишу стихи. Они, как повесть, пишут/ Меня, и жизни ход сопровождает их...» В этом тоже был какой-то знак... Я помню, в Таллинн привозили альманах «Дом под чинарами», и, еще не имея никаких личных связей с Грузией, я его читала и с завистью смотрела на то, с каким литературным вкусом он делается... Именно в Грузии я впервые поняла, что, несмотря на советскую власть, можно быть свободным. В Эстонии тоже была огромная свобода – но свобода

того, что издавалось на эстонском, пойдешь проверить, что они там пишут. Хотя я лично не могу пожаловаться – вещи мои выходили и при советской власти, и после.

- Зато не печатали Довлатова, с которым вы работали и дружили...

- Довлатов был абсолютно свободный человек, говорил все, что хотел, и эстонцы за него очень боролись. Они его очень высоко оценили. Довлатова не печатали, но у него вышла бы книга, если бы не трагическое стечение обстоятельств. Подруга Довлатова оставила его рукописи у человека, у которого на следующий день был обыск. Если бы не этот случай, книга была бы издана.

- Насколько я помню, он писал, что книга была уже набрана.

- Да, совершенно верно. До сих пор жив главный редактор издательства Аксель Тамм, ему 80 лет. Он описан у Довлатова. Он боролся за Сергея. Недавно я написала пьесу по прозе Довлатова «Большой человек в маленьком городе» и пригласила Акселя на премьеру. Поставил пьесу мой товарищ, артист русского театра Эдуард Томан. В спектакле был фрагмент про Акселя, и я попросила у него разрешения, чтобы артист, упоминая его имя, указал бы на него в зале, чтобы люди могли его увидеть. Он ответил: «Ни в коем случае. Я до сих пор не могу себе простить того, что в знак протеста во имя Довлатова я не ушел с занимаемой должности». А ведь он боролся за него до последнего.

- Довлатов описывает заседание редколлегии, на котором его просто сравнивали с землей... Это правда?

- Все было даже хуже. Я написала сейчас новые воспоминания, они будут опубликованы в 9-м номере журнала «Звезда». Я там пишу, например, о художнике нашей редакции, которого пустили на это заседание, потому что он сказал, что порвет Довлатова в клочья.

А до этого выпивал с ним... Естественно, что нас, друзей Довлатова, никто туда не пустил. Просился прийти мой отец от Союза писателей, ему тоже было отказано, хотя он был заслуженным писателем Эстонии и занимал очень серьезное положение. Все было разыграно, как по нотам.

- То есть друзья были на его стороне, а система против.

- Да, но кто были эти друзья? Беспартийные в партийной газете, не имеющие никакого права голоса – Миша Рогинский (в текстах Довлатова – Шаблинский) и я.

- Вы фигурируете в его текстах под каким-нибудь другим именем?

- Нет. Довлатов упоминает моего отца и описывает, как папа пытался ему помочь. Довлатов был очень-очень деликатным человеком. Люди, к которым он хорошо относился, как правило, не попадали в его тексты в каком-то искаженном виде. Туда попадали только те, кто «держал реплику» и на которых бы это не сказывалось – какой-то анекдот, смешная вещь, ни в коем случае не оскорбительная, либо те, кого он очень не любил. А вот люди, которые могли бы быть задеты, ранены... Ведь ни одна женщина не попала в его тексты в невыгодном для нее свете, приятельница или возлюбленная, неважно. Но в письмах, которые опубликованы – а у нас с ним была большая переписка – Сережа писал: «Лилька, если немедленно не ответишь, изобразю в романе». Я думаю, что он не видел меня в том ракурсе, который не стал бы для меня обидным. И пощадил меня. Вообще, у меня было уникальное положение в отношениях с Довлатовым, потому что в ос-

новном его в литературе на тот период и почти до конца жизни окружали люди, которых он считал мэтрами, живыми классиками...

- При этом будучи очень неуверенным в себе...

- Совершенно верно. Я была единственным человеком из его приятелей, кто был его на 10 лет моложе, абсолютно начинающее существо, и меня можно было учить, давать какие-то советы. Когда я пришла в редакцию, мне было года 23. Сережа сказал: «Давайте, я буду вам покровительствовать». И я была единственным человеком, с которым это можно было делать.

- И каким он был советчиком?

- Блистательным. Заботливым и очень снисходительным. Свои литературные кредо он высказывал в письмах ко мне. Но любому другому он бы постеснялся писать то, что писал мне. Иногда мне бывает обидно – эти письма цитируют все без исключения исследователи, но редко ссылаются на имя адресата. Видимо, и тут есть свой табель о рангах.

- Вы говорили, что никто из вас не предполагал огромных масштабов дарования Довлатова...

- Из друзей, которые в это время занимали уже очень высокое литературное положение, никто не предполагал, что Довлатов станет более популярным, чем они.

- А степень одаренности понимали?

- Масштаб был непонятен почти никому. Сейчас мне кажется, что мне он был понятен. Кстати, с 25 по 27 августа у нас в Таллине пройдут Довлатовские дни. Их организует Оливер Лооде, молодой бизнесмен, который прочел на русском Довлатова, решил заняться этим проектом и пригласил меня стать художественным руководителем. Будут показаны театрализованные представления, состоится выставка, выйдет сборник воспо-

Вечер памяти Сергея Довлатова. Ленинград 1991

минаний на эстонском языке. Кстати, Довлатов очень хорошо переводится на эстонский.

- Надеюсь, что наше общение не прервется с окончанием нынешнего фестиваля. Может быть, вы напишете нам, что делаете, чем живете. Тем более, что у вас такие интересные планы.

- С удовольствием. Я непременно напишу.

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

СНЫ О ГРУЗИИ НА ФОНЕ ПОЭТИЧЕСКОЙ ЯВИ

Несколько дней назад я вернулась из Тбилиси с V Международного русско-грузинского поэтического фестиваля — «Сны о Грузии», — это строчка из стихов Беллы Ахмадулиной и памяти Беллы, так уповательно прекрасно переводившей грузинских поэтов, и был посвящен нынешний форум.

Я уже и забыла, как это делается в Грузии: русские поэты из Литвы, Латвии, Франции, Австрии, Германии, Швеции, Финляндии, Испании и Дании прилетели почти одновременно — в пять часов утра.

Нас моментально посадили в автобус и повезли в Батуми, где должны были начаться чтения и круглые столы, но по дороге мы остановились на короткий завтрак: в начале шестого столы на огромной террасе роскошного ресторана были заставлены хаши и паштетами, хачапури и шашлыками, хинкали и пронзительной зеленью в каплях влаги.

Вино полилось в бокалы, зазвучали тосты, и нас, полусонных, называющих хинкали пельменями, а хаши — супом, уже включили в вечный грузинский праздник гостеприимства, поэзии и красноречия.

На поэтический праздник, организатором которого является президент «Русского клуба», учредитель и официальный представитель Международной федерации русскоязычных писателей в Грузии, заслуженный деятель искусств РФ Николай Свентицкий, съехались русские поэты в возрасте от 30 до 80 лет, живущие в более чем тридцати странах мира.

Поэтические вечера, дискуссии, круглые столы, творческие встречи вели Евгений Рейн, Юрий Ряшенцев,

Юлий Ким, главный редактор журнала «Знамя» Сергей Чупринин, президент Международной федерации русскоязычных писателей Олег Воловик...

Боже мой, как разбросало по свету русскую литературу в последние двадцать лет! Поэты Лидия Григорьева и Равиль Бухараев представляли Великобританию; поэтесса и певица Манана Менабде, грузинка, актриса московского театра «Мастерская Петра Фоменко» — Германию; Елена Игнатова — Израиль; Алексей Цветков, только что выпустивший новый перевод на русский язык «Гамлета», в котором он хотел превзойти Лозинского в художественности, а Пастернака в точности, — США; Юрий Юрченко — Францию...

...Мы читали стихи в переполненных залах от Батуми до Тбилиси; с нами выступали грузинские поэты и переводчики Като Джавахишвили, Шалва Бакурадзе, Давид Чихладзе; молодые русские поэты по подстрочникам и с помощью авторов стали переводить грузинских коллег. И везде нам говорили, что русскую и грузинскую поэзию связали гении, и было бы преступлением разрушить эти связи.

Меня, признаюсь, больше всего волновал вот какой вопрос: как и кем чувствуют себя сейчас русские поэты в тех странах вне России, где им волею судьбы или по сознательному выбору довелось оказаться?

Русскоязычные писатели Грузии, несомненно, считают себя частью грузинской культуры, все без исключения — двуязычные, все без исключения занимаются переводами и считают это своим высоким долгом.

Молодые поэты, оказавшиеся в разных странах Европы, даже не понимают, в чем смысл моего вопроса: разумеется, они моментально выучивают язык, знакомятся с коллегами, начинают переводить, изучать тонкости и нюансы, культурные традиции, все, чем живет их новое литературное пространство. Сохраняют ли они в этой обстановке собственно русские поэтические традиции?

Слушая выступления многочисленных своих коллег, я пришла вот к какому выводу: есть поэты, — в какой бы стране они ни жили, — которые чувствуют себя частью единой русской поэзии. У них нет соблазна стать первым или видным поэтом крошечного мирка эмигрантского клана; они существуют в живом пространстве современного русского языка, традиций и исканий русской поэзии.

Вторую группу поэтов составляют те, кто совершенно подчинился иноязычной стихии. Пишут так, как пишут их коллеги в Австрии или Дании, Финляндии или ... (любой европейской стране): некий вялый, почти ленивый прозаический текст с легким оттенком философической эссеистики; нечто, написанное в столбик, иногда даже очень милое, но все-таки очень далекое от того, что принято называть русской поэзией.

И, наконец, третья группа — поэты, отстаивающие буквы русских законов стихосложения; с довольно архаичной лексикой, усредненными приемами, отгородившиеся от всего мира, застывшие в пространстве двадцатитридцатилетней давности. Им, может быть, кажется, что они подражают Есенину, но получается у них, как, примерно, у Эдуарда Асадова.

...Соединив поэтов разных поколений, разных стран, вкусов, уровней, взглядов, фестиваль в Грузии создал пространство, где поэзия еще востребована, где споры о ней могут довести до криков и клятв, где читают стихи до утра... Как писала Белла Ахмадулина в стихотворении: «Сны о Грузии»:

алым камушком во Мцхета
воздаю хвалу и честь.
Господи, пусть будет это
вечно так, как ныне есть

Мелена СКУЛЬСКАЯ

МОЛИТВЫ СОТВОРЕННЫ ПОЭТАМИ

Стихи Валентины Поликаниной пахнут яблоками и свежестью утра. Она верит в силу поэтического слова, в то, что «земля потому и вращается, что этого хочет поэт». Верит, что «тяжкие хвори - душевные раны - врачует святая Любовь». Каждое ее стихотворение - это проникновение в себя, в «бездонные синие воды» своей души («Бумага - подробная карта моих мыслей. Только она знает, зачем и куда я иду» - написала Валентина в своем дневнике). Читая стихи Поликаниной, ведя с ней интеллектуальный диалог, ощущаешь упругость и истинный смысл слов. Секрет прост: Валентина искренна в каждом своем стихотворении, в каждой высказанной мысли, выраженном чувстве... Это - ее природа, чистота, незамутненное сознание. Здесь уместно вспомнить Булата Окуджаву с его знаменитой фразой «Каждый пишет, что он слышит, каждый слышит, как он дышит, как он дышит, так и пишет...»

В июне Валентина Поликанина вновь побывала в Грузии, на Пятом Международном русско-грузинском поэтическом фестивале «Сны о Грузии». Здесь прошел вечер, посвященный ее творчеству. Организовал его Союз белорусских соотечественников в Грузии «Сябры» (руководитель - Алексей Бахолдин) при содействии Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб» (президент - Николай Свентицкий). Отмечу особую роль в проведении вечера заведующей отделом культуры и туризма союза «Сябры», барда Элины Урумовой, а также автора композиции, тещи и ведущей Анны Налбандян. Они сумели создать в зале Национальной парламентской библиотеки, где проходил вечер, атмосферу душевной близости. Стихи белорусского поэта прозвучали в авторском исполнении, а также в дуэте с актером театра им. А. С. Грибоедова Валерием Харютченко. Эмоционально насыщенный, драматичный диалог двоих, раскрытый в лирической композиции «Встреча». Стихи Валентины глубоко прочувствовала и донесла до слушателей Анна Налбандян, одновременно анализируя творчество поэта, цитируя ее высказывания, а также оценки поэзии Поликаниной критиками, литературоведами. В композиции прозвучали стихи «Художник», «Я - твой остров, Одиссей, горестная пристань», «Все по наитию» и другие; три перевода на грузинский язык Шота Кандаваки «Домик в Орловщине», «Еще печет. Не отболело...», «Когда нырнешь на глубину несчастья...» В программе приняли участие заслуженная артистка России, посол доброй воли ООН, лауреат многих международных вокальных фестивалей и конкурсов Ксения Захарова-Воловик; певица Маргарита Галегова, ансамбль славянской песни «Лилея» (художественные руководители Ираклий Микеладзе и Галина Колесниченко), пианистка Нина Метревели. С песнями на стихи Поликаниной выступила Элина Урумова.

Президент Международной федерации русскоязычных писателей Олег Воловик (Венгрия) вручил Валентине Поликаниной орден «Культурное наследие».

- Поэзия - моя судьба. Это с детских лет, - сказала Валентина Поликанина. - Я считаю, что если

Валентина Поликанина на фестивале

человек связывает с чем-то свою жизнь, то это должно проявляться очень рано. Ко мне рифмы начали приходиться в четыре года. Как сейчас помню, я говорила папе: «Запиши, а то мысль уйдет!» Мне тогда было лет пять. У меня до сих пор хранятся черновики, написанные папиным почерком. По своей сентиментальности я все сохранила. Первые мои опыты, наверное, еще не назовешь стихами, но это детское рифмотворчество - первое «проклевывание» поэтического росточка. Думаю, что если это судьба, то ее ни с чем не спутаешь. На мой взгляд, поэзия должна быть далека от меркантильных целей. Она не любит денег и живет там, где свобода, тишина, уединение. Уверена, что стихи я должна заслужить, выстрадать. Иногда кажется, что извлекаешь из себя всего несколько строчек. Но это такой труд! Кто-то скажет о поэте: «Ну что он сделал? Всего пару строк сочинил!» Хотя хорошее стихотворение - результат огромной работы души. И возникает вполне физическое ощущение усталости! Хочу рассказать одну историю. Когда я писала поэму о войне «Память» - об узниках Озаричского лагеря смерти в Полесье, то у меня возникло состояние вымученности. Все мои силы были отданы тому, чтобы войти в то время, в психологическое состояние узников. И для меня большой наградой были слова выживших - в войну они еще были детьми. Услышав мою поэму, они сказали: «У нас такое впечатление, будто вы были с нами в тот злополучный год!». То есть инспирация возможна. Я даже не могу объяснить этот феномен, но что-то явно происходило. Я отказывалась от встреч с друзьями, от приглашений на вечера - под любым предлогом оставалась дома, и мне... писалось. Когда поставила последнюю точку, поняла: все, больше я ничего не скажу! То же самое происходило еще с одним стихотворением - «Для добрых дел земных - широко полюшко». Я его написала и словно лишилась сил... Когда я прочитала его своей подруге по телефону, у нее на другом конце провода перехватило дыхание. У меня есть ощущение, что в моем творчестве это нечто наиболее значимое, пусть речь идет всего лишь об одном стихотворении. Я бы сказала, что для меня теперь поэма «Память» и это стихотворение, - лучшее. И я их условно назвала «зернышками». Ольга Патрий, прекрасная певица, незрячая, пишущая стихи и музыку, за полгода сочинила музыку на двадцать три моих

стихотворения. Они ее очень взволновали. «Я сама не ожидала, что напишу столько песен!» - призналась Ольга. Мы с ней выпустили диск под названием «Да будет всем любовь» - строка из моего стихотворения. Ольга замечательно передала в музыке, суть моих стихов и особенно стихотворения «Для добрых дел земных - широко полюшко...». Я прочитала его на своем традиционном творческом вечере, который обычно проходит в рамках «Рождественских встреч» в Минском театре-студии. Наверное, сила моя, перешедшая в слово, теперь сохраняется в нем. Дай Бог, если это так. Слово должно быть значимым. Мне кажется, чтобы это произошло, нужно выстрадать, выболеть. По крайней мере, для меня это так. То есть я свои стихи должна заслужить. Они мне просто так не даются - как, пожалуй, ничего в жизни.

- Стихи как награда за страдание?

- Именно. Награда за терпение, за что-то свое, женское, за способность преодолевать трудности. И как результат, к примеру, - издание книги. Мне Господь словно посылал добрых людей, и происходило чудо: увидели, услышали, понравилось и помогли! Я сама не умею что-то просить, громко заявлять о себе... Это черты характера. Я делаю только то, что мне дано, что не противоречит моей натуре. Сама удивляюсь, что когда-то затеяла публичные выступления. Вообще-то мне присуще стремление экспериментировать. И однажды я поняла, что мои выходы к публике не противоречат внутреннему состоянию - я собираюсь, аккумулирую в себе силу и отдаю через свое слово, через свою душу людям стихи. И я вижу, что они воспринимаются, кого-то по-настоящему поддерживают. Были даже случаи, когда люди мне говорили, что мои стихи помогают им выживать. Одна преодолела болезнь, другая нашла ответ на мучивший ее вопрос... Для автора - счастье, когда читатели находят в его стихах поддержку. То есть я

Встреча поэтов

поступаю так, как подсказывает моя природа. А как-то активно себя продвигать я, пожалуй, не умею. Но Бог мне дает людей. Я вот даже удивляюсь. Все, чего я добилась в жизни, те же награды, - результат внимания людей, которые считают, что так должно быть. Так что самый большой подарок в моей жизни - именно люди, которые встречаются на моем пути. Потому я и говорю, что встреча - превыше всего. Для меня это - символ. Встреча с человеком, с другой душой, с судьбой. Встреча с верой, с Богом. Встреча, которая имеет

продолжение, и можно быть уверенной, - это навсегда, навечно. Ни одно наше слово не пропадает, оно где-то фиксируется, учитывается Высшей силой. Мне очень больно, когда в поэзию проникают вульгарные, нецензурные слова. Мне кажется, это разрушение слова. Нецензурная брань - это, по сути, молитва дьяволу. Так сказал один святой отец. Когда я услышала, то была поражена точности формулировки. Будешь ее помнить, никогда не будешь ругаться.

- А выражение злости, ненависти?

- Агрессию нельзя привносить в такую тонкую сферу, как поэзия. Когда человек говорит «ненавижу», он переступает грань, выходит за пределы любви. Это оттого, что ее уже нет, сгорела, или оттого, что она так велика, что не вмещается в сознании.

- Вы сказали, что поэзия - награда за страдание. А в состоянии благополучном, стабильном не пишется?

- Пожалуй... И когда пауза, нужно накапливать. В паузе я больше смотрю на других людей. Меня тянет к общению. Чужие судьбы волнуют мою душу. В сытости, равнодушии ничего не пишется. И тогда я иду на встречу! Ведь чужая судьба, которая взволнует меня, тоже повод для написания стихов. А у меня было столько встреч через организацию «Белорусский союз женщин»! Мне приходилось общаться и с многодетными матерями, и с матерями, потерявшими своих детей во время афганской войны, и с ветеранами труда, войны, и с блокадниками Ленинграда, и с инвалидами! Это не может не обогащать творчество. Я себе просто сказала: «Иди в народ - там твое место!» Так что я вовсе не оторванный от жизни кабинетный человек. Мне интересно общение. И порой происходят поразительные вещи. Некоторые люди бывают в чем-то удивительно похожи; они по-детски ранимы, впечатлительны, сентиментальны, творчески одарены и хотят верить в то, что найдется кто-то, кому можно открыться. Они похожи на арфы, где несколько тонких струн имеют одинаковый диаметр... Если они встречаются друг с другом, то происходит душевная близость, какое-то душевное срастание: музыка твоих струн сливается с музыкой встреченного тобой человека. И уже не отваживаешься нарушить гармонию, не хочешь потерять этой каждодневной заботливой музыки, противишься расставанию, как будто ищешь оправдания: не бывает случайных встреч...

- Иногда не устаете от обилия людей, они не вытягивают вашу энергию?

- Бывает. И я время от времени ухожу, в творческое одиночество. Хорошо, когда это одиночество при благополучной ситуации в семье. Это не то глобальное, драматичное одиночество. Это именно творческое одиночество, которое просто необходимо поэту, любому человеку. Нужна тишина. И тогда я отключаю радио, не смотрю телевизор. Полная тишина дает мне силы... И еще - храм, молитва. Это огромный источник сил, из которого черпаешь реальную помощь. Слава Богу, я осознала, что есть небесный помощник во всех делах. И в творчестве тоже. Я, например, уверена, что искусство, литература без этой основы недолговечны. Мне кажется, это каркас, который должен держать любое искусство. И русская живопись, и классическая русская литература в своей основе имеют православную веру. Может быть, кто-то со мной не согласится. В наше слишком активное время, когда все отвергается, исчезает в первую очередь вера. Но

С Валерием Харютченко

кто-то возразит: художник должен быть свободным, а вера - это догмы, рамки. Нет, здесь есть свобода, но есть и опора всему, что ты делаешь. И в творчестве ты не чувствуешь зыбкости под ногами. Потому что православие - это те кочки, по которым ты идешь. А мир наш похож порой на болотистую местность, и случается, что ты с трудом по ней продвигаешься. Так что снова и снова убеждаюсь: искусство без Бога - мертво. Оно - фальшивый блеск творческого огня, сгоревшего впустую. А разве не ради спасения других душ должен гореть творческий человек? И радеть он должен, прежде всего, о спасении своей души, раздираемой мирскими страстями.

- *Валентина, какую литературу предпочитаете?*

- Я люблю русскую классическую литературу, поэзию Серебряного века, стихи Павла Васильева, Владимира Соколова и Булата Окуджаву. Из современных поэтов мне очень нравится Геннадий Русаков. Люблю лирику Евгения Евтушенко. Он мощный поэт, ничего не скажешь! Как ни странно, не в женской поэзии я нахожу источник вдохновения, а в сильных, энергетически мощных, но ритмически выстроенных стихах. Я понимаю, что верлибр имеет право на существование, мне нравится, как грузинские поэты и другие участники фестиваля, читают свои свободные стихи. Это очень хорошая поэзия, но моя душа тяготеет к классической силлабо-тонической системе.

- *Как вы изменились за последние десять лет?*

- Расширились темы. Душа стала созревать. Если душа раньше чего-то не понимала, что-то могла не почувствовать и недочувствовать, то теперь я могу сказать, что своей достаточно зрелой душой могу охватить многие темы. К примеру, тему войны. Кажется, к ней даже страшно притронуться. Тем более - женщине, которая и пороха-то не нюхала. Но мне это было открыто, и я за это благодарна Богу. Тема родины приходит тоже с годами. По мере взросления сына, старения родителей... Обостряется ощущение той земли, на которой живешь. Осознание того, что это дорого тебе. И вообще каждую деталь жизни душой своей начинаешь ценить больше. Очень дорожу вообще деталью и в поэзии, и в жизни. Мне достаточно общего впечатления от того, что вижу. Но я вот схвачу одну деталь, и все - она мне дорога, я ее уже зафиксировала. И эта деталь может родить стихи.

- *А прозу не пишете?*

- О романе не помышляю - мне кажется, это очень сложно. Повесть тоже пока не для меня. Хотя кто знает? Но я пишу маленькие миниатюры, рассказы. У меня был период прозы. Вот и недавно написала несколько рассказов. Привлекает меня и жанр детской сказки. Хотела писать и детские стихи, но поскольку пока нет внуков, то детские стихи не пишутся. А вот сказка вдруг прилетела ко мне, и я очень обрадовалась. И еще пишу журналистские материалы.

- *Я знаю, что вы награждена призом за лучший женский образ в современной журналистике. Кстати, многие не склонны считать журналистику литературным творчеством. Как вы к этому относитесь?*

- Что вы! Это такое великое творчество. Просто журналистика стала слишком поверхностной. Молодые журналисты особенно не стремятся пропустить материал через себя. Вопрос - ответ, вопрос - ответ. И все! А мне очень важно, что именно журналист видит в своем герое. Пусть это маленький абзац - но это твой взгляд на человека. Мне это важно в других материалах, к этому я стремлюсь и в своих. Чтобы ощущалось мое авторство по отношению к герою, мой взгляд на него и на его твор-

чество. Так что журналистика очень близкая мне сфера. Это тоже творчество, только в прозе. Ты сама режиссер своих материалов. Мне очень нравится создавать образы людей искусства, культуры. Их у меня, уже около 300. Так что журналистика - вторая моя муза... Это способ поддерживать себя в творческом тоне. Потому что поэзией, как известно, денег не заработаешь.

- *Вы выступаете и в качестве поэта-песенника. Рискованно, учитывая невысокий уровень нашей эстрады, не так ли?*

- Это второе русло моего поэтического творчества. Отношусь к этому очень ответственно и стремлюсь создать вместе с композитором такую песню, слова которой останутся в душе надолго. Я сейчас пишу, только если меня что-то очень сильно взволнует. Современные сумасшедшие ритмы песен «для ног» душу не трогают. Поэтому если мне предлагают такую музыку, я отказываюсь, говорю: пусть пишет молодежь. А мне интересна лирическая мелодия - именно, чтобы там была мелодия! В Беларуси есть замечательный композитор Дмитрий Долгалев. С Долгалевым у нас записано несколько песен, и я мечтаю о продолжении творческого союза. Сотрудничаю с народным артистом Беларуси Леонидом Захлевым, руководителем народного ансамбля «Беседа», с народным артистом Беларуси, художественным руководителем ВИА «Сябры» Анатолием Ярмоленко, с другими композиторами.

- *Что для вас любовь?*

- Любовь... Мне кажется, я еще ничего об этом не знаю. Для меня на сегодняшний день это такая великая тайна, которую мне, как и любому человеку, предстоит разгадывать в течение всей жизни. Что такое любовь? Там столько всего - и совесть, и радость, и крест, и страдание, и распятие, и воскрешение. Это жизнь, это победа над смертью. И это поэзия! Самая великая поэзия - это любовь! Любовь никогда не бывает лишней. Разве кто-нибудь когда-нибудь сказал своему возлюбленному (или возлюбленной): «Не люби меня так сильно. Мне много твоей любви!»?.. Разве солнце может «обуздать» свою светоносную сущность? Так и любовь...

- *Валентина, в вашей поэзии затрагивается тема, актуальная во все времена: поэт и совесть...*

- Есть выражение «совестливый поэт». Это означает, что он не эгоист, что он умеет сопереживать, сочувствовать другим людям, и это происходит у него искренне, от души. Всякое стихотворение печатающегося поэта направлено к читателю. Разве приятно читать произведение, суть которого - превосходство над «толпой», эгоцентризм и самовосхваление? Разве поэт - не один из...? В поэзии тоже должна быть совесть. Когда всю ночь не можешь сомкнуть глаз, это совесть кричит за все года безмолвия, душевной немоты.

- *Грузия вас вдохновляет?*

- Конечно! Я благодарна организаторам Международного русско-грузинского поэтического фестиваля Николаю Свентицкому, Олегу Воловику, а также «Сябрам» - Алексею Бахолдину, Элине Урумовой и другим, кто подарил мне этот творческий вечер. Меня потрясло, насколько все хорошо получилось!

Уже из Беларуси Валентина прислала отрывки из своего дневника. Хочу привести из него несколько строк:

«Давно заметила, что молитвы сотворены верующими людьми-поэтами. Как правильно сказал иеромонах Роман: «высшая поэзия - молитва»! Первым и непревзойденным Поэтом был Иисус Христос. Вся Библия - священное слово Его поэзии.

Инна БЕЗИРГАНОВА

ПРЕОДОЛЕНИЕ ГЕОГРАФИИ

ГРУЗИНСКИЙ ДНЕВНИК

1

В детстве моей Грузией был фильм «Мимино» и футбольная команда «Динамо» (Тбилиси). В память врезалась черно-белая картинка: матч чемпионата мира-82 Шотландия – СССР. Гол, забитый Рамазом Шенгелия. Потом нелепая ошибка Александра Чивадзе: не попал по мячу и позволил двум шотландцам выйти на наши ворота. Но это еще не все: Чивадзе, центральный защитник, не забивавший почти никогда и никому, подключается к атаке и сравнивает счет – 2:2. «Исправил ошибку», – резюмирует комментатор, а я в этот момент начинаю что-то понимать о грузинском характере.

2

Первое впечатление от Грузии – ее несоветскость. В других бывших союзных республиках, где довелось побывать, бросается в глаза родство, общность травмы, в той или иной мере выраженная боль ветки, отсеченной от родного ствола. В советские годы я в Грузии не бывал, но есть ощущение, что этот не чуждый Западу в архитектуре и живописи Восток всегда держался немного особняком, сохраняя в своей крови защищенную грядями гор независимость.

Но самое несоветское в Грузии – это, конечно, растительность. Эвкалипты и мандариновые деревья – даже не советский юг, а явная экзотика и заграница.

Пальма – шершавая слоновья нога – растет посреди дороги в Кобулет, между центральной площадью и рынком. Машины аккуратно объезжают ее, словно священную корову на улице индийского города.

Батумский ботанический сад – парк юрского периода для деревьев. После привычных, соразмерных человеку дубов, тополей, вязов – неправдоподобные, неохватные исполины. Не всякая птица долетит до вершины секвойи. Стоят, не замечая нас, шелестят что-то друг другу на недоступной взгляду высоте.

В деревянной клетке невзрачное деревце с бледными пятнами по стволу. Знаменитый анчар, – представляет его экскурсовод. История сада – воплощение грузинской природы. Его основатель, Андрей Краснов, долго выбирал место, способное принять и взрастить представителей мировой флоры. Выбрав, попытался выкупить землю у местного князя. Тот не соглашался продать ни за какие деньги. Узнав, что для ботанического сада, – подарил, не взяв ни копейки.

Знакомые писатели и случайные собеседники – таксисты, портье, продавцы на рынках – не жалуются на жизнь, власть и растущие цены. При достаточно скромном уровне жизни сохранить лицо и национальную гордость – дело чести для каждого.

3

Столь же независима и самодостаточна грузинская культура. Некоторым из пасынков советской семьи Рос-

Вадим Муратханов

сия подарила письменность, живопись и даже поставила хореографию. Грузии же от России нужна была всегда в большей степени защита и безопасность, нежели культурная подпитка. Она и в советские годы оставалась по отношению к империи такой кавказской не отделившейся вовремя Польшей. Помню, как поражали меня грузинские фильмы, в которых актеры разговаривали собственными гортанными голосами, и женский бесстрастный голос дубляжа ложился поверх иноязычного диалога, не впитываемый его тканью.

У Грузии были Руставели, Бараташвили и Табидзе – достойные собеседники для Лермонтова, Мандельштама и Пастернака. И Грузия никогда об этом не забывала. Она и нашего Пушкина видела своим, неземным взглядом. Пройдите до конца по проспекту Руставели и убедитесь сами: у тбилисского памятника классику знакомыми кажутся одни бакенбарды.

Непереведенное поколение грузинских авторов, выросших в глухие 90-е, поражает своим разительным несходством ни с русской, ни с западной поэзией. Вот Шалва Бакурадзе поднимается на сцену и, закрыв глаза, выпевает а капелла свои долгие медитации. После аплодисментов голос из зала: «А перевод?» – «Я думаю, этому стихотворению он не нужен, все понятно и так». Ничего не понятно, но автор в чем-то прав: возможно, это стихотворение просто не поддается переводу и не нуждается в нем.

4

У поющих фонтанов в Батуми звучат Doors, Pink Floyd. Попса здесь, видимо, не в чести. С бутылками грузинского пива в руках садимся на скамейку, вдыхаем морской воздух, выдыхаем чад и суету своих оставленных на полторы недели столиц. Подошедшая к нам женщина заговаривает без акцента. Представляется: Альфия, татарка, жила в Москве, училась на журналиста. Потом вышла замуж за батумского грузина.

– Когда-то у меня была мечта: иметь четверых детей и большой дом, чтобы можно было всех родственников принимать. Недавно стою на балконе, муж подходит ко

мне, обнимает, спрашивает: «Ну что, Альфия, сбылась твоя мечта?» Вон там мои дети катаются, – указывает она в сторону фонтанов, и в подтверждение зовет сначала старшую дочь, потом среднюю, потом маленького сына... По очереди подкатывают на роликах, смущенно здороваются.

– Я никогда не жалела, что сюда переехала. Вот только по-русски в последнее время поговорить не с кем. Вы туристы? Откуда?

По очереди представляемся, называя свои страны и города. Приглашаем в театр на наше завтрашнее выступление.

– Поэты? Фестиваль? Это здорово. – Задумывается ненадолго. – Я завтра приду, тоже стихи почитаю.

Растерянно киваем.

На обратном пути в гостиницу мой сосед по номеру, проникийсь неторопливым батумским временем, рассуждает о том, что неправильно живем мы в Москве, зарываясь носом в бесконечные дела и проблемы. Не чувствуем жизни, пока она утекает сквозь пальцы. То ли дело купить домик где-нибудь здесь, или в Черногории, сдать московскую квартиру...

Приморского наркоза хватит еще дней на пять. Потом сосед начнет роптать: нет, нельзя же так расслабляться – дела стоят, все меня ищут, в ящике тридцать непрочитанных сообщений за один день.

5

Здесь, в Грузии, задумываешься о том, что человек потенциально шире своей географии. В нем заложено больше, чем вынуждает проявлять место его проживания. Новое солнце высвечивает новые грани характера и темперамента. За две фестивальные декады я наблюдал примеры этого преодоления географии. Кто-то из знакомых неожиданно для себя начинает блистать остроумием и обаять окружающих женщин. Другой за обедом подсаживается с улыбкой к столу, где сидят его непримиримые литературные оппоненты. Третий высказывает тебе в глаза обиду, которая, случись в обжитом, привычном пространстве, наверняка осталась бы, не обремененная в слова, тлеть в глубине сердца. Через несколько дней, проведенных здесь, все мы уже немного грузины.

В последний вечер участники, остающиеся в гостинице до утра, выходят к автобусам, чтобы проводить первую партию отъезжающих. У некоторых на глазах слезы: люди привязались друг другу и не считают нужным это скрывать. Каждое мгновение драгоценно вне зависимости от его места в общей цепи, и эти объятия у автобуса с заведенным мотором уже ничто не отменит.

6

Проницаемость, прозрачность любых стен и дверей присуща Грузии. Здесь нет азиатских дувалов – напротив, открытые балконы вынесены до половины улицы. Пожилая женщина стоит на балконе и во весь голос обсуждает что-то по телефону. Трое мужчин пьют чай за столиком, выдвинутым на тротуар. Улица – продолжение дома; дом – продолжение улицы.

Открыт и распахнут, несмотря на горы, а скорее благодаря им, и грузинский пейзаж. Многоярусный Тбилиси напоминает слоеный пирог, румяный, с надрезами в поджаристой корке. Оказавшись на краю надреза, видишь далеко вокруг. Множество складок, населенных людьми площадок и уступов словно увеличивают площадь маленькой уютной страны.

7

Одно из самых сильных тбилисских впечатлений – знаменитые турецкие бани. На входе табличка с цитатой из пушкинского «Путешествия в Арзрум», где поэт отзывается о них с восторгом. Каждый турист – не говоря уже о гостях русско-грузинского поэтического фестиваля

– норовит попасть в номер, где мылся классик.

Массажист Махмуд – не меньшая достопримечательность тбилисских бань, чем пушкинский номер. Он представитель династии: около трехсот лет назад его предки уже занимались здесь нелегким ремеслом (после работы с каждым клиентом в пропитанном серными испарениями воздухе человек-гора Махмуд делает несколько глубоких вдохов-выдохов, приводящих на память расхожее сравнение с кузнечными мехами). «Сейчас лучше, чем год назад», – говорит Махмуд, завязывая узлом мое распаренное в бассейне тело. Вернувшись в воду, запрокидываешь голову и видишь ничем не забранную синеву неба.

8

Ни одна официальная часть на фестивале не обходится без умных и уместных слов о пользе народной дипломатии и ее преимуществах перед дипломатией политиков. Но до подробностей и развернутых дискуссий дело доходит редко. Слишком по-разному освещались в Грузии и России августовские события 2008-го. Найти точки соприкосновения в литературных оценках гораздо легче, чем в политических. Однако все приглашенные, думаю, понимали, что стихи – не единственная причина их присутствия на форуме.

Я не склонен переоценивать возможности народной дипломатии. Для того чтобы народы не шли на поводу у политиков, недостаточно подружить несколько граждан одной страны с гражданами другой. Необходимо мыслить и сильное общество, волю которого политики будут воспринимать – и выполнять. И все же после 2008 года приезд в Грузию каждого россиянина – это личный, осознанный выбор в пользу разума и диалога.

Три года назад мы воевали не с живыми людьми, а со своими мифами. Но гибли – с обеих сторон – живые люди. Чтобы осознать это, достаточно посмотреть в глаза тем, кто пережил конфликт. Я не прочел в этих глазах ненависти – только обиду. А значит, не все потеряно.

Вадим МУРАТХАНОВ

БЕССМЕРТИЕ

ДОКТОР ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР ТБИЛИССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. ИВ. ДЖАВАХИШВИЛИ, ВОСПИТАТЕЛЬ НЕ ОДНОГО ПОКОЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ ЮЗА ЕВГЕНИДЗЕ НА ПРОТЯЖЕНИИ МНОГИХ ЛЕТ ИССЛЕДУЕТ БОГАТЕЙШЕЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ВАЖА ПШАВЕЛА. ИМ ОПУБЛИКОВАНА ОБСТОЯТЕЛЬНАЯ МОНОГРАФИЯ О ГЕНИАЛЬНОМ ПОЭТЕ ГРУЗИИ.

ПРЕДЛАГАЕМ ЧИТАТЕЛЯМ ЖУРНАЛА СТАТЬЮ Ю.ЕВГЕНИДЗЕ О ВАЖА ПШАВЕЛА ОБОБЩАЮЩЕГО ХАРАКТЕРА, В КОТОРОЙ ОСВЕЩАЕТСЯ ОГРОМНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЕГО ТВОРЧЕСТВА.

150 лет исполнилось со дня рождения Важа Пшавела, блистательного грузинского поэта, властителя дум человечества, при жизни признанного иностранцами «гением, выражающим дух грузинского искусства» (Артур Лайст). Имя поэта, преодолев локальные и временные границы, стало постоянным спутником нашей духовной жизни, ибо необычайно глубок и обширен оказался горизонт Важа Пшавела, художника и мыслителя. Феномен Важа выражает грузинскую национальную энергию и дух и является эталоном таланта и силы нашего народа. Таким видится Важа Пшавела всем тем иностранцам, которым прежде или ныне посчастливилось иметь творческие контакты с литературным наследием поэта. Резонанс его многогранного творчества настолько велик, что по решению ЮНЕСКО столетиями юбилей поэта будет отмечаться во всем мире.

Мысли, содержащиеся в творениях Важа Пшавела, высочайшее мастерство художника послужили определенной почвой современным утонченным читателям и исследователям для суждений о гомеровском художественном видении, о шекспировских страстях его героев, ницшеанском индивидуализме и религиозном универсализме, о проблемах интеллекта и интуиции, фаустовских исканиях и сущности мифологического видения. Произведения великого горца обусловили необходимость исследовать соотношение грузинского литературного языка и его языка, при этом выявилось художественно-эстетическая функция диалектизмов. Свообразие творчества Важа инициировали полемику по специфическим философским вопросам, таким как анимизм, антроформизм, пантеизм, проблемы язычества, панэстетизма. Здесь для нас не стоит проблема установить ошибочность или верность разрешения или неразрешения названных проблем. Для нас главное то, что Важа Пшавела создал прецедент суждения об этих сложнейших литературно-философских проблемах, дал необычную глубину и масштабность грузинскому гуманитарному мышлению, и создал почву для развития традиции литературно-философской мысли, возвысив таким образом престиж литературоведения как научной дисциплины.

Пятьдесят три года прожил Важа Пшавела, тридцать пять из них преисполнены интенсивным и плодотворным творческим трудом. Эти тридцать пять лет жил он то в Тбилиси, то в Гори, в Тонети и недолго – в Петербурге, то в родном своем Чаргали, где провел он в общей сложности двадцать семь лет в тяжелых условиях горского быта, которые полтора столетия назад были еще более тяжелыми, чем нынче, занимался обычным крестьянским трудом и творил свои произведения. Грузинское общество не баловало его своим вниманием. Все это вместе взятое, тем не менее, не сказалось пагубно на мощи и силе его творчества, свидетельством тому 37 блестящих поэм, в которых со всей полнотой проявилась гениальность «блистательного эпика» (Тициан Табидзе) нового времени, более 400 лирических стихотворений. По словам Константи́на Гамсахурдиа, «лирика Важа заслуживает особой монографии», потому что она отличается как от грузинских, так и от европейских образцов». Более 200 из этих стихотворений называется «Песнями», и, по словам Галактиона, «от них исходит высший дух». Важа оставил нам 118 рас-

сказов, которые «опять же ждут своего исследователя» (Тициан), пять пьес, 140 литературно-критических и публицистических статей, в которых четко проявляется глубина и широта его интеллекта. Его перу принадлежит множество переводов из русской и европейской поэзии: стихи М. Лермонтова, Г. Гейне, Фр. Шиллера, Л. Берне, он один из первых познакомил грузинского читателя с «Вороном» Эдгара По. Он перевел шесть стихотворений, две поэмы, два рассказа, одну драму. Правда, в них «не видно эрупционной силы его поэтического дарования, но для уяснения его художественных симпатий они верные ориентиры. Все это вместе взятое не умещается в десяти объемистых томах, а последователи снова и снова обнаруживают на страницах нашей старой прессы позабытые публикации его работ» (Тамаз Чхенкели).

Очевидно, что в этом безграничном, щедром материале Важа проявляет чрезвычайно многообразные художественные интересы.

Перед каждым большим писателем обыкновенно встает вопрос: с чем он входит в жизнь современного человека, или как он будет прочитан в контексте актуальных проблем его современников. Это касается как общечеловеческих, так и национальных аспектов мотивов творчества. И надо сказать, что Важа Пшавела с этой точки зрения является пророком и властителем дум человечества. Одно из «похвальных качеств» мышления человека, по словам Важа, есть «искание причины явлений». Важа по духу искатель. Певец идеала «вечной красоты», он щедро одарен реальным талантом восприятия и осмысления жизненных потребностей нации и всего человечества. Для него, как для поэта и грузина, основа жизни – родная страна и любовь к ней. И она-то и мост к любви ко всему человечеству. Любовь к ближнему, любовь к племени адамову – таково кредо рожденного в горах Пшави истинного грузина, в представлении которого изначально же «языческий элемент преодолен был христианским». Одновременно с углублением знания поле зрения его столь расширилось, что, обратившись в певца «страждущей красоты», став на молитву, он обращается к судьбе со словами: «Пусть будет душа – тебе, плоть – земле», только «Боже, сохрани родину...» «Я очень люблю Иисуса»... Эта фраза Важа, опора его творческих устремлений, идеологическое кредо его как грузина и гражданина мира. Этот путь, по его же словам, тот же, что и путь «идеолога Грузии» Ильи Чавчавадзе. Поэт подвергает резкой критике идеологию группы «Даси», искажавшей духовные ценности и ориентации, формировавшиеся столетиями на основе христианской веры и культуры. По словам Важа, «искаженный космополитизм», ныне называемый интернационализмом, «заставил грузина отступить от своей личности, убил в нем национальное чувство, задушил энергию, закрыл путь к самосознанию». По его мысли «ученые и гении открывают нам путь к космополитизму», но космополитизм возможен лишь «с помощью патриотизма, национализма». «Партийное упрямство» не дает дасовцам увидеть путь и свет освобождения страны», ибо «тупость боится света, боится правды».

Важа Пшавела в кругу семьи

Важа уверенно утверждает: «Если кто-нибудь говорит, что равно любит все нации, он лжет, лицемерит, либо не в полном уме», потому что, «если не любишь родную мать, как ты полюбишь кого-то другого». С этой позиции «национализм здоровое чувство и никогда он не превратится в шовинизм, в фанатизм». Но постоянная боль поэта, «затмевающая солнце и луну», то, что «ядом заквашено нравственность»: «О, время, время, что сказать тебе! За что так мучаешь ты нас, зачем Господь так мало нас, грузин, создал на этом свете?!» Однако и малочисленность не стала бы помехой, причина здесь иная, причину Важа называет «нравственным воровством», суть которого в том, что «родитель завидует добру своего сына. Мы не ценим, когда у нас рождаются хорошие дети». Кажется, словно поэт прислушивается к биению сердца сегодняшней Грузии, когда он пишет: «Я не верюнисколько тому, кто верен родине, а верность других подвергает сомнению в глазах народа, для других ему жаль того же чувства, что испытывает он сам. Упаси нас Бог от таких «верных» сынов, кем бы они ни были».

Важа мечтает о единой Грузии и воспеваеет ее. Его равно восхищают и Амери (Восточная Грузия), и Имери (Западная Грузия), или «За Лихским хребтом», как еще называют Западную Грузию, «прекраснейшую страну, где в единстве живет и народ – имер-мегрели-абхазы». Нарушение этого союза для Важа Пшавела залог катастрофы. Поэтому он резко обрушивается на всех тех, кто разжигает этноконфликты: «вражду посеет между Картли, Имерети и Кахети, составит собственную азбуку для Самегрело и Сванети»... Единственным путем спасения из этого развала он видит единение. «Кто сказал, что во вред нам единство... много лгали такого и прежде, лгут и теперь», – пишет Важа и его идея – «чтоб грузин стал грузином», то есть, истинный путь спасения нации – единство, и грузин должен любить свою родину, радеть о ней. Не надеяться на помощь со стороны, а опираться на свои силы: «сами заботьтесь о себе, не надейтесь на других». Эти слова Важа Пшавела звучат так, будто сказаны они сегодня.

Поэт считает, что «Грузия в теле России, в организме России не должна раствориться как бездушная еда, но должна стоять рядом, как живое, здоровое существо, идущее вместе с Россией по пути прогресса...»

В трудной, тяжелой жизни есть путь спасения – это христианская любовь друг к другу, огонь которой затухает из-за бед и невзгод истории и обратился в энергию взаимной ненависти. «Проникнутый личной ненавистью и любовью деятель тем более отвратителен... и вреден, ибо он враг общества», – пишет Важа, и считает, что причина тому незрелость самосознания: «неразвитый, невоспитанный народ при любом демократическом правлении превратится в игрушку правителей...» И далее: «когда ослы играют в скакунов», «мысли скакунов не принимают жизнь», потому что лягание осломыслий очень больно... их великое множество», а «сила всегда за большинством».

В недрах рабской души темных сил обычно возвышаются «диктаторы и демагоги», которые «обижаются – и должны обижаться» на «свет и на правду». Важа с болью душевной наблюдает процесс угасания благороднейшего качества, свойственного рыцарскому духу грузина – способность признавать и ценить достоинство противника. Он считает это симптомом снижения культурного и ментального уровня нации. «Взгляните на англичан, на Гладстона. А ну попробуй, заставь при-

знать грузина... сказать о своем противнике, что, ты, дескать, в одном лжешь, а это вот говоришь верно. Если уж ты противник, так с начала до конца лжешь... Вот что я замечаю и душа у меня болит». А причину он видит в том, что молодежь «лишена национального воспитания». Она питается лжедемократическими идеями. Демократия же, как известно, подразумевает высший аристократизм духа, что является источником и

по -

Дом-музей

чвой истинной свободы. Он открыто проповедовал: «проявление гражданского мужества предпочтительнее молчания», и сам своей личностью представлял образец гражданского и творческого героизма. Ареной гражданского мужества считает он жизнь мыслящей интеллигенции, так как интеллигенция – предводитель всей нации. Духовным потенциалом интеллигенции определял Важа бытие-небытие нации, то есть, в конкретном случае, возможности обретения свободы. Он пишет в одной из статей: «Одно лишь имущественное обеспечение не есть гарантия для сохранения свободы нации, лишь ежели тому сопутствует общая зрелость сознания, просвещение, знание».

Важа Пшавела – мыслитель такого ранга, у которого точно вымерены факторы, определяющие жизнеспособность нации. Вот что он считает: «Родной язык это такая принадлежность нации, что уступи он ее, он уступит и все другое, уступит и территорию». И опять же, по мысли Важи, трезвый, бдительный страж родины – именно интеллигенция. Прокладывать дорогу и

вести за собой к прогрессу трудящиеся массы должен подлинный интеллигент, и он в первую очередь должен защищать родной язык. Важа опирается на пример национальной деятельности Ильи Чавчавадзе как образец гражданского самопожертвования и мужества.

По своему художественному видению и по образу мышления, по менталитету Важа Пшавела, конечно, является одним из немногих, кто смог проникнуть в суть новейшей эпохи и проанализировать ее. Философская глубина его мышления выдвигает его в ряд величайших философов и критиков эпохи.

В мемуарной и научно-критической литературе о Важа Пшавела (воспоминания Шико Мгвимели, Сико Пашалишвили, Нино Накашидзе, Сандро Шаншиашвили, научно-критические статьи Кита Абашидзе, Давида Касрадзе, Григола Робакидзе, Константинэ Капанели, Серги Данелиа, Вахтанга Котетишвили, Тициана Табидзе, Бориса Пастернака, Григола Кикнадзе, Симона Чиковани, Михаила Квеселава, Акакия Гацерелия, Тамаза Чхенкели, Джанри Кашиа и др.) много раз вставала проблема отношения поэта к европейскому и русскому культурно-литературному пространству.

В лирике и эпосе Важа Пшавела, в прозе, в публицистических и философских статьях, в личных письмах встречаются такие художественные пассажи, и прямые, либо косвенные обращения, которые подтверждают его близость с произведениями Гомера, Шекспира, Гете, Льва Толстого, Канта, Фр. Ницше, Н. Бердяева и других авторов. Во всяком случае, эти факты воспринимаются как диалог его с самим собой и с культурным полем Европы. По мысли Пастернака, Важа Пшавела со своими поэмами, отмеченными религией своей личности,

стоит рядом с творениями величайших индивидуалистов Запада». В эпоху «переоценивания» «группой Европы» (О.Шпенглер) «всех человеческих ценностей» (Фр. Ницше) Важа Пшавела со своей этической-эстетической устремленностью старался высикивать духовные резервы, основанные на социальной активности сильных личностей, чтобы вырваться из тупика «духовного кризиса»

(Поль Валери).

Оригинально и впечатляюще поэт противопоставляет свои мысли и чувства всем адептам «культурного кризиса», скрывающихся под именем «учения» тупости («Завещание волынщика») или тому глобальному явлению, которое впоследствии Хосе Ортега и Гассет назовет «человеком-массой», «балованным ребенком», «неучем-ученым», «скрывающимся под маской техники».

Некоторые произведения Важа еще при жизни поэта перевел на немецкий язык Артур Лайст. По его словам, знакомство с сочинениями этого неизвестного писателя «вызвало в Европе восторг». Один из опытов представления творчества Важа Пшавела русскому обществу принадлежит столь большому художнику, как Александр Сумбаташвили-Южин. В 1902 году он публично прочел произведения Важа в русском переводе А. Хаханашвили. В 1906 году А. Хаханашвили издает на русском языке свои «Очерки», где рассматривает творчество Важа Пшавела. В 1911 году в русской прессе появляется статья о нем Григола Робакидзе. С тех пор интерес к Важа Пшавела в литературном мире России все более и более возрастает. Можно сказать, что никого из грузинских поэтов не переводили на русский так интенсивно, как Важа. Его произведения переводили М. Цветаева, Б. Пастернак, Н. Заболоцкий, О. Мандельштам, Н. Тихонов, В. Державин, А. Тарковский, Е. Евтушенко и многие другие.

Еще при жизни поэта были попытки перевода его произведений на английский, французский, итальянский, чешский, болгарский, венгерский, польский, украинский, белорусский, армянский, азербайджанский, латвийский и другие языки. Их знают в Индии и во Вьетнаме, в Японии и в Корее – почти во всех уголках мира.

Каково его влияние и какое место занимает Важа Пшавела в духовной жизни грузинских (и не только грузинских) писателей – это уже давно является предметом отдельных исследований. Личность и творчество его стали неиссякаемым источником вдохновения и для деятелей различных сфер искусства. Грузинскими исследователями истории театра (Н. Урушадзе), музыковедами (Э.Дзидзадзе), киноведами (А. Бахрадзе), изобразительного искусства (Л. Шанидзе, М. Карбелашвили) прекрасно освещено светозарное значение художественного мира Важа Пшавела, которое послужило источником и основой создания многих шедевров в театре, кино, живописи, графике, музыке. Такой интерес к Важа Пшавела свидетельствует о том, что духовные потребности современного человека может удовлетворить близость лишь с художником такого современного видения и глубины, кто смог оценить и выразить в единстве прошлое, настоящее и будущее.

В эпоху «духовного кризиса, когда столь умножились различные, здоровые и незримые учения, когда выросший на корнях «бескультурной цивилизации масонской, как говорит поэт, «уродливый космополитизм» одолевает сохранившийся «здоровые соки» (С. Булгаков) патриотизм старой культуры, Важа Пшавела, опираясь на динамику грузинской культуры, выступил организатором и бдительным стражем национального самосознания. Поэт «и из могилы протягивает руку» своей родине, когда с глубоким христианским оптимизмом обращается к народу: «Мы, предки, существуем для будущего...», «жизнь наша – испытание» и «нужно стараться мужественно нести честь».

Юза ЕВГЕНИДЗЕ

Перевела Камилла-Мариам Коринтэли

ЕГО НАЗЫВАЛИ БАСКЕТБОЛЬНЫМ ЭВЕРЕСТОМ

КОРКИЯ ОТАР МИХАЙЛОВИЧ РОДИЛСЯ 10 МАЯ 1923 ГОДА В КУТАИСИ. ЗАСЛУЖЕННЫЙ МАСТЕР СПОРТА. ЗАСЛУЖЕННЫЙ ТРЕНЕР СССР И ГРУЗИИ. ВЫСТУПАЛ ЗА КОМАНДЫ КУТАЙССКОГО «ДИНАМО» (1943-1946), ТБИЛИССКОГО «ДИНАМО» (1947-1958) В 1947-1958 ВХОДИЛ В СБОРНУЮ КОМАНДУ СССР, БЫЛ ЕЕ КАПИТАНОМ. СЕРЕБРЯНЫЙ ПРИЗЕР ОЛИМПИЙСКИХ ИГР 1952 ГОДА. ЧЕМПИОН ЕВРОПЫ 1947, 1951 И 1953. ЧЕМПИОН СССР 1950, 1953, 1954. СЕРЕБРЯНЫЙ ПРИЗЕР 1947, БРОНЗОВЫЙ – 1948, 1952. ОБЛАДАТЕЛЬ КУБКА СССР 1949 И 1950. ПОБЕДИТЕЛЬ ВСЕМИРНЫХ СТУДЕНЧЕСКИХ ИГР В БУДАПЕШТЕ (1949) И БЕРЛИНЕ (1951), МЕЖДУНАРОДНЫХ СПОРТИВНЫХ ИГР МОЛОДЕЖИ, МНОГИХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ТУРНИРОВ. ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ГРУЗИНСКОГО ИНСТИТУТА ФИЗКУЛЬТУРЫ – НА ТРЕНЕРСКОЙ РАБОТЕ. НАГРАЖДЕН ОРДЕНАМИ ЛЕНИНА, ВАХТАНГА ГОРГАСАЛА 3-Й СТЕПЕНИ, ЧЕСТИ.

Отар Коркия

На улице за ним ходили толпами – низкорослых камбоджийцев поражал этот сероглазый гигант, тренер мужской и женской сборных Камбоджи. Но так было в Пекине и Женеве, Париже и Будапеште – всюду, куда его приводил баскетбольный мяч. Живейший интерес и почитание.

В большой игре Отар Коркия был изначально обречен на успех, капитанство и лидерство. При своем довольно скромном для современного баскетбола росте оставался гигантом, самой приметной фигурой в виде спорта, где ты весь на виду – твоя игра, накопленное годами умение и даже брошенная в запальчивости реплика. Мог на спор достать в прыжке кольцо головой. При всем своем своенравии и взрывном характере оставался справедливым и очень добрым, как большинство сильных людей.

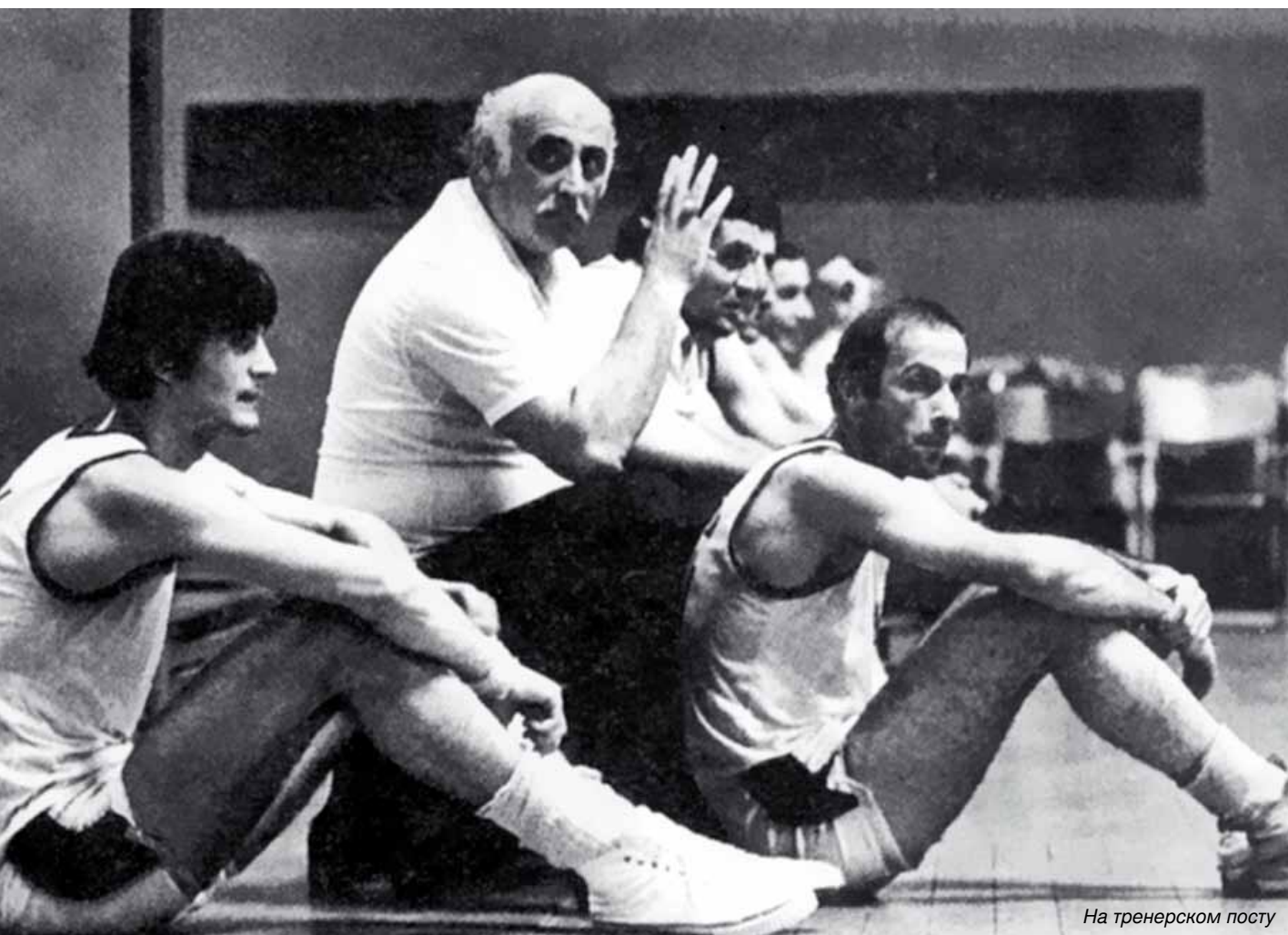
Этими чертами, не последними в спорте, он обязан родителям – Михаилу Дмитриевичу, известному кутаисскому врачу, и красавице Софье Николаевне, педагогу русского языка. Жили они в начале 30-х годов в Абхазии (отец был основателем знаменитого обезьяньего питомника), когда перегибы в сельском хозяйстве привели к страшному голоду. Но уже тогда запомнился десятилетнему мальчику нравственный урок родителей, которые, сами недоедая (а в семье было шестеро детей), приютили в своем доме и вынянчили полуживых десять сирот, поставили их крепко на ноги, помогли получить высшее образование.

Но это много позже, а пока над родительским домом был занесен палаческий топор - по ложному доносу

в январе тридцать восьмого арестовали отца и сослали в Казахстан. Обнять отца сын смог только в пятьдесят седьмом году и купить ему на собственные сбережения шерстяной костюм.

И тогда, в далеком 1947 году, на сборах, когда они готовились, имея в перспективе чемпионат Европы, никогда не забывал, что его могут не взять в сборную как сына «врага народа».

Сборы в то голодное время были едва ли не единственным средством хоть как-то подкормить спортсменов. Был Отар в ту пору тонкий, как виноградная лоза, веса едва-едва восемьдесят килограммов набиралось. В Кутаиси закрепилось за ним прозвище Иван Грозный. А он не обижался на друзей. Как вспоминал, в воздухе с прыжком у него особых проблем не было – ноги от природы сильные выручали. Но на земле тоже толком действовать нужно было, тем более под шитом – правила «трех секунд» в те годы не существовало, и народу, караулившего свой шанс в непосредственной близости от кольца, набиралась тьма. Чтобы выбраться из этой толчи и всех опередить, сила нужна была немалая. И всем им, кандидатам в сборную, приходилось не раз задумываться, как вернуть себе силу, войной отнятую. Разместили их в подмосковной Фирсановке, на базе Московского авиационного института. Собрали, что называется, с миру по нитке. Компания и в самом деле получилась разномастная – москвичи Анатолий Конев, Александр Моисеев, Евгений Алексеев, Василий Колпаков, каунасцы Степас Бутаутас, Витаутас Кулакаускас, Юстинас Лагунавичус и Казис Петкявичус, таллинцы

На тренерском посту

Ильмар Куллам и Иван Лысов. И он с Нодаром Джорджикия, делегированные Грузией. Перед руководством команды стояла нелегкая задача получить в сплавле хладнокровие прибалтийских «академиков», силовую выносливость москвичей и безудержный темперамент грузин. Постепенно костяк команды вырисовывался, и по игре он вроде подходил. Каждое утро начиналось с пробежки – с порога домика, где жили, и бегом на электричку.

Однажды на тренировку пришел незнакомый человек и несколько минут поговорил о чем-то со Спандарьяном, изредка поглядывая в сторону Отара. После тренировки Степан Суренович сказал ему, что отец Михаил Коркия реабилитирован и завтра вечером с эшелонном прибудет на Курский вокзал...

Сын считал часы перед долгожданной встречей, продрогнув до костей на вокзале, напрасно ждал поезда. Не состоялась встреча ни в тот вечер, ни в последующие... Неспешный график помилований отодвинул ее на многие годы. И состоялась она много позже – в Тбилиси.

В полуразрушенную войной Прагу его все-таки взяли. Зрители принимали их как полпредов страны-победительницы. И горячо поддерживали, хотя на пути к золотым медалям в финале они как раз команду хозяев обыграли. И каждый на площадке был горд, что игрой своей возвращал жизнь.

Пражские газеты называли Отара Коркия баскетбольным Эверестом. По итогам чемпионата обозреватель французской спортивной газеты «Экип» провел опрос старших тренеров команд-участниц и опублико-

С Владимиром Угрехелидзе

вал состав символической сборной континента. Из советских баскетболистов в нее вошли Отар Коркия, Нодар Джорджикия, Евгений Алексеев и Иван Лысов.

Есть большой соблазн вернуться памятью в те далекие годы, когда физически щедро одаренный природой Отар искал свое место в спорте: метал диск и толкал ядро, был чемпионом и рекордсменом страны середины. Было это в 1939-м, когда Отар переметнулся на

С лидером чехословацкой сборной Иво Мразеком

время в легкую атлетику. Неплохо боксировал и боролся, а еще увлекался велоспортом, играл в водное поло. В беседе со мной подтвердил: «... с детства был капитаном».

А до этого, казалось, весь Кутаиси помешался на баскетболе, этой огневой игре. На стенах во дворах, на деревьях укрепляли металлические или деревянные круги от старых стульев, бочек. Отар не без успеха обстреливал эти мишени, когда старшие ребята Гиви Киладзе, братья Алеко и Шота Месхи взялись тренировать младшеклассников. Об измене баскетболу он не помышлял, а поступил так в интересах родного Кутаиси – некому было, как выяснилось, защищать честь города на юношеском первенстве по легкой атлетике. Новый талант Коркия раскрылся неожиданно, когда вблизи их баскетбольной площадки упал брошенный кем-то диск с соседнего сектора легкой атлетики. Но, видно, очень разозлился – так недолго и покалечить можно! – взял диск и швырнул обратно. Бросок получился сильнее, чем нужно. Взяли замеры – 44 метра, всесоюзный рекорд для мальчиков его возраста. Уходить из баскетбола Отар не собирался, но пару месяцев согласился уделить метаниям – в игре пригодится – и стал чемпионом Грузии. В Киеве на всесоюзных соревнованиях он преодолел своим диском 50-метровый рубеж и стал чемпионом. Но все перевесила любовь к коллективному виду спорта, где побеждает великий принцип – один за всех и все за одного.

Отар Коркия нашел свою судьбу в баскетболе в тот памятный день, когда пришел в только открытую детскую спортивную школу, к Гиви Киладзе, своему первому наставнику. И очень скоро стал среди сверстников лидером, признанным вожаком. Оставался им в кутаисском и тбилисском «Динамо» и в сборной Советского Союза. Лучшие игроки страны признали верховенство Коркия.

Вспоминаю слова Нодара Джорджикия: «Лидером нашего поколения был Отар Коркия, самой природой наделенный необыкновенными физическими данными и удивительным талантом, врожденными качествами вожака и бесстрашием».

Олимпийский дебют советских баскетболистов состоялся в Хельсинки в 1952 году. Тогда команда уступила только многократным олимпийским чемпионам – американцам. В финальном матче решающей оказалась 30-я минута, когда за четыре фолы площадку покинул Коркия.

Американцы, а в их составе были гиганты Роберт Курланд (2,13 м), Маркус Фрайбергер (2,10), Клайд Ловеллетт (2,09), восхищенные игрой лидера советской команды, проводили его аплодисментами. К тому времени счет был ничейный – 23:23. В оставшиеся минуты встречи наша команда не сумела удержать достигнутое. И кто знает, не покинь преждевременно площадку Коркия, кому бы досталось олимпийское золото.

Отвечая на вопрос корреспондента газеты «Спорт-экспресс»: «Кто из героев прошлого мог бы попасть в НБА, имея он вдруг такую возможность?» выдающийся тренер Владимир Кондрашин дал исчерпывающий ответ: «Отар Коркия – еще одна легенда послевоенных лет. При росте 190 сантиметров Коркия был одним из сильнейших центровых Европы, лидером и капитаном сборной СССР. По физическим данным он, пожалуй, мог закрепиться в НБА».

Но и это еще не все.

Вернемся в олимпийский Хельсинки, где разворачивались главные события баскетбольного финала. Коркия играл с напором вывихнутым пальцем. Травму получил в полуфинальном матче с теми же американцами, после умышленной грубости Ловеллетта. Пытаясь завладеть мячом после неточной передачи товарища по команде, он совершил поистине вратарский прыжок и, избегая страшного удара в лицо, защитился рукой. Врачу, перевязывающему палец, сказал, стоя лицом к площадке, на которой мысленно продолжал пребывать: «Крепче, дорогой, зятни». И снова ринулся в бой, преодолевая адскую боль, играл как никогда, фактически однорукий. И только после игры позволил увезти себя в больницу, где ему наложили швы. Врач, рассказывали, чуть не потерял сознание, увидев его действия на площадке. Но поступить иначе Коркия себе не позволил, играть в полсилы было не в его характере.

Не случайно его, а не американца Ловеллетта, который был на 19 сантиметров выше, признали лучшим центровым олимпийского турнира. Так думал я, ссылаясь на авторитетные источники.

«Нам обоим на равных присудили этот приз», – сказал мне Отар Михайлович, изумив своим бескорыстием и неистребимым стремлением к истине.

Обладая редкой силой, являя собой блестящее сочетание – был отличным баскетболистом и великим спортсменом. В матче, когда решалась судьба золотых медалей чемпионата страны, динамовцы Тбилиси проигрывали одно очко, и не кто иной, как Коркия, получив мяч под чужим щитом, поднялся с двумя опекунами на плечах и положил решающий мяч в корзину. «А что тут удивительного, – говорил он, – часто так бывало. Бросаешь по кольцу, а сам увешан защитниками, как гирлянда».

Оглядываясь на те далекие годы, понимаешь величие Отара Коркия, лучшего центрового послевоенных лет, который на целые десятилетия опередил свое время. Резкость, быстрота, прыгучесть, умение тонко разбираться в самых сложных игровых ситуациях позволяли знаменитой «десятке» оказываться в нужное время в нужном месте, без промаха обстреливать корзину.

Как молоды мы были, целыми днями пропадая в Кировском парке на играх тбилисского тура первенства страны 1953 года, где блистал Коркия, великий спортсмен с лицом и высоким лбом мыслителя, наделенный редкой для баскетболиста силой, как негодовали, когда ему шикали с трибун, мешая пробить штрафные. Но Коркия раз за разом посылал мяч точно в цель. Так же мужественно сражался на хельсинкском олимпийском стадионе с

американцами, которые были сильнее.

В Тбилиси съехались гранды отечественного баскетбола – москвичи, каунасцы, тартусцы, рижане, но наши сердца безраздельно отданы бедняку – ереванскому СКИФу, команде-загадке, чей стартовый, он же основной, состав представлен армянами-репатриантами. Американец Том Мурадян, француз Жан Маркарян, египтяне Абрам Амамджян, Жирайр Минасян и Арменак Алачачян, как мотоциклы «Харлей Дэвидсон», носились по площадке, готовые бросить и попасть в корзину из невысказанного положения, дать скрытый пас – откровение для соперника и нередко для партнера. Они могли бы получить первый приз за красоту игры, если бы, конечно, он разыгрывался. Это мнение Ивана Лысова, капитана знаменитой тартуской команды УСК (университетского спортклуба), одного из самых ярких виртуозов советского баскетбола. Впятером ереванцы могли обыграть любую команду и проиграть могли любой. Их сил хватало на один тайм, не больше. Слишком коротка скифская скамейка. Не оказалось больше баскетболистов на борту теплохода «Победа», доставившего в Батуми первую волну репатриантов.

Трудно поверить, но баскетбол мог потерять Алачачяна. После травмы его отчислили из команды, и, возомнив себя халифом, чиновник от спорта распорядился не оплачивать больничный лист тому, чей пример мог привлечь к занятиям баскетболом сотни юношей и девушек этой небаскетбольной республики. Арменак обиду не простил, уехал из Армении, по которой тосковал под чужим небом Александрии, уехал без денег и какой-либо перспективы в Москву, в тридцатиградусный мороз. Его взяли в московское «Динамо», а он, продрогший до мозга костей, уехал в благодатную теплынь Алма-Аты, куда звал его чеченец Увайс Ахтаев, и вскоре уже играл за алма-атинский «Буревестник» и за сборную Казахстана, став соавтором уникального баскетбольного дуэта Пата и Паташона, а потом девять лет защищал цвета ЦСКА – чемпионского клуба, и там не потерялся со своими 174 сантиметрами, оставаясь на первых ролях, не зная себе равных в искусстве подстраховки, в умении дать пас, фантастической выносливости, живя в баскетболе и для него.

По окончании сезона Алачачяна пригласили в сборную СССР. Как он пришелся ко двору самых избранных – история особая. Это только в песне поется, как парня встретила славная семья, всюду были товарищи, всюду были друзья. Огромная страна СССР, а мест в «основе» сборной всего 12. Претендентов 25, на тренеров давит гипноз старожилых команды – чемпионов Европы. Отношение к дебютанту в условиях ожесточенной конкуренции прохладное. На счастье, в сборной-53 нашлись два игрока, которые, опекая его порой даже сверх меры, помогли стать на ноги. Двумя добрыми ангелами-хранителями Арменака были Коркия и Лысов. Коркия себя в игре не щадил, ничего не боялся, рядом с ним стыдно было играть вполсилы, стыдно было праздновать труса. Не было в нашем баскетболе игрока, который пользовался таким авторитетом, и среди игроков, и среди тренеров, – как Отар Коркия, вспоминал Алачачян. Не знает, чем приглянулся Отару Коркия, но относился он к нему – лучше не пожелаешь. Коркия был покровителем, Лысов – учителем. Лысов и Алачачян – оба разыгрывающие. У старшего за плечами два чемпионата Европы 1947 и 1951 годов и Олимпиада. С необыкновенным тактом и доброжелательностью Иван Федорович наставлял молодого: делай как я, делай лучше меня. Хотя знал, преимущество на стороне молодости. Так оно и вышло. Алачачяна оста-

вили в команде, его учителя – нет. В том году Алачачян выиграл золотую медаль чемпиона Европы, первую из своих четырех, и на всю жизнь сохранил величайшую благодарность двум лидерам команды – великим баскетболистам и великим личностям.

Перейдя на тренерскую работу, Отар Михайлович возглавил динамовский клуб, приведя его к победе в розыгрыше Кубка европейских чемпионов 1962 года – вершине достижений грузинского баскетбола. А еще тренировал молодежную сборную СССР. И здесь с наибольшей полнотой раскрылся талант педагога и воспитателя, основателя баскетбольной династии Коркия.

10 мая 2003 года я пришел в дом к Отару Михайловичу – поздравить его с 80-летием. К седовласому чемпиону, который вошел в авторитетнейшие энциклопедии. В трехтомнике «Все о спорте» его фамилия упоминается семь раз!

Легенды не тускнеют с годами, светят ярче, возвращая нас в прошлое, когда отечественный спорт начинал утверждаться на международной арене.

Рядом с хозяином дома – его супруга Антонина Максимовна, верная спутница жизни, она сопровождала его в поездках, была в Камбодже два года и два месяца. Поженились они в 1943-м, работая на консервном заводе в Кутаиси, куда студентку Армавирского химико-технологического техникума направили на производственную практику. «Красивая и тогда была Антонина Максимовна?» – спрашиваю юбиляра. «Хорошая была девочка», – отвечает мне с доброй улыбкой. Супруги вспоминают послевоенные годы, жилищный кризис, когда жили на тбилисском стадионе «Динамо», а соседние комнаты занимали Вальтер Саная, Алеко Мехси, Сулико Тортладзе...

В то утро собрались у супругов Коркия их сыновья – Виталий и Нодар. Младший – Нодар, мастер спорта международного класса, многие годы играл в знаменитом динамовском клубе. Приехал из Киева, где работал тренером и референтом грузинского посольства. Рядом с ним – сын – студент Михаил, который успел дважды стать чемпионом Грузии. Старший сын – Виталий Отарович менее известен в баскетбольном мире – выпускник экономического факультета ТГУ и Грузинского института физкультуры избрал врачебное поприще.

Ничто в то весеннее утро не предвещало трагической развязки. В марте 2005-го Грузия из Тбилисского Дворца спорта провожала в последний путь своего выдающегося сына – Отара Михайловича Коркия, кто по оценке ведущих тренеров и специалистов в результате анкетного опроса газеты «Советский спорт» был назван сильнейшим советским баскетболистом всех времен.

На референдуме спортивных журналистов Отар Коркия признан лучшим грузинским спортсменом XX века.

С Нодаром Джорджикиа

Дружеский шарж Г. Пирцхалава

Арсен ЕРЕМЯН

«ЗАВЛЕКАЮТ В СОЛОЛАКИ СТЕРТЫЕ ПОРОГИ...»

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ СТАРОГО РАЙОНА

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Давай, горбатой улицей,
Умытою дождем,
Устав хандрить и хмуриться,
Мы вечером пройдем.
По лестницам, по лестницам,
Туда, где пляшет синь,
Где можно с неба свеситься
Средь стиранных простынь,
По дворикам, по дворикам,
Где кот живет в князьях,
И старцы, как Йорики,
Судачат о друзьях...

Помнится, так я пригласил на прогулку по старым тбилисским районам своих товарищей 20 лет назад. А сегодня делаю такое же предложение и вам, дорогие читатели. Тогда Тбилиси был совсем другим – не пережившим потрясения войн и разрухи, отъезд тысяч исконных горожан, веяния новых времен. Прошедшие десятилетия, многое изменившие в облике города и придавшие почти европейский лоск его центральным проспектам, казалось бы, не коснулись этих самых горбатых улочек и легендарных двориков. Те же лестницы, балконы, горделивые коты, философствующие старики, аппетитные запахи многонациональной кухни.... Ими и сегодня восторгается каждый, впервые ступивший на тбилисскую землю. А, между тем, изменилось главное – на все это наложило свою властную руку время. Сейчас средь стиранных простынь не очень-то и свесишься – старые дома и дворы катастрофически ветшают, балкончики и мансарды угрожающе скрипят и качаются. Ну, а в тех показательно отреставрированных уголках, куда валом валят туристы, вряд ли кому-нибудь придет в голову вывешивать простыни прямо под их фотообъективы...

А, ведь, когда-то из этих окошек, из этой сини, звучали такие голоса и строки, до которых нам и сегодня тянуться – как до небес. И старая кирпичная кладка, и сохранившиеся булыжные островки мостовых словно повторяют поразившие когда-то, своей точностью, слова:

Вот и все. Смежили очи гении.
И когда померкли небеса,

Паоло Яшвили

Словно в опустевшем помещении

Стали слышны наши голоса.

Может, камни обладают лучшей памятью, чем люди? И уже полуразрушенные, обветшалые бывшие особнячки продолжают представлять себя прежними: полными поэтических споров и вдохновений, полными человеческих встреч, застолий, дружб. И, увы, чаще всего - трагедий. А еще в этом стихотворении Давида Самойлова есть такие слова: «Нет у их. И все разрешено». И действительно, иногда кажется, что наше прагматичное время диктует иные законы - по которым все разрешено. Но было ли легким время тех гениев? Как часто их слова и поступки, казавшиеся наивными и беззащитными перед грубой силой, были и остаются мерилем истины для всех времен. А значит - и для нас с вами.

За последние годы Тбилиси (и он не одинок в этом) накрыла волна переименований, продиктованных все тем же всевластным временем. Старинному району Сололаки повезло и не повезло больше остальных. Почему не повезло? Да потому что неясно, доживет ли он до предполагаемой реставрации - дома рушатся один за другим. А повезло оттого, что переименования улиц коснулись этого района в самом благотворном смысле. Теперь мы бродим по улицам поэтов Паоло Яшвили, Георгия Леонидзе и Ладос Асатиани, критика и переводчика Геронтия Кикодзе, литературоведа Павле Ингороква. Они сменили символы ушедшей «коммунистической» эпохи – имена Алеши Джапаридзе, Сергея Кирова, Фридриха Энгельса, Филиппа Махарадзе, Феликса Дзержинского. И так удачно получилось, что этим продолжилась традиция «литературных связей» старинного района. Ему и раньше везло – его топонимика, как нигде еще в городе, связана с именами литераторов. Ведь именно тут пересекались судьбы поэтов и писателей, оставивших, пожалуй, самый яркий след в литературе – грузинской, русской, армянской... Всех и не перечислишь. Не случайно, нижняя граница Сололаки проходит по улице, названной в честь драматурга и переводчика Шалвы Дадиани, правая – по улице публициста Шио Читадзе. Сололакцы ходят по улицам поэтов Михаила Лермонтова и Галактиона Табидзе, писателей Иванэ Мачабели и Даниела Чонкадзе... Впрочем, хватит перечислений, их можно найти во многих справочниках. А я предлагаю пройтись по Сололаки, как по страницам книги, где можно увидеть тех, чьи имена и строки повторяются здесь каждый переулок, даже, если его официальное название и не связано с литературой. Имена, ставшие гордостью не только грузинской культуры. Давайте же листать сололакские улицы с тем же удовольствием, с каким мы листаем страницы любимых книг.

СТРАНИЦА ПЕРВАЯ

Первая страница - дом №7 на улице Паоло Яшвили. Поэт поселился здесь еще, когда она называлась Ртищевской, отсюда и ушел навстречу смерти. Его имя стало символом тех удивительных по чистоте отношений, которые связывали русскую и грузинскую литературы в первой половине прошлого века - отрадной для Парнаса и печальной для самих поэтов. Ох, сколько мы увидим интереснейших переплетений судеб, сколько восторженных, искренних слов услышим! Вот, в кутаисской гимназии Паоло, вместе с Владимиром Маяковским, пишет в рукописные журналы. Вот он - студент Института искусств при Лувре - подружился с Константином Бальмонтом и тот, позже, говорит ему:

«Когда мы были в Париже и ты приходил ко мне и часто усталому и опечаленному читал Шота и стихи других поэтов, я чувствовал тогда торжество моей души». И это – не случайно, ведь именно Бальмонт первым перевел на русский язык поэму Шота Руставели, назвав ее «Витязь в барсовой шкуре». А вот – то, что наиболее прославило Паоло – журнал «Голубые роги» и одноименная группа символистов. Слышите, Осип Мандельштам иронизирует: «Голубые роги» почитаются в Грузии верховными судьями в области художественной». А Корней Чуковский изумлен: «Мало кому известно, что замечательный грузинский поэт Паоло Яшвили мастерски владел русским стихом... Внимательно перелистав мою «Чукоккалу», он мгновенно, с удивившей меня быстротой, вписал в нее стихотворный экспромт по-грузински. Увидев, что я с тоской всматриваюсь в непонятные строки, Паоло тотчас же перевел их - стихами! - на русский язык:

Какое чудное соседство:

Здесь Белый, Блок и Пастернак.

Дом №7 на ул.
Паоло Яшвили.

Я рядом занимаю место,
Как очарованный простак.
Перевожу вам эти строки
На несравненный русский лад –
Поэт моей любимой дочки,
А для меня - весь Ленинград».

Ну, а о том, что было, когда - с начала 20-х годов и до рокового конца 30-х - в Грузию хлынули деятели русской культуры, свидетельствует поэт Георгий (Гогла) Леонидзе: «Каждого вновь прибывшего к нам поэтического гостя первыми встречали, как правило, Паоло Яшвили и Тициан Табидзе. Паоло был гостеприимным хозяином, Тициан - подлинным Авраамом любого пиршества поэтов». На страницу Тициана – ближайшего друга и единомышленника Паоло – мы заглянем позже. Это ему Яшвили посвятил строки, оказавшееся беспощадно пророческими. В блестящем переводе подзабытого ныне поэта-эмигранта Сергея Рафаловича они звучат так:

Кошмары буйные нам гибелью грозят.
Дай причаститься мне, молящемуся ныне.
Пьянящий фимиам, как благовонный яд,

Нас, оглашенных, взнес к торжественной святыне.

А пока, давайте, приглядимся к тем, кто не представлял себе Грузию без Паоло Яшвили. И не зря - велика была его любовь к Тбилиси. Мечтая, чтобы друзья из России почувствовали дух этого города, он пишет:

Хочу у ворот солнцеликого града
Стихами - горячею кровью - пролиться.
Мильоноголосый, любовь и отрада,
Тбилиси, не ты ли - поэтов столица?
(Перевод Яна Гольцмана)

Мы видим лица Сергея Есенина, Владимира Маяковского, Бориса Пастернака, Осипа Мандельштама, Андрея Белого, Вячеслава Иванова, Федора Сологуба, Ильи Эренбурга, Николая Тихонова, Павла Антокольского, Константина Паустовского, Юрия Тынянова, Ильи Эренбурга... И еще многих, многих других, ставших для грузинского поэта просто близкими людьми, а для нас - классиками русской литературы. Они, не оставаясь равнодушными, не могли не высказаться в ответ. Представим слово, хотя бы, Борису Леонидовичу:

За прошлого порог
Не вносят произвола.
Давайте, с первых строк
Обнимемся, Паоло!

Ни разу властью схем
Я близких не обидел,
В те дни вы были всем,
Что я любил и видел.

Входили ль мы в квартал
Оружья, кож и седел,
Везде ваш дух витал
И мною верховодил.
Уступами террас
Из вьющихся глициний
Я мерил ваш рассказ
И слушал, рот разиня.
Не зная ваших строк,
Но, полюбив источник,
Я понимал без слов
Ваш будущий подстрочник.

Оживают на этой странице и живописные подробности застолий. Вот Паоло пьет на собственной свадьбе из тувельки своей молодой жены Тамары. Вот голубороговцы всю ночь кутят с Есениным - в Ортачала, как и полагалось у тифлисцев. На рассвете, естественно, отправляются опохмеляться за тарелкой хаши. Есенин

еще ни разу не пробовал это знаменитое блюдо, и Паоло очень нервничает - понравится ли оно дорогому гостю? А хаши варится очень долго, и Яшвили так «заводится», что бросает в кипящий котел... кепку. Тициан, чуть позже, засвидетельствует: «Пьяный Паоло варил на рассвете/ Кепку свою в прокопченном котле...» Но нам видно с соллолакской страницы, что это не совсем точно: кепка принадлежит другому голубороговцу - Валериану Гаприндашвили. Одному из немногих по-настоящему двуязычных поэтов - он одинаково хорошо писал стихи и на грузинском, и на русском. А вот, в кафе «Интернационал», Паоло дарит жене Тициана - Нине... коробку папирос. Нет, не ради ее табачного содержимого. На коробке записан сочиненный им экспромт, в котором его друг с супругой названы Пьеро и Коломбиной. С тех пор Нину в поэтическом мире Тбилиси иначе и не называли. Вообще же, что касается экспромтов, то Яшвили был на них большой мастер. К сожалению, большинство из них, в том числе и касающихся русских друзей-поэтов, мы так и не увидим. Писатель Серго Квдиашвили объясняет: «Если бы кто-нибудь записывал экспромты Паоло, получился бы весьма внушительный том. Удивительно небрежливый расточителем жемчужин был он». А знаменитый художник Ладо Гудиашвили добавляет: «Удивительный талант импровизации был у Паоло... Его экспромты и эпиграммы были настоящими шедеврами... Как жаль, что восстановить их сейчас невозможно».

Увы, конец этой страницы все ближе и ближе. Первый гром прогремел над Паоло в 1924-м, когда был расстрелян его брат. А потом пришли годы, в которых советской власти требовались лишь поэты, «верные линии партии», а все, духом неподвластное ей, стало искореняться. Слово «символист» зазвучало практически наравне с «врагом народа». И вот, мы уже читаем протокол X съезда Коммунистической партии Грузии: «Но у нас есть литераторы, которые состоят в связях с врагами народа... Поэту Паоло Яшвили - ему, ведь, уже за сорок - пора взяться за ум». Это говорит не кто-нибудь, а лично первый секретарь Центрального комитета КП Грузии Лаврентий Берия. Да еще и перечисляет известных советских деятелей, общавшихся с Яшвили и «разоблаченных как враги народа». А за окном - 1937-й. И верноподданный Союз писателей Грузии делает соответствующие выводы. Если Яшвили и раньше доставалось на заседаниях в этом союзе за «идеологическое вредительство», то теперь начинается уже настоящая травля. Усердствуют в ней и те, кого Паоло считал своими друзьями. Протокол заседания президиума Союза писателей походит на самый настоящий приговор за «предательскую деятельность». Арестован Тициан Табидзе... Но у Яшвили есть еще шанс выйти сухим из этой мутного водоворота. Надо лишь покаяться и дать нужные показания на своих товарищей. Мы слышим рассказ дочери зверски замученного писателя Михаила Джавахишвили о том, что Берия вызвал к себе Яшвили и лично приказал написать обвинения против ее отца и Тициана. Ответ Поэта на такое требование предугадать нетрудно... Задолго до этого у него родились еще и такие пророческие строки:

По городу бродит на прочих похожее тело.
Прохожие скажут: «Гляди, от поэзии пьяный».
Но кто понимает, что это - опасное дело,
Что в пламени гибнет и корчится мозг окаянный?

Как смерть неотвязное, слово горячкой слепило,
И тело, и душу душило цепями полона.
Не спишь, а наутро, когда постучится светило,
Ты - скорбная память о том, кого звали Паоло.

Здание Союза писателей Грузии

Рождается песня - и на год урезаны сроки
Земного пути. И недолго уже до предела.
И если вот это и вправду - последние строки, -
Швырните воронам никчемное мертвое тело!
(Перевод Яна Гольцмана)

А, ведь, в воспоминаниях Гоглы Леонидзе мы упустили одну деталь. Есенин просил Тициана выяснить у Паоло, какой номер ружья нужен, чтобы пойти на кабанов – Яшвили славился и как отличный охотник. Оружие, как мы помним из строфы Пастернака, Паоло показывал ему во время прогулок по Тбилиси. Итак, роковое слово прозвучало. Но, по Чехову, если в первом акте на сцене висит ружье, то в последнем оно должно выстрелить. И мы видим, как Паоло берет свое ружье, хранившееся в отделении Союза охотников, и относит его в Союз писателей. Потом пишет письма жене, дочери, старшему брату и... Лаврентию Павловичу. Следующий день – воскресенье. Тамара с дочкой Медеей, как всегда, идет навестить своих родителей. Паоло предупреждает ее, что придет позднее, и отправляется в Союз писателей. Там - очередная проработка «врагов народа». Он ненадолго присаживается рядом с обреченным Михаилом Джавахишвили, потом поднимается вверх - туда, где припрятано ружье. Гремит выстрел. Вернувшись домой жена с дочерью ждут его до полуночи, но вместо Паоло появляются сотрудники НКВД. Обыск. Уносятся все книги, бумаги, фотографии. Так что, письма Яшвили удается прочесть лишь через 17 лет после выстрела в Союзе писателей. Когда поэта реабилитировали, в роли запоздалого письмоносца выступил сам Генеральный прокурор СССР Роман Руденко. Пролистаем их, сегодня можно, они – уже не личные, а достояние нашей общей истории. Жене: «Дорогая, любимая Тамара! Прощай. Перед смертью чувствую особую любовь к тебе... Береги здоровье, лечись. О Медее нечего тебе писать, я убежден, что ты из нее сделаешь настоящего человека. Причина моей смерти в том, что люди, с которыми я дружил и которые действительно оказались настоящими врагами народа (я в этом уверен), хотели запятнать мое имя...» Дочери: «Если бы я не поступил так, ты была бы более несчастна». К Берия была единственная просьба: «Ты хорошо знаешь, что я невиновен. Хотя бы, не разоряй мою семью».

И еще одно письмо Тамаре Яшвили, написанное тем страшным летом. «Когда мне сказали это в первый раз, я не поверил... Оттенки и полутона отпали. Известие схватило меня за горло, я поступил в его распоряжение и до сих пор принадлежу ему... Когда вновь и вновь я устанавливаю, что никогда больше не увижу этого поразительного лица с высоким одухотворенным лбом и смеющимися глазами и никогда не услышу голоса, от переполнения мыслями обаятельного в самом звучании, я плачу, мечусь в тоске и не нахожу себе места... Воспоминание ранит, доводит боль лишения до сумасшествия, бунтует упреком: за какую вину наказан я вечностью этой разлуки?... «Что за вздор», — вновь и вновь спрашивал я себя. Паоло? Этот Паоло, которого я так знал, что даже не разбирал, как его люблю, Паоло, имя моего наслаждения... Умереть все равно каждому надо, и притом в какой-нибудь определенной обстановке. Вот и скажут: эта потомством сохраненная жизнь кончилась летом 37-го года, и прибавят достоверности данного времени: темы, которыми жила общественность, названия газет, имена знакомых...». Это – Борис Пастернак. Удивительно большие и точные строки. Вот мы с вами сейчас и всматриваемся в «достоверности данного времени».

...Мимо дома Паоло Яшвили я каждый день ходил в

школу и обратно. С соседями-одноклассниками мы могли только догадываться о судьбе поэта - на небольшой мемориальной доске до сих пор значится лишь, что он жил здесь в 1921-1937 годах. Но потом довелось слышать рассказы старожилов о том, какие замечательные люди бывали здесь – «целая история грузинской и русской литературы». А уж, когда стал знакомиться с историей, и не только литературы, этот старый дом стал для меня символом несломленного духа и таланта. Поэтому я и предложил вам, дорогие читатели, первой среди сололакских литературных страниц перевернуть именно эту.

Жизнь кончается сраженьем,
а не просто стычкой.
Бережит воображенье
старый дом с табличкой.
В рифмах песнях и надеждах,
в спорах до рассвета,
оживают у подъезда
дерзкие поэты.

Ах, как славно им мечталось
в грозových зарницах!
Ах, как мало им досталось
места на страницах!
Сколько ритмов не сложилось,
сколько грез распалось.
Сколько им недолюбилось
и недописалось...

В Сололаки день вчерашний,
злой багровея,
предварил простой и страшный
жест Хемигуэя.
Время растворило грани
травли и успеха.
Но в подъезде, вечной раной,
кровоточит эхо.

Эхо выстрела в безверье,
в шепоток навета –
защищались, как умели,
дерзкие поэты.
Черный ствол к груди приставив,
целились, не шурясь,
не в себя, а в страх и в зависть.
И в людскую дурость.

Жизнь кончается сраженьем,
а не просто стычкой.
Бережит воображенье
старый дом с табличкой.
Завлекают в Сололаки
стертые пороги.
Разве ж, не остры для драки
«Голубые роги»?!

И - последнее, что мы видим на этой странице. Через 73 года после выстрела в Союзе писателей Католикос-Патриарх Всея Грузии Илия II отпускает поэту тяжкий грех. Ведь самоубийство запрещено священными канонами Христианской Церкви. Но Патриарх заявляет: «Паоло Яшвили действовал под влиянием роковых обстоятельств, которым не мог противостоять. Он покончил жизнь самоубийством, ибо не хотел выдать под пытками своих уже арестованных товарищей по литературному цеху»...

До следующей встречи на сололакских мостовых.

Владимир ГОЛОВИН

ДОМИНАНТА

ТБИЛИССКОЙ 43-Й ШКОЛЕ
ИСПОЛНИЛОСЬ 100 ЛЕТ!
С ЮБИЛЕЕМ, ДРУЗЬЯ!

«Полубуйтесь на этого хулигана!» Одишария Пифагоровы Штаны бросил мел, которым стучал по доске, выводя формулы, подошел к окну. Он наконец увидел то, за чем заинтересованно следил весь класс, - свидание Омарова с Томой, самой симпатичной девчонкой соседней школы. Саша только что стал чемпионом города и купался в лучах славы. В вестибюле женской школы она напомнила о себе дождем записок с объяснениями в любви. Придумавшие раздельное обучение бесполье наробразовские чинуши были посрамлены. Весна превратила в райский сад узкую полоску ничейной земли между дворами и скалой, с грудками щебенки, ржавыми железками, постыдными человеческими отправлениями, бросила слабую, податливую плоть в сильные, годами тренированные руки, привыкшие ломать сопротивление.

Они приблизились к стальной трубе, - считалось особым шиком съехать по ней с Комсомольской аллеи, поживаясь от страха, - зашли за кирпичную кладку, недоступные взглядам, как темная сторона луны, а мы, далекие от консультации по математике, от предстоящего экзамена, ревновали и тревожились за Тому, держа в уме его шоковую откровенность: как он со знакомым, имевшим не одну судимость, встретили за городом двух сельских девчонок и, угрожая ножами, затолкали в Коджорский лес, где, соревнуясь в скотстве, оживленно переговариваясь и торопя последний миг, позабавились ими.

«Сумароков на война, Одишария больна, на телефоне Сара».

Как часто вспоминалась из школьного фольклора сорок третьей эта фраза уборщицы в гулкой немоте учительской. Сумарокова в школе мы не застали, он начальствовал в летнем училище, удостоился звания майора, но уровень учебного процесса, поднятого им на небывалую высоту, долго оставался образцовым. В круговерти годов и событий стерлись в памяти подробности, и нелегко ответить на вопросы шутливой викторины выпускников знаменитой тбилисской школы: вспомнить имя и внешность старика, сололакского жителя, - он имел собственное знамя и за умеренную плату шел с ним во главе похоронной процессии, - и как звали, к примеру, чистильщика обуви на улице Кирова.

Как-то весной мы всем классом дружно заболели. Рыженькая доктор — ее спелые округлости лезли из пеннобелого халатика, как опара из квашни, — поставила диагноз: баскетбол. Всей ватагой мы отправлялись на Мтацминду, неся по очереди многострадальный мяч, не зная одышки, взбегали на верхнее плато, где среди скрипа поджаренных на солнце планирующих кузнечиков ждала нас желанная награда — открытая школьным «колумбом» баскетбольная площадка.

Наша сорок третья школа преуспела в этой игре, придуманной Джеймсом Нейсмитом, преподавателем Спрингфилдского колледжа из штата Массачусетс, став первой в городе. Марку надо было держать. Класс наш — чемпион школы — твердо помнил: не боги горшки обжигают. Воспитанники сорок третьей Леван Инцкирвели и Тенгиз Медзмариашвили, будучи не намного старше нас, играли в тбилисском «Динамо» — одном из ведущих европейских клубов.

А пока, кроме верхнего плато фуникулера, мы облюбовали спортивную площадку в Александровском саду, где обычно решалась судьба городского первенства. Как-то в финале против нашей стартовой пятерки вышли пять баскетболистов сорок четвертой школы, наши недавние ученики. Не поладив с директором, они

вынуждены были уйти. Мы приветствовали их перед игрой как наш филиал, и за свою вольность чуть не заплатились дисквалификацией.

Я запомнил этот эпизод, потому что в перерыве сам отличился: со второго ряда трибуны забросил в корзину отскочивший мяч – с угла площадки, любимой точки московского армейца Сергея Белова, откуда он забил «золотой» мяч ленинградскому «Спартаку» в решающем матче суперсерии. Только бросок мой был дальше. Мяч по высокой дуге опустился в сетку под одобрительный гул трибуны и реплику капитана школьной команды Рафаэла Джанполадова (Джамбула): «Это наш золотой запас».

Через много лет узнаю из газет, что за один сверхдальний бросок одному американскому любителю удалось выиграть миллион долларов, который ему почему-то не выплатили. Так что по части материального поощрения у нас с ним полное равенство, но всякий раз чувствую себя счастливым, вспоминая ту удачу.

Одно из самых ярких впечатлений – подготовка к парадам и демонстрациям народного ликования. Гордость школы духовой оркестр, обаянный своим рождением маэстро Николаю Чичинадзе, могучим легким двух дюжин ребят, положенным в общий котел нашим кровным десяткам, становится впереди школьной колонны, которая строевым маршем стекает вниз по улице. Охрипший от команд, физрук Шота Павлович забегает вперед, припадая на правую ногу. Гремит медь оркестра, мельтешат голые коленки, сотни ног печатают на асфальте четкий шаг. Нежный, как девушка, запевала из нашего класса заводит песню: «Летят перелетные птицы». Колонна дружно отзывается: «В штанах». Нам знаком этот нехитрый фокус. Расстояние в двести метров до женской школы, из окон которой свешиваются любопытные головы, – они начинают движение после нас – надо пройти так, чтобы на музыкальную фразу запевалы: «А я остаюсь с тобою» радостно выкрикнуть в сотни глоток: «Без штанов». Бедный Исаковский! Бедный Блантер!

Теперь мимо моего дома топаям вдоль по набережной, чтобы надолго застрять в районе госцирка, всецело завися от сценария распорядителей праздника. Если повезет – школа, гремя агапкинским маршем «Прощание славянки», идет мимо правительственной трибуны – угрюмо-равнодушных лиц с нахлобученными на уши шляпами, но чаще музыкантов забирали в сводный оркестр, сводя дело к обычной уравниловке. Последние сотни метров проходим по Пушкинской улице, как стадо баранов. На Колхозной площади ненужные знамена летят в раскрытые чрева грузовиков.

Жизнь оказалась много сложнее нескольких стаканчиков, пропущенных в винном погребе на Майдане, где у дяди Сандро всегда имелось неразбавленное саперави. Крайне редко шел я на традиционные встречи в Тбилиси и Ереване, на апрельские торжества, к чему нас обязывает школьный устав. Но всегда волнуясь, оказавшись волею судеб возле трехэтажного здания с высокими окнами, со следами на фронте бывлой надписи: «Манташевская торговая школа», вспоминая, какими мы уже не будем.

Александр Семенович Пампалов, наш учитель пения, обладал редким даром рассказчика. В его изложении либретто оперы об истории любви египетского полководца и черной рабыни, дочери эфиопского царя, обретало библейскую поэзию и мудрость, отравляя на всю жизнь сладким дурманом творчества.

Неистошимый на лабораторные выдумки милейший

Яков Иванович Костава, во славу периодической системы Менделеева, однажды едва не превратил нас в прах, взорвав на уроке адскую смесь собственного приготовления.

Неизменно корректный Ник-Ник Тавдгирдзе никогда не прибежал к конспектам и классному журналу, рисуя в записной книжке одному ему понятные знаки, очерчивая на доске одним взмахом руки идеальную окружность, под общий вопль восторга.

Елена Георгиевна, урожденная княжна Туманова, приобщила к книге не одно поколение лауреатов и генералов, профессоров, агрономов, авиаконструкторов, писателей, журналистов, юристов, врачей, музыкантов, художников. Это Елена Георгиевна изготовила стенд о своих учениках: с черной обугленной доски, с опаленных огнем листов бумаги смотрят на сегодняшних несмышленишей мальчишки, кто навечно остались семнадцати-восемнадцати лет, сгорев в самолетах и танках в первые дни войны, и среди них неожиданно – лицо нашего первого завуча Нины Антоновны Добрыни фотографией ее сына.

В 1941 году ученики 11-го класса добровольцами ушли на фронт. Один из них, летчик Георгий Самарчян, сражался в Белоруссии, сбил девять вражеских самолетов. Весной 1944 года в бою над деревней Боровики его самолет загорелся. Летчик до последнего пытался спасти машину, но до земли не дотянул... Отважному герою в тот день исполнилось 22 года.

«Дорогие родители Георгия! Гоги был честный и добрый товарищ. Мы потеряли настоящего друга. Мы отомстим за то горе, которое принесли фашисты нашему народу», – писали боевые друзья Георгия.

Зара Юрьевна Мусиева, завуч и педагог русского языка и литературы, после выпускных экзаменов удивила меня советом поступить в технический вуз, а когда я этому воспротивился, сделала запоздалое признание: «Из-за тебя я чуть было не ушла из школы».

Помню педсовет, грозный, неумолимый, как суд жрецов в «Аиде», себя, опасную скверну, от которой следовало немедленно избавиться. Но почему она все эти годы молчала?

Мы сорок третьей все когорты

Педсовету предшествовала контрольная работа по основам дарвинизма. Писать я ее отказался, считая бесполезной в данной дисциплине, о чем откровенно сказал Ивану Павловичу, за откровенность удостоился единицы в журнале, был выставлен в коридор, где очень некстати попался на глаза директору школы. По-

Выпускники 43-й школы 1954 года

пыхивая знаменитой трубкой, важный и безволосый, как слон, он прохаживался мимо прилежных классных комнат, приторно слащавого афоризма Лаврентия Берия на стене: «Героизм и мужество школьников – это учеба на отлично» и, конечно же, постарался раздуть из этой самой по себе неприятной истории пламя возмездия, перед которым померк бы московский пожар 1812 года. Райком комсомола решение об исключении, ясное дело, не подтвердил.

Последняя четверть кончалась. Не будучи аттестованным по предмету и предвидя страшную месть, готовлюсь подороже продать свою жизнь. Для начала одолжил на вечер учебник, которого на весь класс было несколько, прочел от корки до корки.

Кавтарадзе вызвал меня первым, предупредил, что задаст три вопроса, и я вышел в открытое море удивительной науки биологии, любимой давно и беззаветно, с неистовством первой любви, которой собирался заняться всерьез, в чем меня поддержал приехавший домой на побывку мамин брат Василий, впервые мной увиденный, в тридцатых годах сосланный на пожизненное поселение в Вятку.

Скоро я почувствовал себя неуютно в малознакомых местах, взял себе в спутники молодого смотрителя станционных часов – работа непыльная и соответственно низкооплачиваемая – в губернском городе Козлове, который тогда еще не был Мичуринском, узнавая его мечту покрыть садами родную Тамбовщину. В одном из них, таком малом, что на него можно было накинуть его форменную шинельку, он высмотрел скромную светловолосую девушку, которая, распевая, возилась с цветами, радуясь солнцу и утру. Он просил руки маленькой певуньи и получил согласие, найдя в ее лице восторженную поклонницу и крохотный сад для опы-

тов. Как часто бывает, сначала он мало знал, смутно представляя себе то, что со временем свяжут с его именем, назовут методом отдаленной гибридизации, а пока заглядывался на плодовые деревья за высокими оградами богатых усадеб, угощался яблоками, когда угощали, пряча украдкой в карман огрызки с драгоценными семенами, пока его не уличили, после объяснения нарвали разных яблок кулек, охотно рассказали о прививках. Он остановил свой выбор на яблоне китайке, низкорослой и неприхотливой, ее кривобокие плоды проигрывали рядом с безупречными формами аристократов – бельфлеров, шафранов, ранетов, кандилей, но могучие жизненные силы, угаданные им в дурнушке-простолюдинке, неизменно побеждали в споре родительских пар, давая высокоустойчивое потомство.

«Доминанта!» - сказал Иван Павлович и торжествуя посмотрел в притихший класс.

Как жаль, что гордые слова мечтателя из сонного Козлова о невозможности ждать милостей от природы, призыв взять их у нее, объявленный чуть ли не всенародной задачей, - мне кажется, он сказал это, не подумав, - были превратно истолкованы приспособленцами от науки, бездумными авторами рукотворных морей, на дно которых ушли божьи храмы, деревенские погосты, старинные поселения с улицами, по которым гуляют волны. Результаты апокалипсические, как это было с другим, не менее известным тезисом буревестника революции: «Если враг не сдается, его уничтожают», оприходованным ежовщиной.

Иван Павлович тогда спросил, известны ли мне имена селекционеров-дарвинистов на Западе. Первым называю Лютера Бербанка, прошедшего долгий путь познания, признавшегося в горькую минуту, что ему пора открыть дровяной склад.

«Сегодня ваш класс сделал мне подарок, - Кавтардзе не пытался скрыть волнение, - это самый счастливый день в моей жизни».

И теперь, через много лет, в трудные часы разочарования и слабости, черпаю силы в уроке нравственности и великодушия педагога, ставшего выше собственной обиды доминантой добра.

Потом по моей просьбе он написал для классной стенгазеты совершенно блестящую статью, которую перепечатали в школьной газете. Она сделала бы честь толстому столичному журналу, - что-то вроде наказа молодежи, вступающей в жизнь, не похожая на заветы вождя, лысого и картавого, вещавшего делегатам третьего всероссийского съезда комсомола в октябре 1920 года о коммунистической нравственности, уже к тому времени полно себя выразившей. Многие делегаты съезда косаревского призыва поплатились за нее жизнью.

Осталось загадкой, откуда пришел к нам в школу, никогда не испытывавшую недостатка в блестящих педагогах, этот ученый человек, сочетавший специальные знания с литературным мастерством, как нашел он добрые, человеческие слова, смело цитируя sacramентального Ивана Петровича Павлова, великого старца, распинаемого в те годы средневекового мракобесия, странной войны с вейсманизмом-морганизмом, щедрых посулов шарлатанов, обещавших молочные реки в кисельных берегах; и сегодня несть им числа.

Мы хоронили Ивана Павловича через одну весну, первого педагога, чья смерть застала нас в школьных стенах, растерянные, шли по пустой улице, перекрытой от транспорта, нетвердо зная, что еще уготовит нам жесткая жизнь.

«Сумароков на войне, Одишария больна, на телефоне Сара».

Для кого-то это смешная история из школьного фольклора, несвязный разговор бедной уборщицы, вынужденной отвечать на телефонные звонки в опустелой учительской далекой военной поры, а я вижу ее как живую.

В войну мы приносили из дома по квадратичку детской хлебной карточки, за него в школьном буфете выдавали маленькую булочку землистого цвета. В тот день случилось ужасное: я потерял хлебный квадратик, право на дневной паек, и тогда Сара, чей единственный сын так и не вернулся с войны, наша малограмотная Сара, над кем до сих пор незлобно подшучивают, дала мне булочку, свой пайковый хлеб, собственно говоря, незнакомому мальчику, так просто решив для себя государственную задачу: все лучшее - детям.

Арсен ЕРЕМЯН

АРСЕН ЕРЕМЯН. СТИХОТВОРЕНИЯ

СТАКАН ВОДЫ

С лицом не по работе ангельским,
Не ощутив наживы зуд,
Стоял в саду он Александровском,
Что Коммунаров назовут.

Легка, как девушка, тележка,
На ней сифонами сироп.
И ни минуты не помешкав,
Он сочиняет нам ситро.
С его племянником мы дружим,
А три стакана не разор.

Мы газировку дружно глушим,
И каждый повторить готов.

Благословенна длань дающего –
Взамен не ждет он ничего.
И, знаешь, мы не стали пьющими
От угощения того.

Жизнь коротка. Желанья стерты,
Как наша школьная труба.
Мы сорок третьей все когорты:
Тот вышел в дамки, тем труба.

Потом нас часто звали в гости,
На хлебосольные пиры,
И не угнаться было просто
За газировкой той поры.

НЕ ВЕРЬ

Не верь, что меня больше нет.
Я в чем-то остался навеки.
Леван Челидзе

Лист бумаги пожелтелой
Птицей выпорхнул из книги –
Преданных душой и телом
В кинозал зовет интрига.

Пригласительным билетом
О себе мне вновь напомнил.
Позабылось, ты ли это
С тенью бой затеял в школе.

Фильма вашего премьеры.
Лицедейства блеск гостей.
Не последний и не первый
Друг среди сонмища теней.

Сарояна строчкой ранней,
Обнаруженной в томах,
Ты мою бередишь рану,
Не состарившись в годах.

Четверть века пролетела.
Пленка старится с годами.
Постороннему нет дела
До того, что ты не с нами.

Надвое надорван пропуск –
Контролера знак усердия.
Скажем: рана, если спросят,
Разорвавшегося сердца.

ЗАКЛИНАНИЕ

Не отдаляйся от друзей,
Случайный опыт бесполезен.
Пара назвавшихся груздей
Силком в твой кузов не ползет.
Не отдаляйся от друзей.

Ты с возрастом не стал мудрей,
Но обходясь без лишней лычки,
Вниманьем дорожи друзей,
Как чудом уцелевшей спичкой.
Не отдаляйся от друзей.

С годами чувства поспевай
И на общение не настроены.
На друга время не жалеи –
Осталось их от силы трое.
Не отдаляйся от друзей.

ЕГО ПЕСНИ ОСТАЛИСЬ

25 ИЮЛЯ - ДЕНЬ ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО

О Владимире Высоцком я узнал в 1967 году в городе Урае Тюменской области, куда выпускником МГУ уехал работать по распределению. В те времена, служа младшим техником в промыслово-геофизической экспедиции, я любил в свободное время упражняться на гитаре, пел все, что узнавал от друзей, или слышал в магнитофонной записи. Тогда я впервые и услышал имя «Владимир Высоцкий». А его песни «На нейтральной полосе», «Татуировочка», «Что же ты, зараза», «Красное, зеленое, желтое, бордовое...», «Зэка Васильев и Петров-зэка», «Весна еще вначале...» полюбил сходу и навсегда. С тех пор и поныне Володя Высоцкий остается для меня непревзойденным кумиром, близким и дорогим человеком. И вечным наставником: именно у него я учился и учусь обращению со словом, построением стихотворной фразы, а главное, виртуозной точности рифмы...

В 1968 -1969 годах я на короткое время оказался в Москве, и мой друг, еще по университету, журналист Витя Трахтенберг помог мне устроиться на работу к его отцу, режиссеру Науму Трахтенбергу, готовящемуся к съемкам на «Мосфильме» фильма «Я его невеста». Работал я заместителем директора фильма и общался, в основном, с легендарной ассистенткой по актерам, знаменитой Тасей Цветновой, которую очень полюбил за простоту, энергичность и доброжелательность. С Тасей было весело, и никаких проблем не существовало! И вот, однажды, Тася, как бы между прочим, мне говорит: «Зурчик! Тут я в коридоре Володю Высоцкого видела,

если его встретишь, скажи, чтобы зашел ко мне!» Обалдевший от восторга, смешанного со страхом, я, разумеется, взял под наблюдение все пространство коридора, и через некоторое время засек своего кумира. Я шел по коридору, а передо мной шел Владимир Высоцкий! И я вдруг громко сказал: «Володя!» Высоцкий остановился, спокойно повернулся ко мне и протянул руку для приветствия. Пожав ему руку, я изложил просьбу Таси Цветновой. Володя сказал: «Хорошо, зайду...» и спокойно продолжил свой путь. А я еще какое-то время, в полном столбняке, оставался на месте, а потом вернулся в группу. В тот день я был счастлив! И Володя действительно пришел к нам в киногруппу, пришел с актрисой Таней Иваненко, которую тогда любил, и Тася дала ему сценарий нашего фильма, где ему предлагалась одна из ролей. А потом был служебный вход Театра на Таганке, и Володя Высоцкий вынес нам с Тасей Цветновой два приглашения на «Гамлета» (было это задолго до начала спектакля, потому что Володя начинал спектакль, сидя у открытого задника сцены, когда зритель только начинает рассаживаться в зале)... В один из будних рабочих дней Тася мне говорит: «Не могу найти Володю! Вот Танькин телефон. Позвони и спроси, не у нее ли он...» Я набираю номер и слышу голос Володи: «Да, слушаю...» На мгновение онемевший, я прихожу в себя и вдруг спрашиваю: «Простите, не у вас ли Высоцкий?..» И Высоцкий, голос которого невозможно спутать ни с каким другим, мне отвечает: «Нет! Его здесь нет» - и вешает трубку. Я говорю Тасе: «Володя сказал, что его там нет!» На что Тася с олимпийским спокойствием отвечает: «Ну, нет, значит нет! Больше не звони! Чего пристали к человеку!» Через некоторое время Володя вернул мне сценарий фильма, сказав, что, к сожалению, у нас сниматься не сможет из-за нехватки времени и занятости на другой съемке... Потом я дважды побывал на его концертах. А когда на экраны вышел фильм «Колдунья», я, как и Владимир, влюбился в Марину Влади. А потом были гастроли Театра на Таганке в Тбилиси, и я, работавший в ту пору в Тбилисском русском драматическом театре им. А.С. Грибоедова, конечно же, был среди актеров, встречавших знаменитую труппу в аэропорту. Я приходил на каждый спектакль театра, чтобы еще и еще раз увидеть Володю на сцене. Однажды перед спектаклем, издали увидел его с блондинкой и решил, что это Марина Влади. Но это была не Марина. Это была тбилисская актриса Валентина Кудряшева, которую Володя провел на свой спектакль. И, наверное, так распорядилась судьба: влюбившись в Валу, я потом увез ее в Москву, и мы больше не расставались. Та самая блондинка стала моей женой...

О смерти Володи я узнал в Ереване, где был на гастрольях с театром им. А.С. Грибоедова. Там и написал свои стихи на смерть Владимира Высоцкого. После, все последующие годы, я иногда кое-что исправлял или дополнял в этих стихах. Сегодня я отдаю эти стихи на суд читателей журнала.

Я всегда любил и до конца дней своих буду любить песни и поэзию Владимира Высоцкого. Непревзойденными шедеврами считаю такие песни, как «Мы вращаем Землю», «Он не вернулся из боя», «Моя цыганская», «Ноль семь», «Кони привередливые», «Кто-то высмотрел плод...», «Белое безмолвие», «Тот, который не стрелял», «Здесь лапы у елей дрожат на ветру...». Большое счастье, что Володе удалось записать эти песни с ансамблем «Мелодия» под управлением Георгия Гараняна в аранжировке Кантюкова. И очень жаль, что его прекрасный «Белый вальс» не записан этим ансамблем! Я знаю, что Высоцкий будет любим и востребован всегда и во все времена. И счастлив, что родился и жил в то время, когда жил Володя Высоцкий.

Заур КВИЖИНАДЗЕ

НА СМЕРТЬ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО

(ОТРЫВОК)

В небе тучи - как пухлые клецки...
Теплый ветер их гонит на юг...
Нынче умер Володя Высоцкий,
Мой ровесник, учитель и друг...

Я прошу: не кривите улыбку!
Обо мне он и знать-то не знал...
Но в словах моих нету ошибки:
Это я его другом назвал...

Это я... Ну, вот так я считаю!
И попробуйте мне запретить!
Я его, как никто, понимаю!
И всегда его буду любить!

С того дня, когда с ленты магнитной,
Он шагнул в мою жизнь, как домой,
Потрясенный строкою гранитной,
Я навеки решил: этот-мой!...

Его песня пришла и осталась,
Не давая покою ни дня,
С той поры мне, ребята, казалось,
Что все песни он пел для меня...

Мне казалось, что рядом мы жили,
Хоть и редко я ездил в Москву...
Мы ж с ним вместе Марину любили!
Я - заочно, а он - наяву...

Я искал его новые песни,
Я лелеял их, как талисман!
Спел Володя - и жизнь интересней!
И развеян сомнений туман!

По утрам с его песней вставая,
Я, как в бой, выходил за порог!
Я ведь с ним говорил, засыпая!
С ним, с Володей! Иначе не мог!

Не в угоду изменчивой моде,
Я на «Гамлете» трижды стоял!
Потому что на сцене - Володя!
Потому что Володя играл!

Что там критики пишут, не знаю!
Могут даже брюзжать - не беда!
Но не выйдет такой Свидригайлов
На таганский помост никогда!

И не смогут поэты - хоть тресни! -
Как бы каждый из них не потел,
Не напишут военные песни
Лучше тех, что Володя напел!

Ведь, каких бы он тем не касался,
Иль того, что казалось старо,
Он настолько вперед вырывался,
Что другие бросали перо!

Да, в столичной могиле холодной
Он без титулов громких почил...
Но высокое званье народный
Он в народе давно получил!

И сегодня любого спросите —
Продавщица, сапожник, таксист,
Академик, профессор, учитель —
Скажут: умер народный артист!

Его честное, точное слово
Не ласкало изнеженный слух!
Так я мыслю про слово Христово...
Мне Володя - отец, сын и дух!

Мне плевать, что там новое в моде,
Что там будет еще впереди!
Мне плевать! Я - ровесник Володи!
Я - ровесник Марины Влади!

И хоть годы я дальше считаю,
Мне не надо искать ничего!
Я Володю уже не сменяю!
Мне для жизни хватает его!

Да куда же вы смотрите, братцы!
Смерть обманом взяла не того!
Я готов хоть сейчас поменяться
И отправиться вместо него!

Эй! С косою! Не хочешь замены?
Как же! Уровень явно не тот!
Не родился клиент равноценный!
А попроще - тех смерть не берет!

Его жизнь ураган налетевший,
Как пушинку, с ладони унес...
Он покинул меня, не допевши...
И я вою, как брошенный пес...

Сколько раз надо мной насмехались
За любовь мою к песням твоим!
Ты ушел... Твои песни остались!
И за них мы еще постоим!

Заур Квижинадзе

ПОЛНАЯ ЖИЗНИ ФАНТАЗИЯ

Появившиеся в начале XVIII века переводы арабских «Сказок 1001 ночи» произвели огромное впечатление на европейских читателей. Вслед за ними издаются сказки других народов, а некоторые европейские авторы, используя восточные материалы, пишут в сказочном аспекте собственные произведения. Так, французский писатель, драматург Тома-Симон Гелетт особенно прославился своими сборниками сказок. Из них наиболее популярны были «Китайские сказки, или Чудесные приключения мандарина Фум-Хоама» (1723). Это сборник сказок, соединенных обрамляющей их рамкой. С Грузией связаны в «Китайских сказках» главные герои. В начале произведения идет речь о том, что царь Грузии в результате тяжелых политических событий лишился престола и вынужден был бежать с дочерью за пределы родины. Они попадают в Китай, где все восхищены красотой грузинской принцессы. В нее влюбляется молодой китайский царь. Чтобы заслужить ее любовь, он, с помощью волшебника Фум-Хоама, переносится в Грузию, убивает узурпатора и возвращает царство законному властителю. Вернувшись в Китай, устраивает пышную свадьбу. Для развлечения гостей Фум-Хоам в течение 46 вечеров рассказывает о своих приключениях. Эти рассказы и составляют основное содержание сборника. В конце произведения выясняется, что Фум-Хоам – грузинский царевич, который в детстве был похищен пиратами. Грузинский царь счастлив, что нашел сына. Его дочь остается в Китае, а он возвращается в Грузию, где после него власть переходит к его сыну, который прославил свое имя как мудрый правитель.

«Китайские сказки» Гелетта – интересный образец подражания восточным сказкам; восточные мотивы причудливо сочетаются в них с традициями французской повествовательной литературы. В тексте встречаются географические названия, автор дает сведения о

Carlo Gozzi

месте действия. Этим он старается создать экзотический колорит и убедить читателя, что его сборник действительно восточного происхождения.

Сведения о Грузии французский автор заимствовал из описаний путешественников. В специальном примечании он пишет о расположении и границах страны. Из отдельных частей Грузии названы Гурия, Имеретия, Мегрелия; о Западной Грузии сказано, что это древняя Колхида, родина Медеи. Грузинский царь называет «город Тифлис» столицей своего государства. Наряду с правильными данными встречаются и ошибочные; автор не пишет о Грузии, как о христианской стране, а представители царской семьи выведены мусульманами. Понятно, что приключения героев никак не связаны с подлинными историческими событиями.

В аспекте сказочной фантастики, но очень своеобразно данные о Грузии находят преломление в творчестве известного итальянского драматурга XVIII века Карло Гоцци. В век просвещения, когда разум был признан мерилем всех жизненных явлений, он старался возродить на сцене импровизационную комедию масок дель арте и наполнил свои театральные сказки (фьябы) чудесами и фантастическими превращениями. В поисках материала он обратился к сюжетам сказок Италии и других народов. Но чудесные приключения нельзя было показывать зрителю XVIII века на фоне современной жизни и знакомой страны. Поэтому Гоцци переносит события или в неведомые сказочные царства или в отдаленные страны, о которых зрители мог-

ли иметь лишь смутное представление. Так, в пьесе «Турандот» действие происходит в Пекине, в «Синем чудовище» – в Нанкине.

С Грузией связаны пьесы Гоцци «Женщина-змея» (1762) и «Синее чудовище» (1764), особенно первая пьеса, в которой большая часть действия разворачивается в Тифлисе, а главный герой по имени Фаррускад назван «царем Тифлиса». Его жена – фея Керестани. Но она, полюбив смертного человека, навлекла на

себя гнев волшебного мира. Только твердость Фаррускада может спасти ее от страшного наказания. Чтобы испытать его верность, Керестани на глазах мужа бросает детей в огонь, во время нашествия на страну вражеского войска она уничтожает продовольствие, которое везут измученному населению осажденной столицы. Тогда, доведенный до отчаяния, Фаррускад проклинает свою жену. Но не успел он это сделать, как ему приходится жестоко раскаяться, ибо он узнает, что это было лишь испытанием его верности: дети его живы, уничтоженное продовольствие было отправлено его врагам, а теперь страна чудесным образом спасена от неприятеля. Но он нарушил обет, проклятие злых волшебников должно исполниться. Керестани исчезает, превратившись в страшную змею. Безутешный Фаррускад отправляется искать свою жену. Он бесстрашно сражается с чудовищами и великанами и своим мужеством спасает Керестани, которая обретает свой прежний облик.

Главную сюжетную линию произведения Гоцци взял из персидской сказки, но перенес действие в Грузию. В пьесе фигурирует еще сестра грузинского царя – принцесса Канцаде – красавица и храбрая воительница, которая в отсутствии брата защищает свою страну.

В Италии в тот период существовало немало источников со сведениями о Грузии, которыми Гоцци мог бы воспользоваться. Но он писал театральную сказку, для которой не требовались точные исторические или географические данные. Он правильно представлял себе местоположение страны, ибо в тексте упоминается река Кура, по которой везут продовольствие в осажденный город. Декорации второго акта должны изображать «зал царского дворца в Тифлисе». В тексте упоминается о существовании в столице сильной крепости. Но никакие исторические данные в пьесе не использованы, а герои названы не грузинскими именами. Само нашествие на Грузию приобретает романтический характер: злой великан не только хочет захватить страну, но также добивается руки прекрасной Канцаде, сестры царя. Поэтому он приказывает своим воинам быть осторожными и не ранить воительницу Канцаде, но взять ее в плен живой и невредимой. Использование в пьесе подобной темы нисколько не удивительно: о красоте грузинских женщин писали бывавшие в Грузии путешественники, и эта тема получила отражение в европейской художественной литературе.

Грузинская красавица принцесса Дардане выведена главной героиней и в пьесе Гоцци «Синее чудовище». Но действие происходит в Китае – возлюбленная Таэра, принца нанкинского. Их история это пример истинной любви. На их пути встречаются тяжелые препятствия. Дзелу – Синее чудовище разлучает их, и передает Таэру свой страшный облик. Только постоянство в любви и сила воли помогают героям выйти победителями из всех испытаний.

Гоцци не ставил своей целью ознакомить зрителя с жизнью восточных стран и не стремился подражать колориту восточных сказок. Фантастика Гоцци полна жизни, она причудливо сочетается с вопросами современной эпохи, с забавным юмором и колкой сатирой. Холодному эгоизму и расчетливости подымающейся буржуазии он противопоставляет своих мужественных, благородных героев, наделенных большими чувствами и готовых на подвиг во имя дружбы, братской и супружеской любви.

Наталья ОРЛОВСКАЯ

Инна Дивногорцева-Григолия

«ПО ЛЕПЕСТКУ ЖИЗНЬ СОСТОЯЛАСЬ»

Можно знать человека долгие годы, общаться с ним и не знать его полностью, лишь когда под жизнью подведена последняя черта, начинаешь видеть его цельный образ.

Нет среди нас Инны Дивногорцевой-Григолия, остались ее работы, графические и живописные, ее стихи, ее наброски работ, записи мыслей и рассуждений об искусстве. Я знала ее многие годы. Это была высокая, представительная и всегда очень привлекательная женщина, умевшая поддержать интересную беседу, гостеприимная и доброжелательная. В одежде придерживалась современных линий, ее одежда создавалась по собственным эскизам, иногда из лоскута могла создать великолепный туалет.

В круг ее общения входили – выдающиеся деятели культуры.

Особое место в жизни Инны Дмитриевны занимал Ладо Григолия, - муж, друг, учитель. Она училась в

Тбилисской Академии художеств, закончила факультет графики. Педагогом и руководителем ее дипломной работы был Ладо. Другим учителем и руководителем был график, Иосиф Шарлемань, входивший в группу преподавателей, составивших основное ядро Академии и воспитывавших в студентах профессионализм, трудолюбие, широкий кругозор и любовь к искусству.

Дипломная работа – графическое оформление книги Ромена Роллана «Жизнь Микеланджело» имела успех, сегодня, спустя десятилетия вызывая восхищение своей изысканностью, гармоничностью композиций, отражающих дух и стиль эпохи Возрождения в современной трактовке. Обложка, заставки, фронтиспис в виде триптиха созданы с использованием микеланджеловских «Рабов» и дополнены портретным изображением великого художника.

Следующей работой, вызвавшей признание и многочисленные отзывы, было графическое оформление книги Саади «Гюлистан». Художница нашла свой стиль, используя художественное наследие древнего Ирана в его современной интерпретации. Форзац книги выполнен в трех цветах: красном, белом и оранжевом. На красном фоне расположены одиннадцать оранжевых медальонов с белыми изображениями, это – сцены охоты, звери, растения. Изящные орнаментальные мотивы на красном фоне объединяют медальоны в единое композиционное целое. С большим художественным вкусом создан титульный лист, где рисунки-символы, орнамент и шрифт представляют гармоничное целое, в которых улавливается музыкальность, соответствующая поэтическим образам Саади.

Творческий успех сопутствовал ей в работе над книгой У. Теккерея «Ярмарка тщеславия», где в иллюстрациях к многочисленным главам художник раскрыл глубину образов, часто придавая им гротескную

характеристику.

Специалистами отмечалось графическое оформление гениальной поэмы Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Книга была издана в 1966 году к юбилею. Перед Дивногорцевой стояла сложная задача – создать иллюстрации, не похожие на созданные другими художниками. Трактовка и стиль ее образов приближены к фресковой живописи Грузии эпохи Руставели. Фигуры удлинены, их позы статичны, что придает им величественность, монументальность. Особенно запомнился триптих на слова поэмы: «Ты раздай богатство бедным и рабов освободи», на котором изображена царица Тинатин. Триптих И. Дивногорцевой украсил альбом - сборник иллюстраций, разных художников в разное время к руставелевской поэме. Эта же иллюстрация послужила эскизом для монументального панно, выполненного в технике росписи темперой. Работа была представлена на выставке, а затем передана в Музей искусств Грузии.

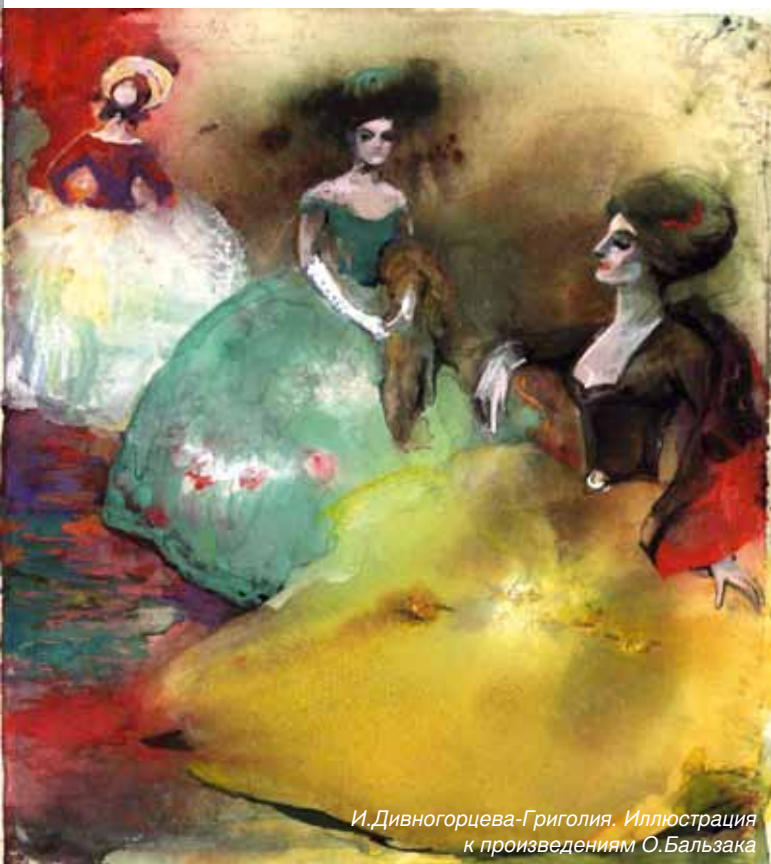
В 1972 году был издан альбом «Инна Дивногорцева-Григолия. Графика, живопись, рисунок» со вступительной статьей действительного члена Академии художеств СССР А. Лебедева.

Безусловно значительной работой были иллюстрации и графическое оформление романа Льва Толстого «Война и мир» и повести «Хаджи - Мурат». В последней с предельным лаконизмом дан символ произведения – сломанный цветок горного репейника. Дивногорцева плодотворно работала в области книжной графики, только перечень изданных книг занял бы несколько страниц, ведь их более 200!

Это и классика - грузинская, русская, западная и восточная - и произведения современных писателей и поэтов, и произведения, дошедшие из глубокой древности и античная литература (Сказание о Гильгамеше и Платон). Великолепно оформлены сочинения У. Шекспира и И.В. Гете, М. Сервантеса и Ф. Шиллера, О. Бальзака и Ч. Диккенса, Г. Гейне, О. Уайльда, А. Франса, С. Цвейга, А. Мицкевича, А. Пушкина, Л. Толстого, Н. Гоголя, Ф. Достоевского, Ш. Руставели, Н. Бараташвили. Обращает на себя внимание оригинальность графического и шрифтового решения сборников стихов Колау Надирадзе, Мурмана Лебанидзе, Ладо Асатиани, Изы Орджоникидзе, Ираклия Абашидзе и др. В каждом отдельном случае она создавала графическое оформление книги с учетом духа и стиля, характера литературного произведения. Композиции, рисунок, цветовая гамма, шрифт, эмоциональная осмысленность и общая архитектура всегда соответствовали литературному произведению, будь то лирическое, историческое или сатирическое.

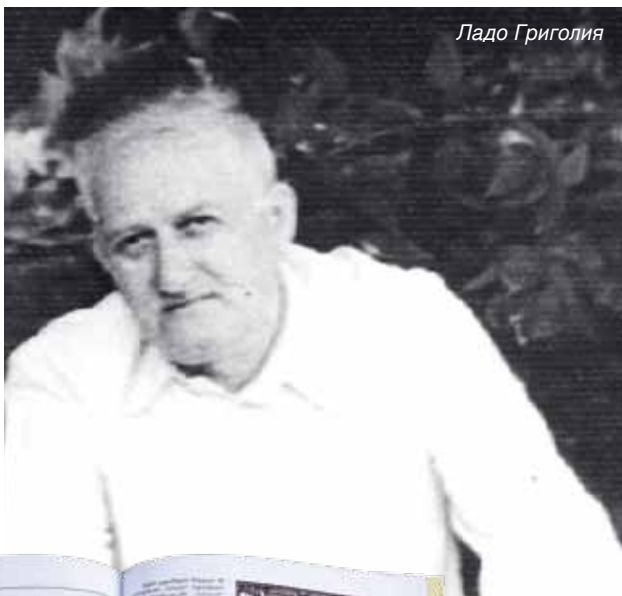
В книжном оформлении шрифту художница отводила особое место, иногда он включал образно-образительный элемент, мог нести орнаментальный характер, быть только декоративным, но всегда был созвучен литературному произведению.

«Для стиля книжного оформления И. Д. Дивногорцевой характерна строгая идейно-смысловая направленность, достигаемая средствами и гармонической ясности и декоративно-шрифтовыми элементами, рас-

И. Дивногорцева-Григолия. Иллюстрация к произведениям О. Бальзака

Ладо Григолия

крявающими художественный стиль эпохи. Органически сливаясь в единое, все эти художественные компоненты создают содержательный, высокоэстетический образ-синтез», - писал академик А. Лебедев.

И.Дивногорцева - Григолия создала ряд произведений в области станковой графики, это несколько автопортретов маслом и темперой, композиции на исторические темы, как сцена венчания Александра Грибоедова с Ниной Чавчавадзе в Сионском соборе, а также их портреты, портрет Тины Цавкисели с кремниевым ружьем, героини грузинского народа 18 века, портрет Руставели на фоне Джвари, а также серия графических листов с изображением памятников древней Греции – Парфенона и Эрехтейона, дорога к Олимпу. И.Дивногорцева создала ряд работ в технике монотипии - портреты, натюрморты, пейзажи, отличающиеся лиричностью.

«Заслуживают внимания композиции в станковой графике, - писал о этих работах художницы искусствовед Шалва Квасхадзе, - их исторический или портретный жанр, натюрморт или пейзаж отличаются поэтической природой, мажорным звучанием, хорошим рисунком и общим артистическим мышлением».

И. Дивногорцеву - Григолия знали как художника – графика и мало кто как поэта. При жизни ей удалось издать сборник стихов «Фрески», в журнале «Сабчота хеловнеба» пару раз печатались ее стихи. Помню, говорила мне, что долго не могла решить, в какой институт поступать, в Тбилисскую Академию художеств или посвятить себя литературе. После долгих сомнений решила поступить в Академию, но всю жизнь продолжала писать стихи, показывала поэтам, чьим мнением дорожила. Колау Надирадзе писал: «Ее творчество – творчество истинного художника. Ее взгляд глубок и оригинален, ее восприятие ярко и наполнено цветом, ее понимание жизни принадлежит только ей, жизнь которую она видит ушедшей в глубину веков, она олицетворяет с романтикой прошлого, которая согревает и пленяет наши сердца. Стихи Дивногорцевой - Григолия – это благо для тех, кто понимает поэзию. В ее стихах звучит радость любви и минутная печаль о прошлом, ушедшем».

Есть связь Времен,
она нерасторжима.
Спиралью, кругами;
солнц, звезд, планет,
Повязан свод небес.
И Жизнь –
незримыми нитями,
И Вечный Разум –
кружит нами,
И мыслим мы
с «ушедшими» давно
И с теми, кто придет.

В последние годы жизни подводится итог достигнутого и недосказанного, переосмысливается прошлое. Она спешит довести до конца книгу о Ладо Григолия, одном из основоположников школы современного грузинского шрифта; собрать воедино оставленные им исследования о методах и принципах создания моду-

ля построения грузинского шрифта академического и современного. Труд кропотливый и тяжелый, но это долг. Так идут месяцы, годы. Тяжелейшие годы развала страны, экономики, когда не было света, тепла, минимальных средств. Первый том «Ладо Григолия. Станковая и книжная графика» был издан в 1989 году в Германии. Она работает над второй книгой, а стихи наплывают сами собой, успеть бы их записать, пока «они кружат неслышными шагами...»

По лепестку,
по лепестку
слетают дни...
И предо мной
не горсть опавших лепестков -
ушедших дней лежит,
и память шорохом сухим
их ворошит,
а сад весны...
По лепестку,
по лепестку слетают дни...
И я спешу,
как будто что-то догоню,
как будто что-то
вспять верну,
заговорю...

Слетели юность, красота
по лепестку,
Слетели счастье,
любви восторг-
по лепестку.
И облетели чувств цветы –
по лепестку...

По лепестку – жизнь состоялась!
Осенним деревом стою
и сбрасываю сердце
по лепестку...

Александр Межиров так отозвался о ее стихах: «В постоянном круге тем запечатлено время с яркими признаками современности, стихи обогащены цветом, они переплетаются с ее живописью. Поэзия И. Дивногорцевой по праву может быть названа поэзией мыслящей... Прямая авторская причастность живописи придает произведению особую красочность. Богатство красок умело воплощается в слове».

Действительно, во многие стихи вкраплены цвета, зрительно их можно воспринять как картину, где даже имена существительные имеют красочное, цветовое определение.

Ее стихи часто отличаются визуальной образностью, объемом изображаемого.

Несколько иной характер отличает цикл ее стихов на тему писем А.С.Пушкина П.А.Вяземскому. Инна Дмитриевна пишет: «В один из трудных периодов моей жизни; болея, отвлекая себя, читала «Письма А.С.Пушкина» и делая краткие выписки, перечтя, обнаружила поразительную мелодичность его стиля, один сквозной лейтмотив...»

Так родился цикл стихов на тему «Письма Пушкина».

Бывая в Москве, где в «Литературной газете» печатались ее стихи, она общалась с признанными литераторами. Отзыв о ее стихах написал Сергей Михалков. В редакции она познакомилась с одним из литературных

редакторов Станиславом Айдиняном. Станислав или Стасик, как называла его Инна Дмитриевна, помог ей осуществить заветную мечту – встретиться с Анастасией Цветаевой, известным литератором, критиком, мемуаристом, поэтом. В 1980-е годы между ними завязалась переписка.

В мае 1985 года Айдинян писал Инне Дмитриевне: «Мне всегда приятно получать вести от вас, так и последнее письмо порадовало своим явлением. Не с меньшим нетерпением жду я книгу, и чтобы вы лучше поняли ее значение приведу вам слова Анастасии Ивановны, которой я читал стихи, которые опубликованы в Литературке, она сказала: «Это хорошо. Это – поэзия!»

Анастасия Ивановна – строгий и подчас беспощадный ценитель современной поэзии, а вкус ее воспитывался в той атмосфере, в коей росло искусство ее сестры Марины Цветаевой».

Ответ Анастасии Цветаевой был таков: «Дорогая Инна Дмитриевна!

У вас такая же необыкновенная фамилия, как и изящный стиль ваших стихов.

После прочтения вашего письма и сонета на меня повеяло прошедшими годами...вспоминаю легкое дуновение ветров ваших рифм...после соприкосновения с этим волшебным царством, меня охватило единственное желание: умом воспринять и прочувствовать ритмичность окончания строк...Уверена, что они и к вам придут и вашу жизнь заполнят гармонией и светлой радостью...».

В последние годы жизни, как уже было сказано, она много и интенсивно работала над книгой «Ладо Григолия». Второй том завершен, но не издан. Инна Дмитриевна подготавливает к печати отдельную третью книгу «Ладо Григолия и основы искусства грузинского шрифта», приуроченную к 100 летию со дня рождения художника.(1903 – 1977).

По сути это первое практическое пособие в основе которого лежит классическое творческое наследие Ладо Григолия. Книга предоставляет широкому кругу ценителей грузинского искусства замечательного мастера, она может быть также учебником по обучению искусству графического оформления книги, искусству шрифта и созданию его новых вариаций.

Главы «Мастер книжной графики», «Загадка «авторства» грузинского шрифта «Мхедрули» (слово художника)» или «История возникновения алфавита» представляют искусствоведческое исследование и свидетельствуют о ее глубоких знаниях в этой области.

Книга была издана в 2004 году издательством «Сакартвелос мацне».

Это последний год ее жизни, ее страстное желание издать книгу о Ладо Григолия осуществилось. Презентация книги состоялась в июне, а 13 октября ее не стало.

Бессспорно, Дивногорцева состоялась и как художник, и как поэт...Осталась подготовленная к печати книга стихов «Тени палитры» с иллюстрациями автора, ее размышления, раздумья, мысли...

«Чудо жизни» - неизъяснимое и прекрасное, - писала Инна Дивногорцева - Григолия, - данное случаем, на краткий миг, приходит и уходит не по воле нашей и искать суть этого – тщетно... Объяснять бессмысленно... Доступно одно – восхищение и трудное, жесткое примирение со страданием, «освобождающим» от этой беспредельной любви и жажды жизни. Важно сказать «Я был!» ...Я тоже был...И это все...».

Генриетта ЮСТИНСКАЯ

Мери Давиташвили, Саломе Табатадзе, Каха Цабадзе

ПУТЬ НА БОЛЬШУЮ СЦЕНУ

40-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ОТМЕТИЛА «НЕДЕЛЯ ДЕТСКОЙ И ЮНОШЕСКОЙ МУЗЫКИ». НА ОТКРЫТИИ ФЕСТИВАЛЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СК ГРУЗИИ К.ЦАБАДЗЕ СКАЗАЛ, ЧТО РЕШЕНО ФЕСТИВАЛЮ ПРИСВОИТЬ ИМЯ ЕЕ ОСНОВАТЕЛЯ – М.ДАВИТАШВИЛИ. В ОТВЕТНОМ СЛОВЕ КОМПОЗИТОР ПОБЛАГОДАРИЛА ЗА ОКАЗАННУЮ ЕЙ ЧЕСТЬ И ПОЖЕЛАЛА УЧАСТНИКАМ УСПЕШНОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ.

Фестиваль открыли учащиеся школы искусств №6 им.М.Ипполитова-Иванова. Были исполнены произведения грузинских композиторов В.Азарашвили, М.Давиташвили, Э.Ломдаридзе, О.Тактакишвили, К.Цабадзе и др.

Неделя прошла с большим успехом. Почти каждый день зал был переполнен. Многие участники показали себя с наилучшей стороны.

Все без исключения выступали с большим задором и энтузиазмом. Запомнилось выступление юной пианистки Саломе Табатадзе (педагог М.Кипиани). На открытии она успешно выступила в фортепианном дуэте, а на закрытии как солистка, исполнив «Благую весть» К.Цабадзе.

После фестиваля М.Давиташвили сказала, что сочинять она начала для детей, чтобы заинтересовать их музыкой, и решение учредить фестиваль пришло во время общения с ними. Многие выдающиеся грузинские музыканты начинали свое восхождение через этот фестиваль, а теперь с успехом гастролируют по всему свету и выступают на самых престижных сценах различных стран мира.

Н.Меманишвили в возрасте 11 лет впервые стал за дирижерский пульт и блестяще справился с трудной задачей. Теперь он руководитель национального музыкального центра Грузии, дирижер симфонического оркестра им.Е.Микеладзе, ярко проявил себя как композитор, аранжировщик, пианист. Несмотря на занятость активно ведет научный поиск. Его первой

крупной научной находкой была забытая древняя опера «Эвридика», постановку которой в паре с режиссером Д.Доиашвили он успешно осуществил в Большом зале консерватории. Н.Меманишвили заслуженно пользуется большим авторитетом среди зарубежных коллег, особенно среди российских музыкантов. Они с радостью приезжают в Грузию и проводят с ним совместные концерты. В мае 2010 года в рамках юбилейного фестиваля приезжал признанный во всем мире музыкант Сергей Накаряков. Вместе с симфоническим оркестром (дирижер Н.Меманишвили) он виртуозно и с большим вдохновением сыграл концерт Ф.И.Гайдна.

Н.Жвания – профессор консерватории, блестящий лектор, большой знаток музыки выдающихся современных композиторов.

В.Шиукашвили блестяще выступил на международном конкурсе пианистов в Санкт-Петербурге и вышел в финал, удостоившись Гран-при среди пианистов. Кстати его первый педагог Д.Цинцадзе – выпускница Ленинградской консерватории

Сергей Накаряков и Ника Меманишвили

им.Н.Римского-Корсакова. В.Шиукашвили в том же году принял участие в двух международных конкурсах в Италии и Испании и в обоих завоевал Гран-при. На родине его наградили еще и премией.

М.Надирадзе живет в Англии и, как сказал ее педагог профессор Г.Амирэджиби, она яркая звезда и ведет звездную жизнь. А.Корсантия – профессор Бостонской консерватории, завоевал Гран-при на конкурсе им.А.Рубинштейна. Л.Батиашвили – победитель многих международных конкурсов, живет во Франции.

Все они много гастролируют и выступают на самых престижных сценах. Следует отметить также успехи юных, но уже успешных музыкантов. В частности, Саломэ Жордания стала лауреатом в Москве на международном телевизионном конкурсе «Щелкунчик». После чего была приглашена в Москву на международный фестиваль «Москва встречает друзей», организованный благотворительным фондом В.Спивакова.

Ирма Гигани - стипендиат того же фонда и принимает активное участие в проводимых им фестивалях. Она с успехом выступила на юбилейном концерте, посвященном 130-летию со дня рождения С.Рахманинова, с симфоническим оркестром Большого театра (дирижер – М. Грановский).

Перечень имен можно продолжить до бесконечности. Важно отметить: эти праздники музыки, равно как и юбилейный фестиваль им. М.Давиташвили стали трамплином для многих грузинских музыкантов и вехой в их творческой биографии.

Реваз ТОПУРИЯ

В июле 1996 года ушел из жизни Константин Сергеевич Герасимов - выдающийся литературовед, сонетолог, поэт, библиофил, педагог, эрудит-энциклопедист, профессор Тбилисского государственного университета им. Ив. Джавахишвили.

МКПС «Русский клуб» при поддержке Фонда «Русский мир» осуществил издание сборника «Возвращение», в который вошли большей частью ранее не публиковавшиеся материалы из архива К.С.Герасимова – поэтические произведения, записные книжки, научные статьи, а также воспоминания ряда его коллег и учеников.

Предлагаем вниманию читателей воспоминания Виктории Поповой из этого сборника.

ИЗ ГЛУБИНЫ

Почему именно так назвал Константин Сергеевич свою книгу сонетов? Едва ли кто-то, кроме самого автора, мог бы совершенно точно ответить на этот вопрос. Но уж, конечно, не из глубины времени или прожитых лет. Мне всегда казалось, что жил он в каком-то другом измерении, в интеллектуальном пространстве, где были свои масштабы и времени, и расстояний, эпох и личностей. И до сих пор для меня остается загадкой, как умудрялся он бытие своего мира, где царили безукоризненный вкус, рафинированный аристократизм духа и мысли, совмещать с тем бытом, в который все мы были погружены. Это были годы проглоченных зябкой темнотой улиц и какого-то непроходящего ощущения всеобщей фрустрации. Буквально на глазах рушились привычные жизненные ценности, менялись ориентиры. Назвать эти времена днями торжества поэтического слова пришлось бы в голову разве что безумцу. Но для меня, в моей памяти, дни, когда рождалась книга сонетов Константина Сергеевича, навсегда останутся счастливым временем, роскошным подарком, возникшим из глубины герасимовского мира.

Я хорошо помню тот вечер, когда на мой стол легла увесистая пачка рукописей. «Вот, читай! Это сонеты, и их нужно проиллюстрировать. У тебя в запасе один день и еще ночь. В понедельник утром в «Мерани» будет ждать Герасимов. Все уже решено и других вариантов просто нет». Сначала безапелляционный тон моего друга Ефима Курганова, собственно автора этой авантюры, вызвал у меня бурю негодования, смешанного с ужасом. (В те времена Фима - будущий преподаватель Сорбонны, доктор философских наук, автор множества литературоведческих книг и исторических романов, был беззастенчиво выделен Герасимовым из числа многих молодых диссертантов и встречался с Константином Сергеевичем почти каждый день.) И как ему в голову пришло рекомендовать меня Герасимову! Ведь Константин Сергеевич никогда не видел моих работ – к тому времени у меня еще не было ни одной персональной выставки, я никогда не занималась иллюстрацией и даже не представляла, как это делается. Комплекс дилетанта-самоучки тут же нарисовал мне картину - непроницаемо вежливое, отстраненное выражение на лице Герасимова, рассматривающего мои жалкие эскизы. Такое лицо бывает, когда хотят сказать: «Извините, произошла ошибка» и т. д., но подбирают выражения, чтобы не оскорбить даму. В общем я была в отчаянии. И тогда Фима стал подробно мне объяснять, что эта книга давно ждет своего художника, что все представленные варианты других иллюстраторов, к сожалению, в чем-то не совпадали с ожиданиями Герасимова, что есть наброски великолепных художников – Марка Полякова и даже Эрнста Неизвестного, но в их работах, действительно блестящих, Герасимов увидел

Константин Герасимов

талантливое индивидуальное самовыражение, но, к сожалению, никак не отражение того мира, которым были наполнены его сонеты. Понятно, что такое объяснение вогнало меня в еще больший комплекс. А Фима продолжал, что они с Константином Сергеевичем пришли к выводу – эти стихи скорее всего должны иллюстрировать именно филолог - линия должна соответствовать нагрузке слова, нужен голос, вторящий солисту - дуэт, поющий одну мелодию, а не соло двух авторов. И что-то еще в том же духе. Все это меня не убеждало, и только последний аргумент заставил, скрепя сердце, согласиться - эта книга может так и не увидеть свет. Издательство «Мерани» на грани закрытия, главный редактор Ушанги Рижинашвили по приглашению английского медиамагната Роберта Максвелла уехал в Москву и издает там журнал «Наше наследие». Для Тбилиси потеря такого блестящего и смелого редактора была очень болезненна. Ведь благодаря именно ему, преодолев барьеры запретов и жесткой цензуры, «Мерани» напечатал «Сны о Грузии» опальной тогда Ахмадулиной, Гумилева, Пильняка, Бабеля, Гиппиус, Елену Рерих... Книга сонетов Герасимова была прощальным подарком Ушанги Ильича его другу- автору и всем читателям, ценящим настоящую литературу.

Времени было в обрез. Я начала читать рукопись. И захлебнулась. Это была поэзия, рассчитанная на немногих, на читателя, близкого автору по интеллекту, широте знаний и культуре. Живое, пульсирующее чувство, мне казалось, намеренно зашифровано, закрыто для непосвященного. Латынь, так естественно вплетенная без перевода в русский стих, обращение к Библии, Корану, Торе, к откровениям святых мудрецов Аюрведы, к эллинским и древнеримским авторам, культуре Древнего

Египта, Вавилона, свободное, естественное цитирование европейских классиков от Возрождения до наших времен...

В назначенный час я была в редакции. Позвонили Герасимову. «Беги!» - коротко ответил он и повесил трубку. От переулка Джавахишвили, где он жил, до «Мерани» не больше десяти минут ходьбы. Ждем десять минут, полчаса, час. Константина Сергеевича нет, его телефон молчит. Я чувствую себя жертвой, ожидающей казни. Лихорадочно жую вязкую хурму, подсунутую кем-то из сострадающих. Единственная мысль – кинуть папку с эскизами куда-нибудь в корзину и сбежать. Кто-то не выдерживает напряжения и отправляется на поиски Герасимова. Через минуту возвращается. Оказывается, Константин Сергеевич стоит в вестибюле и нервно курит. Судя по грудке окурков у его ног, стоит давно, не может заставить себя зайти в редакцию – боится очередного разочарования. Наконец, решился – пятьдесят на пятьдесят. Если хотя бы на пятьдесят процентов рисунки совпадут с текстом, нужно соглашаться – выхода нет. Дверь стремительно открывается – на пороге, молча, Герасимов. Я от неожиданности роняю папку. Эскизы летят куда-то под стол, Герасимов, так же стремительно и молча, ныряет под стол за ними. Я тоже. Мы, сталкиваясь лбами, почти ползаем под столом. Он нетерпеливо пытается там же рассмотреть собираемые листки – я тяну их на себя, хочу что-то объяснить, но предательская хурма сдавила горло. За молчаливой возней под столом изумленно наблюдает вся редакция. Он, все так же безмолвно, забирает эскизы из моих рук, рассматривает, наконец, поднимается и выносит приговор: «Нет, это не пятьдесят процентов!» Аккуратно раскладывает листочки по столу, долго и внимательно изучает каждый, совершенно не замечая моего отсутствия. А я все там же – на грани слез, раздвоенная, онемевшая от хурмы и приговора и совершенно точно уверенная, что никакие силы теперь меня отсюда не выкурят, пока Герасимов не уйдет. Неожиданно передо мной возникает строгое и удивленное лицо Константина Сергеевича: «Как? Вы до сих пор здесь? Что-нибудь еще нашли?» Я молчу. И только теперь он, кажется, понял, что со мной происходит. Лицо осветилось мягкой улыбкой: «Простите, я, кажется, не совсем понятно выразился. вы попали в точку – это не пятьдесят процентов, это все сто. Спасибо! Если вы согласитесь оказать мне честь, я буду рад. Поднимайтесь! Давайте вашу руку!» Вот с этой щедро протянутой в мою сторону руки и началось наше сотрудничество, перешедшее в дружбу. С тех пор, когда меня спрашивают, каким образом я стала иллюстратором этой книги, где нашел меня Герасимов, я коротко отвечаю: «Под столом!»

И началась совершенно необыкновенная, яркая, насыщенная событиями и открытиями полоса в моей жизни. Первым и самым значительным открытием для меня был, конечно, сам Константин Сергеевич. Все мои (его бывшей студентки) представления о сухоовато-вежливом, отстраненно неприступном Герасимове рушились с каждой встречей. В памяти остались долгие осенние и зимние вечера. Я сижу в уютном кресле, завернутая в плед. Герасимов на кухне колдует над кофе по своему, какому-то новому, совершенно экзотическому рецепту. По комнате, освещенной керосиновой лампой, по возвышающимся до потолка книжным полкам и картинам гуляют тени, на полу жарко потрескивает керосинка. Откуда-то из темных углов, привлеченные теплом, появляются коты – это законные домочадцы, священная и неотъемлемая часть герасимовского мира. Они чинно устраиваются вокруг раскаленной керосинки. У каждого свое место. Повидимому, здесь какая-то строгая субординация. Один из котов затевает ссору, пытается отвоевать себе место получше. Скандалиста за шиворот выпроваживают в соседнюю холодную комнату – «Посиди и подумай!» Кот молча отбывает наказание за закрытой дверью – пере-

чить здесь не принято. На журнальном столике, прямо на разложенных рукописях по-хозяйски располагается тот, которому можно все. «Он мудрый, – замечает Константин Сергеевич, – мы с ним уже не первый год пишем вместе».

Кофе готов, разлит по крошечным чашечкам, и начинается ритуал посвящения в искусство наслаждения. Каждый глоток нужно прочувствовать, ощутить и оценить вкус, аромат, послевкусие.

Наконец, начинается работа над книгой. Хотя едва ли можно назвать словом «работа» то действие, в которое превращал этот процесс Константин Сергеевич. Я по одному достаю из папки с очередным «домашним заданием» эскизы иллюстраций. На оборотной стороне каждого листка – номер сонета. Но Герасимов намеренно не заглядывает на оборотную сторону. Он внимательно рассматривает очередной рисунок, а потом безошибочно начинает читать наизусть нужный сонет. Причем, не только читает – с бесподобной щедростью делится воспоминаниями о днях, когда рождались эти строки, рассказывает о своей жизни, людях, событиях и, конечно же, книгах. Книги – это предмет его особой, всепоглощающей, нежной и даже ревнивой страсти. Мне иногда казалось, что его отношения с людьми были куда менее эмоциональны, чем отношения с книгой. Надо было видеть, как

влюбленно светилось его лицо, с какой бережной нежностью перелистывал страницы какого-нибудь редчайшего фолианта из своей уникальной коллекции. Он мог годами охотиться за книгой, выслеживать ее, добивался, экономя на всем, покупал или выменивал. А когда, наконец, становился ее обладателем, был совершенно счастлив. Это был герасимовский мир, в котором и его книги, и его рукописи и коты были связаны с ним непостижимой родственной, пожизненной связью. Уж не знаю, за что и почему впущенная в этот мир, я втайне часто терзалась ощущением собственной неполноценности – слишком убог и мал был в этом необъятном мире багаж моих знаний, которые давало нам искореженное всяческими запретами, обрезанное цензурой образование. Видимо, интуитивно чувствуя мое состояние, хозяин дома как-то незаметно и очень деликатно умел создавать такую атмосферу, при которой мое невежество просто не принималось в расчет. «Поднимайтесь! Давайте вашу руку!» Он действительно мог поднимать собеседника «из-под стола» до своего уровня, никогда и ни в чем не подчеркивая своего превосходства. В какой-то мере мое невежество даже сыграло, как ни странно, положительную роль при создании книги. Однажды я осмелилась предполо-

жить, что большинству будущих читателей сонетов, к сожалению, будет недоступно в полной мере наслаждение чувством, заложенным в них, что не обладающий такой же, как автор, глубиной знаний читатель сможет увидеть лишь верхнюю часть айсберга. На это Герасимов отреагировал как-то сухо, но совершенно убежденно. Он сказал, что его несколько не интересует количество читателей - он предпочитает и адресуется к качеству. Есть книги, рассчитанные на любого и каждого - это такое однодневное чтение. А есть книги, читателями которых могут быть всего лишь человек десять, но избранных - не всеядный, а элитарный читатель, и ему тоже нужна именно его литература, по которой он испытывает голод. Пусть даже такая литература будет издана тиражом всего лишь в десять экземпляров. И тут я взбунтовалась: «За что вы нас, и меня в том числе, приговариваете к пожизненному невежеству?! За что казните и так уже наказанных невозможностью получить знания, которых так остро не хватает?! Разве всем жаждущим выпадает такое счастье, как мне, слышать сонеты с вашими комментариями, открывать для себя такой космос, о котором даже не мечталось!» В запальчивости, на грани слез, я наговорила что-то еще в защиту себе подобных и остановилась, увидев его растерянное лицо. К ужасу своему я поняла, что, не желая того, замахнулась на весь его мир, на него самого. Ведь действительно, не мог же он быть в своих сонетах иным, чем был на самом деле. Герасимов был расстроен: «Где же выход? Я не вижу. Не делать же пояснительные сноски к каждой строке. Это будет не книга, а урод». Неделью я боялась появиться в его доме, терзаемая муками совести. Мне казалось, что одним махом я разрушила всю степень доверия, откровенности и взаимопонимания, сложившиеся между нами. Наконец, раздался телефонный звонок: «Куда вы потерялись? Я сочинил потрясающий коктейль - вы непременно должны его продегустировать! Никаких возражений! Жду!» Я поняла, что прощена, и помчалась в дом, атмосферы которого мне теперь уже физически не хватало. Конечно же, был коктейль. В составлении коктейлей Герасимов был непревзойденным композитором и неприкрыто гордился каждым своим новым произведением. Но главный сюрприз ожидал меня впереди. Константин Сергеевич вынес стопку листков, плотно исписанных его четким мелким почерком: «Это вам подарок! Ваша правда - простите! Я не имею права быть скупым». Так появились в конце его

книги сонетов «Примечания», чтение которых доставляет не меньшее удовольствие, чем чтение самих стихов. Мир был восстановлен, и наши доверительные вечера, наполненные беседами, стихами, своими и чужими, продолжились.

Врожденный аристократизм и деликатность Константина Сергеевича никогда не позволяли ему перейти за грань душевного самообнажения - всегда оставалось что-то, что было за пределами его рассказа, сугубо личное, неприкосновенное. И все равно до сих пор у меня осталось ощущение какого-то неза заслуженного мною, ничем не оправданного доверия, которым одаривал меня в те дни Константин Сергеевич. Так откровенны мы бываем лишь с очень близкими (к которым я себя ни в коем случае не смею причислить) или со случайным попутчиком, зная, что ты с ним никогда больше не встретишься. Могла ли я знать, что это самое «никогда» уже вплотную приблизилось к жизни Герасимова! Не помню случая, чтобы он пожаловался или хотя бы намекнул на свою смертельную болезнь. *Ars moriendi* - искусство умирать. Он даже свой уход сумел превратить в искусство. И только когда его не стало, я вспомнила, как однажды, перелистывая уже почти сложившуюся книгу, Герасимов с каким-то горьким и неожиданно беззащитным отчаянием признался: «Мне кажется, я не доживу до дня, когда ее издадут!» Мне он виделся жилистым и вечным, и его отчаяние я тогда отнесла к очередному препятствию, которых так много было на пути рождения книги. Судьба книги действительно была сложной. Началась гражданская война. До сонетов ли было городу, который обстреливался снайперами! Даже стены храма Кашвети на проспекте Руставели были искорежены снарядами. Огромные стеклянные витрины «Мерани» были разгромлены и заложены мешками с песком. Ходили слухи, что пострадала и типография, были рассыпаны наборы русских шрифтов. По молчаливому сговору мы с Константином Сергеевичем старались не говорить о книге. Просто это надо было как-то достойно пережить. А когда все, казалось бы, более или менее улеглось, грянула инфляция. Сумма, отпущенная на издание книги, превратилась в чисто символическую. Добавить было неоткуда - мы все тогда перебивались на сухарях. Подорожала бумага, да и обнаружилось, что ее попросту нет - всю хорошую бумагу пустили на политическую мишуру, плакаты и листовки, которые никто не читал. Ветер разносил по опустевшим улицам этот мусор, и как-то Константин Сергеевич, глядя под ноги, горько сиронизировал: «Это могло стать страницами моей книги. Но, видно, в этом мире свои сонеты».

Как ни странно, чем больше препятствий возникало на пути у книги Герасимова, тем сплоченнее становился круг людей, упрямо, вопреки всему, желавших дать этой книге жизнь. Это было сопротивление интеллекта, духа несломленных тбилисцев. Вызов тому хаосу, в который, как в воронку, ввинчивалась наша жизнь. Безусловно, это был еще и показатель того огромного уважения, которое вызывала сама личность Константина Сергеевича.

Возникла идея набрать книгу на компьютере. Опыта не было никакого. Операторы-самоучки набирали текст медленно, заглядывая в шаргалки. Но рискнули - и получилось. А потом кто-то обнаружил среди хлама так и не разобранный со времен гражданской войны баррикады, чуть ли не в тоннеле, ведущем в Ботанический сад, прятанный или забытый кем-то рулон хорошей типографской бумаги. Хозяина этого рулона не обнаружилось, и ко всеобщей радости бумажная проблема сборника Герасимова чудесным образом была решена...

И наконец, пришел тот день, когда раздался телефонный звонок, и сдавленный волнением голос Константина Сергеевича позвал: «Приезжайте! Срочно! ОНА У МЕНЯ ДОМА!»

Виктория ПОПОВА

С Тенгизом Буачидзе

ПРИРОДА ТАЛАНТА

Гоги Лазарашвили

Профессионал не ждет вдохновения.

Профессионал не ищет тем для творчества, они находят его сами.

Так считает грузинский художник Гоги Лазарашвили – профессор Тбилисской Академии художеств.

Можно заниматься обыденными делами, смотреть телевизор или просто прогуливаться по проспекту Руставели – подсознание художника автоматически накапливает факты, эмоции, ассоциации. Подсознание «переваривает» их – и нужное для живописца всплывает на поверхность сознания.

И тогда Гоги поспешно берет толстенький блокнот и делает наброски будущих крупноформатных абстракций. В своих мини-зарисовках художник с дотошностью ученого указывает даже мельчайшие детали, благодаря чему уже в «зародыше» произведения просматривается не только фактурный, но и эмоциональный настрой.

Темы сами находят путь в душу художника, но именно его трудолюбие способствует тому, что любопытный созерцатель чужого творчества стремится отыскать ключ к шифру зачаровывающих картин.

И думается: возможно, профессионал не ждет вдохновения потому, что оно редко его покидает?..

В отличие от многих художников, которые пишут абстракции чисто интуитивно (или бездумно?) и без малейшего расчета быть понятыми, Гоги Лазарашвили старается быть по возможности конкретным – разумеется, в

рамках ограничений абстракционизма.

Конкретность Лазарашвили утонченна. Представьте, что вы хотите рассказать о себе совершенно незнакомому человеку. Вы искренни, вам хочется излить душу, но вы ничего не знаете о собеседнике. И вы набрасываете свой личностный образ немногими словами – все они правдивы, но таят и вынужденную недоговоренность, и всего лишь легкий намек на главные черты вашей личности. Что ж! «Умный поймет с полуслова».

Стоит сделать поправку: живопись постигается скорее сердцем, нежели умом.

А прочувствовать в творчестве Лазарашвили можно многое: и преклонение перед природой, и безграничный поиск смысла бытия, и трепетное отношение к любви – к «этой бабочке чувств».

«Суть искусства – добро, – говорит Гоги. – Живопись призвана гармонизировать наше душевное состояние. Реальный мир обустроен несправедливо. Нет разумного решения вопроса: почему один человек имеет право быть миллионером, в то время как сотни тысяч людей нищенствуют?! Мир неблагополучен. Человек потерял свое место в природе. Но живопись возвращает нас к ней. Мои картины – драма внутри нас, противостояние и примирение, и слияние. Я и мои близкие. Я и моя страна. Я и Космос. Я и мои эмоции. Нечто красно-черно-белое с проблесками синего – вот какое, как чувствую, мое внутреннее представление самого себя.

Я ценю людей, сохранивших в себе ребенка. Ребенку чуждо притворство, он живет инстинктами, эмоциями. Я люблю ребенка в себе. Несерьезный человек, говорящий и делающий серьезные вещи, – таков я. Художник имеет право быть именно таким. Я вижу два варианта будущего: люди паразитируют на планете, так называемый прогресс усугубляет регресс – и мы идем к самоуничтожению; либо – внутренняя и социальная свобода, выражающаяся в налаживании жизни без искусственных преград цивилизации, становится добровольным выбором большинства – и мир улучшается. Как оптимист я живу надеждой, что и мой небольшой творческий вклад послужит общему делу спасения в людях доброго начала».

И действительно, живопись Лазарашвили демонстрирует нам как в отражении натиска хаоса увеличиваются силы оформленно-сотворенного. Создавая картины, Гоги манипулирует цветом как дирижер-виртуоз. Его произведения динамичны. Пластика линий и трансформация фигур придают живописи Лазарашвили музыкальность.

«Я родился 11 июня 1946 года в интеллигентной семье, и, разумеется, в свое время окончил семь классов фортепиано. Рисовать же начал прежде, чем ходить. Но Академию художеств окончил только в тридцать лет. До нее были политехнический институт и масса увлечений. Как мастер парусного спорта и яхт-капитан первого класса я отлично изучил пластику волн. Жизнь моя была насыщена яркими событиями, потому что я не смирялся с обстоятельствами. С лихорадкой под сорок градусов я выходил в зимний шторм – за честь Грузии! Неоднократно становился чемпионом Грузии в международных регатах... Выставки в США, Германии и на Кипре помогли мне взглянуть на Грузию со стороны. За рубежом путь художника легче, но там нет того, что я ощущаю здесь. Нет особой наполненности пространства красочностью. Культурная атмосфера Грузии, как и экологическая, уникальна».

Картина Гоги Лазарашвили «Музыкант». Желто-красное пространство, в котором личность существует как мелодия – с вероятностью достичь бессмертия. Вибрирующее пространство – исходно бессмертно.

Природа таланта – улавливание темы, освященной свыше, и взятый на себя труд оделить других своим мироощущением...

«Фиксация импульса и творческое решение – вот и все, так просто, – улыбается Гоги. – Просто для тех, кто ничего не создает. А на самом-то деле: мучения, сомнения, поиск...»

Супруга Манана, внучка Анастасия и пудель Мобби для художника – источники радости и утешения. Ведь окружающие не всегда понимают внутреннее напряжение и замкнутость художника. Но его дочь Нато и брат Гоги, Тенго Лазарашвили – люди, также посвятившие свои жизни живописи, – знают, как нелегок поиск самого себя.

Попробуйте зримо представить такое понятие как «плюс бесконечность»! Или спроецировать вселенский макрокосм в пространство личного микрокосма. Или осмыслить: как может быть мерой смирения – уважение к каждой тленной пылинке мироздания, имеющей свою долю значимости в процессе самовоскрешения бытия?!

Катя ЦИБЕР

Работы Гоги Лазарашвили

«МЫ ПРИШЛИ НА ЗЕМЛЮ НА ОДИН МИГ...»

Отия Иоселиани

тераторы на один день задержались в Кутаиси, чтобы поздравить писателя с 80-летием. По счастью, видеозапись сохранила то восхищенное волнение и искреннюю радость, с какими гости фестиваля – именитые литераторы - приветствовали Отию Иоселиани. А еще – сохранился записанный монолог, когда Иоселиани хрипловатым, полным одновременно сарказма и доброты голосом, со своим неизменным прищуром неторопливо беседовал с журналистами «Русского клуба»...

- Взаимоотношения между людьми должны строиться на любви. А этого сегодня не хватает и у нас, и, по-моему, во всем мире. Грузию и Россию связывает многовековая дружба – в культуре, в искусстве, в делах... Это всегда нас очень сближало. У меня много друзей в России – и моих переводчиков, и просто единомышленников. И поэтому я приветствую фестиваль поэзии. Его надо укреплять, продолжать, потому что искусство, культура – это самое возвышенное, что есть у человека. Вообще, зачем один человек должен противостоять другому? Зачем наставлять друг на друга пушки и носиться на танках? Ведь мы все от Бога. Мы пришли на землю на один миг. Так пройдем наш путь в любви. Вот что мы должны донести друг до друга и до каждого человека. Посмотрите, как много людей разных национальностей сидит за нашим праздничным столом – это лучший пример, который прямо перед нашими глазами... Каждого из них я считаю своим близким, каждый мне чрезвычайно дорог, потому что каждый – человек. Искать и находить друзей, стараться заслужить любовь – только так мы сможем найти дорогу к спасению в нашей многострадальной стране. Наши предки оставили нам завет: «Человек человеком силен». Так зачем валять дурака? До того ли нам сейчас? Будем добры. Ведь если к человеку придешь с любовью, то он и встретит тебя с любовью...

Человек уходит навеки, оставаясь навсегда...
Не стало Отии Иоселиани, но осталось все, что было им сказано и написано.

Он при жизни стал классиком и легендой. Умный и мудрый, ироничный и снисходительный, великодушный и бескомпромиссный – это он... Когда читаешь Иоселиани, жить становится не так стыдно, потому что понимаешь, что можно и нужно жить так, как он – бесстрашно и честно.

На IV Международный русско-грузинский поэтический фестиваль в 2010 году съехались более 70 поэтов из 30 стран мира. Фестиваль начался в Тбилиси, а продолжился в Аджарии. Но по пути к Черному морю ли-

фото Александра Сватикова

Holiday Inn[®]

Отель «Холидей Инн» в Тбилиси

🕒 23:00

🕒 7:00

Мир без преград

ВТБ сегодня – это более 30 компаний в 20 странах мира. Когда мы действуем вместе, расстояния и время – больше не преграда. Объединяя усилия, мы открываем новые возможности.

8 (800) 200-77-99, www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ, ВТБ 24 (ЗАО), ОАО «Банк ВТБ Северо-Запад», ОАО ВТБ Банк, ЗАО Банк ВТБ (Беларусь), ЗАО «Банк ВТБ (Армения)», JSC "VTB Bank (Georgia)", ДО АО Банк ВТБ (Казахстан), ОАО Банк ВТБ (Азербайджан), Banco VTB Africa SA, VTB Bank (Austria) AG, VTB Bank (Deutschland) AG, VTB Bank (France) SA., ЗАО «ВТБ Капитал», VTB Capital plc., VTB Europe Strategic Investments Ltd., VTB Capital Markets Limited, ООО «Холдинг ВТБ Капитал Ай Би», ЗАО «Холдинг ВТБ Капитал», ООО СК «ВТБ Страхование», ООО ВТБ Факторинг, НПФ ВТБ Пенсионный фонд, ЗАО ВТБ Долговой центр, ЗАО «ВТБ-Девелопмент», ЗАО «ОДК», VTB Capital (Namibia) (Pty) Ltd., ЗАО «ВТБ Управление активами», ОАО «ВТБ-Лизинг», VTB Leasing (Europe) Ltd., VTB-Leasing Capital Ltd., ООО «ВТБ-Лизинг Финанс»